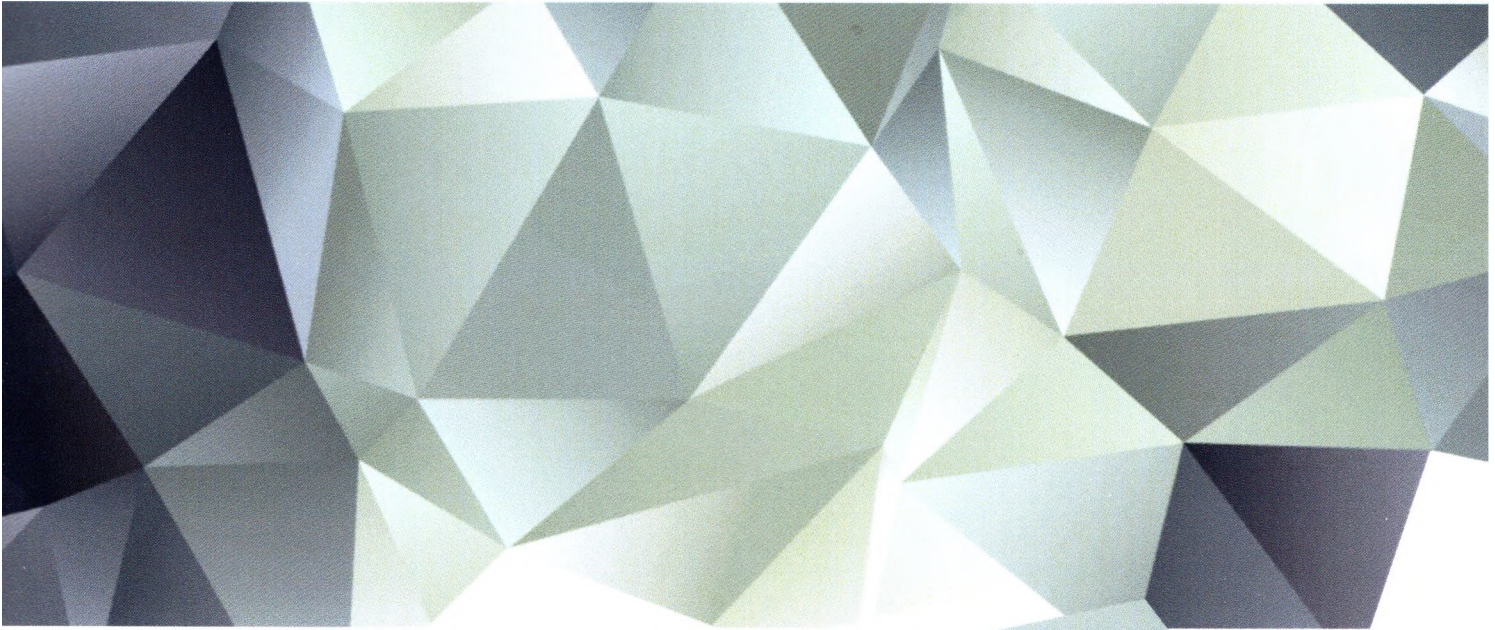

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ
АСПЕКТЕ**

ВИТЕБСК
2021

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ
АСПЕКТЕ**

Сборник научных статей

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2021*

УДК 34:340.115.7(045)
ББК 67.0я431+67.082я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 27.10.2021.

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (отв. ред.), **П.В. Борботько**, **П.В. Гурщенков**, **Е.Ф. Ивашкевич**,
А.В. Рыжик, **В.Г. Стаценко**, **П.Г. Шеленговский**, **И.И. Шматков**

Р е ц е н з е н т :

первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
доктор юридических наук, профессор *Р.В. Шагиева*

А43 **Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте :**
сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск :
ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 270 с.
ISBN 978-985-517-829-4.

В сборник включены научные статьи международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте», состоявшейся 3 декабря 2021 года в ВГУ имени П.М. Машерова.

Конференция проводилась в очном и дистанционном форматах юридическим факультетом Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Все научные статьи размещены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 34:340.115.7(045)
ББК 67.0я431+67.082я431

ISBN 978-985-517-829-4

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Елисеев В.С. Правовое обеспечение трехсекторной модели экономики Союзного государства	7
Ромашов Р.А. Понятие государства в контексте циклического политогенеза	16
Блинков О.Е. Реформа российского наследственного права как результат имплементации и адаптации зарубежного законодательства: уроки и перспективы работы над ошибками	23
Аниськина Э.Г. Клевета по уголовному законодательству России и Беларуси: компаративистский аспект	28
Муллахметова Н.Е. Институт частного обвинения в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации и Республики Беларусь	32
Хоменко Е.В., Рахвалова Д.О. Отдельные аспекты применения принципа территориальности исключительных прав в условиях цифровизации	36
РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД	
Алексеев С.М. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов	40
Борботько П.В., Ксендзов В.В. Некоторые тенденции в подготовке юристов	43
Борботько П.В., Прыгун В.Д. Соглашения о военнопленных в годы Первой мировой войны	46
Бурносова Ю.Л. Законодатель уточнил компетенцию специалиста в уголовном судопроизводстве	50
Вашетькова С.П. Юридическая природа ограничений исключительных прав	54
Горнак И.В., Сухарев А.А. Понятие и основания наследования в Республике Беларусь и Российской Федерации	58
Гурко Ю.П. О некоторых мерах по совершенствованию правотворческой, нормотворческой деятельности и научных исследований в области права в Республике Беларусь	61
Грачева Д.А. Процессы формирования нормативных основ цифровой экономики в контексте институциональной парадигмы формирования экономики Республики Беларусь	65
Завацкі Я.І. Праблема аховы прыроды і рацыянальнага прыродакарыстання ў працы трэцяй сесіі Вярхоўнага Савета СССР XI склікання (2–3 ліпеня 1985 г.)	71

Ивашкевич Е.Ф. Становление и конституционное закрепление новых конституционных институтов в постсоветских странах в 1990-е годы	74
Козак М.А. Полномочия Президента в сфере кадровых назначений в системе органов представительной власти	83
Кубарев И.В., Барган С.С. Тактика допроса подозреваемых: канадский опыт	88
Кусков А.С., Усцов Д.К. Особенности выбора и согласования экспертной организации и кандидатуры эксперта при рассмотрении гражданских дел	91
Маркина Н.А. Характеристика экологического вреда: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	96
Муравьев А.А., Грачева О.А., Маркова Н.С. Нормативно-правовое регулирование охраны труда на предприятиях легкой промышленности	99
Прилепова А.М., Егорова А.Г. Медиативное разрешение споров, связанных с внешнеэкономической деятельностью в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ	101
Сафонов А.И., Бурак Я.А. Роль прокуратуры в борьбе с коррупцией	104
Студенцова Ю.Н. Основные тенденции развития трудового законодательства в Республике Беларусь и Российской Федерации	109
Трацевская Л.Ф. Свободные экономические зоны Республики Беларусь и Республики Корея: место и роль в национальных правовых системах	112
Янч В.В. Социальный контроль и право в системе социального регулирования	116
Янчук В.А. Социальная ориентация национальной экономической системы как предпосылка модернизации Конституции Республики Беларусь	120
РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ	
Барышев В.А. Право собственности на культурные ценности и его охрана	124
Бочков А.А. Диалектическое взаимодействие правового государства и гражданского общества	129
Воронов Д.М. Избежание международного двойного налогообложения в рамках межгосударственных объединений путем развития и гармонизации правовых систем стран-участниц	134

Гуминский М.Н. Об определяющей сути административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Беларусь	136
Гурщенков П.В., Лаппо Д.А. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности	140
Козлова Л.В., Елисеев В.С. Проблемы правового регулирования договора аренды изолированных нежилых помещений	144
Куликова О.Н. Права изолированных от общества осужденных в условиях эпидемиологической ситуации: правовой анализ российского и белорусского законодательства	148
Лосев С.С. Основные теоретические проблемы ограничения исключительного авторского права	153
Мороз Н.В. Механизм защиты коммерческой тайны в трудовых правоотношениях	157
Мороз Н.В., Долгая Е.В. Ломбарды: история и современность	161
Мороз О.Л. К вопросу о субъектах свидетельского иммунитета в гражданском процессе	164
Николичев Д.Н. Управление наследством исполнителем завещания, душеприказчиком	167
Петров А.П. Международная защита прав и свобод человека	171
Петров В.А. Причины и условия возникновения источников права древнерусского феодального государства	174
Преснякова Т.В., Михайлова О.П. Договор суррогатного материнства: проблемы правового применения	178
Реут О.В. К вопросу о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	182
Самотошенкова К.А. Конституционное право граждан на жилье и гарантии его реализации	185
Снитко Е.В. Уклонение от уплаты налогов: совершенствование уголовно-правовых норм	188
Сухарев А.А. Психические аномалии как фактор опосредованной криминогенной значимости	191
Усачёва Е.А., Шантырева Е.А. Экономические санкции в отношении Республики Беларусь: правовая оценка	197
Филимонова В.И., Шеленговский П.Г. Правовое регулирование трудоустройства выпускников в Республике Беларусь и странах мира	200
Хількевіч В.У. Дуалізм ў сферы аказання юрыдычных паслуг ..	205
Шашкова И.М. Вопросы государственного регулирования в области физической культуры и спорта: история, предпосылки, современный этап	207
Шматков И.И., Адамчук Д.В. Торгово-таможенные отношения государств-членов ЕАЭС в условиях пандемии	211

Ястреб Д.С., Анюховская Н.В. О некоторых вопросах, связанных с оплатой вознаграждения адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению	213
РАЗДЕЛ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Дмитриева Т.Ф. Криминалистические технологии работы со следами киберпреступлений	218
Кавецкий Д.А. Цифровизация права на современном этапе: риски и возможности	222
Козловская В.В. О преимуществах медиации для урегулирования споров о нарушении прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет	227
Мороз Н.В., Смолякова З.В. Проблематика использования системы антиплагиат в сфере юридических наук	229
Николичев Д.Н., Коршок Д.И. Особенности защиты и охраны авторских прав на музыкальные произведения в условиях развития цифровых технологий	232
Санковский К.В., Алексеенко С.М. Киберпреступность в современном мире	235
Сафонова Т.В., Будько А.В. Понятие и виды информационного оружия	238
Стаценко В.Г. Особенности уголовно-правовой охраны информационно-коммуникационной безопасности в Республике Беларусь	241
Чупракова П.А. К вопросу о проблемах нарушения авторских прав в сети Интернет	245
Шеленговский П.Г. Преимущества и перспективы онлайн-образования	248
Янкевич Е.М., Кумин Н.А. Инновационный подход в управлении организацией	254
Янкевич Е.М., Огурцова А.Ю. Классификация методов прогнозирования и особенности их использования в управлении информационными ресурсами	257
Янкевич Е.М., Хохлова К.А. Трансформация права в условиях развития цифровых технологий	260
Янкевич Е.М., Чуков Г.И. Практика применения методов экономического анализа в оценке деятельности субъекта хозяйствования	262
Сведения об авторах	265

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРЕХСЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В.С. Елисеев

21 февраля 1995 года был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, – с этого документа был дан юридический старт т.н. «Союзному государству», пока еще в форме договора.

2 апреля 1996 года в соответствии со ст. 1 Договора об образовании сообщества России и Беларуси было решено на добровольной основе образовать глубоко интегрированное политически и *экономически Сообщество* России и Беларуси в целях объединения материального и интеллектуального потенциалов своих государств *для подъема экономики*, создания равных условий повышения уровня жизни народов и духовного развития личности.

2 апреля 1997 года Сообщество России и Белоруссии преобразуется в Союз, закрепляется Договором о Союзе Беларуси и России и Уставом.

Окончательно отношения закреплены 8 декабря 1999 года Договором о создании Союзного государства.

Среди целей Союзного государства следует выделить, во-первых, «создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики», во-вторых «формирование единой правовой системы демократического государства».

Исходя из сложившейся практики, ежегодный бюджет Союзного государства утверждается исходя из следующих пропорций: Российская Федерация формирует 65% бюджета, а Республика Беларусь – 35% бюджета.

По итогам заседания Совета Министров Союзного государства одобрены Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы и 28 Союзных программ, направленных на реализацию масштабных задач по укреплению российско-белорусской интеграции, среди которых можно выделить такое обобщенное направление, как интеграция и гармонизация экономического законодательства.

Формирование объединённого рынка газа Формирование объединённых рынков нефти и нефтепродуктов Формирование объединённого рынка электрической энергии Развитие атомной энергетики Формирование единой аграрной политики.

«Снижение цены на газ позитивно сказалось бы на белорусской экономике и, возможно, стало бы популярным шагом с точки зрения

внутренней белорусской политики. «Газпром» от этого решения мог бы недосчитаться примерно \$1 млрд выручки», – оценивает эксперт. Россия – крупнейший покупатель белорусского продовольствия, в частности молочных и мясных продуктов. В 2020 году на долю России приходилось 74,4% всего белорусского экспорта сельхозпродукции и продовольствия в денежном выражении (\$4,3 млрд).

Согласованная экономическая политика дала возможность Беларуси налаживать кооперационные связи с крупными российскими предприятиями, в частности, Минский тракторный завод; Белшина – поставщик КАМАЗа, ГАЗа; реализуются совместные проекты «Белкоммунмаш» и российской транспортной компании «Аэроэкспресс», налаживается тесная кооперация российских компаний с ОАО «Минский завод колесных тягачей», ОАО «Пеленг», ОАО «Интеграл» и ОАО «Гродно-Азот» и др. в целях повышения качества и конкурентоспособности выпускаемой и экспортируемой продукции¹.

Экономической экспертной группы Александра Суслина. «Как бы политики ни пытались сделать вид, что Россия и Белоруссия едины, Россия в большей степени рыночная экономика, чем совсем централизованная Белоруссия. Непонятно, как гармонизировать макроэкономическую политику, если не преодолеть эти дисбалансы. Для этого либо мы должны стать настолько же зарегулированными, как Белоруссия, либо нужно либерализовать Белоруссию. Но вряд ли стороны готовы на это», – отмечает она². – обычная практика для экономистов либерального направления, которые в настоящее время доминируют.

Разобрать либеральные заблуждения помогает «Теория экономического права»

Под *«классический (смитовский) рынок»*, как *«сфера обращения товаров (работ услуг), складывается на основе отношений экономического саморегулирования (экономической самореализации), в котором государство устанавливает только правила поведения, экономически не вмешиваясь в данные отношения, но вместе с тем, подавляя псевдоуправляющие факторы (включая, частную монополию)»*.

Поскольку классический рынок является *неустойчивым рынком*, то со временем он трансформируется и приобретает признаки монопольного рынка, т.е. видоизменяется, прежде всего, *под влиянием воздействия на них частной монополии*. Потенциально наиболее близок к классическому рынку – рынок сельскохозяйственной продукции, т.к. в нем много как продавцов продовольствия, так и его покупателей.

Директивный рынок, или *рынок государственного сектора экономики* возникает в том случае, если государство значительно воздействует

¹ Что Беларусь получает от Союзного государства с Россией (eurasia.expert) // <https://eurasia.expert/chto-belarus-poluchaet-ot-soyuznogo-gosudarstva-s-rossiey>

² <https://www.rbc.ru/economics/10/09/2021/613b66699a7947652d409f18>.

на формирование экономических отношений. Под ним понимается **«сфера обращения товаров (работ услуг), складывающейся на основе планирования и нормирования экономической деятельности субъектов хозяйствования органами государственного управления»**.

Считается, что такой рынок превалирует в Республике Беларусь.

Проблема директивного рынка состоит в том, что его ценообразование, как главное звено формирования рыночных отношений, рассчитывается на основе методик, утвержденных государственными органами, например, посредством установления надбавок к отпускной цене на товар (работы, услуги), которая, в свою очередь, опирается на его себестоимость.

Необходимо отметить, для полноты картины, что сторонники узкого подхода к использованию термина «рыночный», именуют подобные отношения «нерыночным оборотом»¹, что, по существу, не меняет анализируемых отношений, – речь идет исключительно о терминологических оборотах.

В отличие от классического рынка, директивный не нашел глобального отражения в законодательстве как в России, так и Беларуси, и в основном регулируется, что называется в «ручном режиме».

Попытки применения в качестве основы гражданского законодательства только усугубляет ситуацию. Это порождает объективным образом коррупционность директивного рынка, – эффективная борьба с данным негативным явлением невозможна без наличия базового регулятивного документа, регулирующего отношения в государственном секторе экономики, на который должны опираться охранительные кодексы. Этим обстоятельством и объясняется относительная неустойчивость директивного рынка, поскольку, когда чиновнику предоставляют права неопределенного характера на участие в рыночных отношениях, им движут те же механизмы, что и частного монополиста с той лишь разницей, что он (чиновник) действует в своих личных интересах вопреки воли государства – возникает негативная разновидность рынка государственного сектора экономики – **коррупционные явления**.

Поскольку **механизмы образования экономического поведения для классического и директивного рынков практически противоположные**, то и **режимы правового обеспечения обоих рынков также противоположные**: если в основе классического рынка принцип согласования регулятивного и охранительного законодательства частного сектора экономики: «что не запрещено законом, то разрешено», что определяется, прежде всего, «чувством собственности», выполняющим важнейшую функцию сдерживания и подавления негативного поведения по отношению к собственному имуществу, то в основе директивного рынка противоположный принцип государственного сектора экономики: «что не дозволено законом, то запрещено». Эти принципы, на основе которых формируется законодательство, содержат формирующие базовые

¹ Румянцев Ф.П., Нацвалова М.Ю. Правовая регламентация нерыночного оборота земель сельскохозяйственного назначения в советский период // История государства и права, 2015. № 15.

«общий запрет» и «общее разрешения», которые имеют взаимоподавляющие механизмы, поскольку одновременно «все разрешить» и «все запретить» невозможно – общие нормы входят в конфликт.

Достаточно сказать, что именно конфликт правовых режимов, а точнее, некорректное наложение рыночного (общеразрешительного) правового режима на административный (дозволительный) привело к разрушению экономической системы бывшего СССР, следствием чего было банальное «узаконенное» разворовывание государственных средств, – данный процесс получил начало с конца 1986 года под влиянием Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» и Закона СССР «О кооперации в СССР».

Данные процессы получили свое максимальное развитие в первый период построения рыночной экономики России (1991-1997 годы), в первую очередь за счет Закона РСФСР «О собственности в РСФСР», Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» и т.п. По существу – это период формирования *либеральной экономической модели, которая в России действует и в настоящее время*, только с некоторыми ограничениями, – эту модель закрепляет и действующее рыночное законодательство. В Республики Беларусь данные процессы имели место до 1994 года.

Несмотря на утверждения либералов-рыночников в России о том, что они отстранены от власти с начала 2000 года, утверждения о том, что либеральная модель экономики изменилась и является «государственным капитализмом», с позиции правового обеспечения не соответствует реалиям, поскольку принципиально то рыночное законодательство, которое было создано в постперестроечный период, как прямое отражение экономической модели отношений, принципиально не изменилось, – оно лишь лучше систематизировано и в нем минимизированы отдельные негативные явления настолько, насколько это возможно, оставаясь в рамках либеральной модели, но не более того.

В настоящий момент в Российской Федерации реализована *либеральная рыночная модель экономики и соответствующего законодательства*, центральным звеном которой выступает Гражданский кодекс Российской Федерации (соответственно, Республики Беларусь), выполняющий роль экономической конституции, который, в свою очередь, отсылает к различным законам, дополняющим ее положения. Причем те изменения, которые произошли за последнее время, не изменяют существо *гражданско-правового регулирования*, а только дополняют и уточняют отдельные институты правового обеспечения экономических отношений,

Правовое воздействие на монополистов осуществляется, прежде всего, антимонопольным законодательством совместно с охранительными кодексами.

Прежде всего, в части сдерживания и подавления негативных явлений, среди которых, в первую очередь следует выделить следующие меры по совершенствованию экономики и экономического законодательства (на примере России):

1. Увеличен государственный сектор экономики за счет приобретения государством, прежде всего, Российской Федерацией, контрольных пакетов акций (долей) в ряде организаций стратегических отраслей экономики (ТЭК, ВПК, Космическая отрасль и т.п.), – это дало право для государства (как собственника, акционера, владельца доли) устанавливать задания для соответствующих предприятий, а также влиять на формирование ценообразования в них.

2. В рамках антимонопольного законодательства государство стало влиять на ценообразование: в частности, цены на энергоносители на оптовом рынке устанавливаются Советом рынка, а на розничном рынке – региональными энергетическими комиссиями.

3. Появились элементы стратегического планирования экономики: в этой связи необходимо Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)»; Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»; Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» и т.п.

4. Для отдельных отраслей экономики (сельское хозяйство, авиастроение, автомобилестроение и др.) увеличена государственная помощь в различные временные периоды.

5. Создание законодательства о государственных (муниципальных) закупках товаров (работ, услуг), которое является, в частности, антикоррупционным механизмом: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

6. Создание элементов директивного рынка посредством формирования связей организаций, входящих в систему Государственных корпораций и Государственных компаний (например, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Госкорпорация «Роскосмос» и т.п.).

Путь построения **смешанной экономики** наиболее спорный: с одной стороны, «перестройка», как разновидность попытки построения смешанной экономики, показала свою несостоятельность, но с другой стороны, в частности С.Ю. Глазьев, считают, что **теория конвергенции (сочетания) капиталистических и социалистических механизмов** развития экономики исходя из гармонизации частных и общественных интересов под контролем государства на основе разрабатывавшейся рядом советских и американских ученых имеет перспективы, отмечая при этом: «после китайского экономического чуда можно достоверно утверждать, что если бы советское, а затем постсоветское руководство избрало путь постепенного

внедрения рыночных механизмов и создания условий для частного предпринимательства при сохранении государственного контроля, собственности и планирования в базовых и инфраструктурных отраслях, включая банковский сектор и СМИ, то катастрофы бы не произошло. После китайского экономического чуда можно достоверно утверждать, что если бы советское, а затем постсоветское руководство избрало путь постепенного внедрения рыночных механизмов и создания условий для частного предпринимательства при сохранении государственного контроля, собственности и планирования в базовых и инфраструктурных отраслях, включая банковский сектор и СМИ, то катастрофы бы не произошло»¹.

Разберемся в проблеме: нет сомнений в том, что ряд предприятий и отраслей экономики (прежде всего с длинными инвестициями) сложно представить без государственных средств: наука, авиастроение, космические отрасли, вооружение и т.п., в свою очередь, во многих областях экономики эффективнее частные средства: розничная торговля, сельское хозяйство и т.п. – на этот вопрос экономических наук.

Однако, при смешивании различных мотиваций (чувства собственности и чувства выгоды, с одной стороны, и принципа приоритета социальных и общественных интересов, с другой) начнется необоснованное извлечение прибыли частными лицами за счет перераспределения государственных средств, директивный рынок получит мощную коррупционную составляющую, а вместо классического рынка получится монопольный и криминальный рынки, – такая (смешанная) экономика обречена на провал.

Но если разделить государственный и частный сектор экономики, исключив пересечение частных мотиваций и государственных принципов формирования экономического поведения, создав для каждого из секторов свои самостоятельные массивы законодательства (хозяйственного и гражданского), а на стыках данных секторов создать специальные правила поведения, исключающие обогащение частного сектора за счет государственных средств (кроме оговоренных), создав соответствующее согласующее законодательство, то преимущества государственного и частного сектора экономики будут давать свои результаты, – это и есть китайский путь правового обеспечения экономических реформ, в рамках **«двухсекторной модели правового обеспечения экономики»**.

Исходя из теории экономического права для двухсекторной модели следует выделить следующие **закономерности построения экономического законодательства**:

1. Область (институт) экономических отношений любого уровня, подлежащий правовому обеспечению, должен выбираться на основе общей для всех его участников психолого-экономической мотивации либо принципов экономического поведения, не допуская смешивания, что

¹ Глазьев, С.Ю. Нации ведут себя как люди / С.Ю. Глазьев С.Ю. // Взгляд: Деловая газета // <http://vz.ru/opinions/2015/7/8/754999.html>.

предполагает отнесение экономических институтов либо к государственному, либо к частному сектору экономики.

Исходя из указанного, институты государственного сектора экономик подпадают под административный правовой режим со всеми вытекающими последствия (соблюдения правил корректного построения правовых режимов, адекватных им методов и способов), формирующий хозяйственное законодательство, а институты частного сектора экономики – под рыночный правовой режим, основу которого составляет гражданское законодательство.

2. Создание правового механизма согласования мест стыковки различных правовых режимов (согласующего режимы законодательство), вне рамок которых они не должны пересекаться.

Именно последнее (согласующее законодательство) – это то, чего не хватило в двухсекторной модели экономического законодательства и нуждается в формировании.

Переходя на сложившуюся российскую экономическую действительность, возникает вопрос: насколько двухсекторная модель правового обеспечения экономики реализуема?

И здесь возникает огромная проблема: за время существования Российской Федерации сформирован целое направление экономики, в котором *смешаны государственное и частное имущество* (имущественные права): в частности, речь идет о механизме государственно-частного партнерства, о концессионных соглашениях государства с частным бизнесом, о соглашениях о разделе продукции, наконец, в обычных договорах, в которых одной из сторон выступает государство (муниципалитет), а второй стороной являются частные лица, – в данных отношениях разорвать государственный и частный имущественные интересы невозможно. Сюда же подпадает и государственная поддержка субъектов хозяйствования, поскольку государственные средства нуждаются строго целевом использовании.

Отдельно следует сказать об организациях, имеющих пакет акций (долю) публичного образования: это крупнейший сектор экономики, поскольку приватизация крупных государственных предприятий в своей основе сводилась к акционированию, – в частности, это полностью касается топливно-энергетического комплекса (ТЭК), военно-промышленного комплекса (ВПК), космической отрасли и других важнейших отраслей экономики России. Но если пакет акций публичного образования достаточный для управления соответствующим предприятием, то речь идет о государственном секторе экономики и директивном рынке отношений. Применительно к смешанному сектору следует вести речь, когда пакет акций (доля в уставном капитале) недостаточна для государственного управления организацией.

Таким образом, сформирован *третий (смешанный) сектор экономики*, субъекты которого невозможно разделить по правилам

двухсекторной модели, а значит невозможно обеспечить его эффективное правовое обеспечение, в рамках двухсекторной теории.

С этих позиций законодательство нуждается в принципах дополнения, распространяющегося только на смешанный сектор экономики, где на законодательном уровне произошло смешивания отношений государственного и частного сектора экономики и невозможен их «развод» по двум секторам, опираясь, прежде всего на *теорию хозяйственного (предпринимательского) права*, включая его современные течения.

Сразу необходимо сказать, что добиться высокой эффективности правового обеспечения данного сектора не представляется возможным в силу конфликта имущественных интересов государства и частного сектора экономики, но можно минимизировать конфликт государственного и частного бизнеса, в том числе исключить его посредством императивного правового регулирования. Здесь возникает *две группы отношений*, подлежащих правовому обеспечению: во-первых, *определение порядка волеизъявления сторон*; во-вторых, создание эффективного *механизма реализации волеизъявления*.

В отличие от последних экономических реформ СССР, когда кооперативы и арендные предприятия обогащались за счет государственных предприятий, периода приватизации, когда государственная собственность фактически безвозмездно либо за символическую цену уходила в частные руки, действующее законодательство, постепенно двигается в сторону борьбы с негативными явлениями, которые обобщенно именуются «коррупцией», т.е. идет по пути формирования механизмов взаимодействия в смешанном секторе экономики, что касается, прежде всего формирования механизмов определения пределов волеизъявления сторон.

Так, порядок заключения концессионных соглашений отражен в Федеральном законе «О концессионных соглашениях», соглашений о разделе продукции – в Федеральном законе «О соглашениях о разделе продукции», механизм государственно-частного партнерства определен в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации».

Не смотря на то, что соглашения, связанные с привлечением частного бизнеса по освоению государственных средств регулируется в рамках гражданского законодательства, существует целый ряд законов, направленных на заключение таких договоров: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Федеральный закон «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» и т.п., – которые делают ставку на конкурсное законодательство.

Необходимо отметить, что *данная проблема в целом в российском законодательстве решается и идет в направлении его совершенствования*. Но, к сожалению, процесс устранения недостатков в данном случае

имеет практический характер, – государство убеждается в том, что существуют негативные явления, связанные с «уводом» государственного имущества, формируемые по определенным имущественным схемам, а после принимает меры. Соответственно, изобретаются новые экономические схем, – процесс переходит в другую плоскость.

Построение законодательства на основе закономерностей, обоснованных фундаментально (на основе теории экономического права), позволило бы избежать значительных имущественных потерь государства, а роль практики в этом случае сводится к «шлифовке» законодательства, конкретизации отдельных практических ситуаций. С этих позиций нужен **обобщенный закон о смешанном секторе экономики**, который закреплял бы общие принципы построения законодательства в смешанном секторе экономики, а также наиболее общие нормы правового обеспечения данных отношений.

Таким, образом российское законодательство нуждается в дополнении двухсекторной теории экономического законодательства законодательством о смешанном секторе экономики, т.е. в реализации **трехсекторной модели экономического законодательства**.

В этой связи важно иметь в виду, что отношения в смешанном секторе экономики не могут быть слишком эффективными в виду конфликта публичного и частного имущественных интересов лиц, участвующих в таком конгломерате, поэтому речь идет только о минимизации негативных процессов обогащения за счет государственных (муниципальных) средств, т.е. за счет возможности получения необоснованных доходов (прибыли, завышенной оплаты труда, иных расходов) частного бизнеса.

В том случае, когда интересы смешаны искусственно, как, например, в небольших публичных пакетах акций (долей), то на наш взгляд, такие отношения необходимо переводить в плоскость государственного сектора экономики, в частности, публичные пакеты (доли) доводить до контрольных. Но до этого момента предполагают действия правила смешанного сектора экономики.

В том случае, когда смешивания публичного и частного интересов избежать невозможно, как например, в отношениях государственной поддержки, то здесь следует остановиться на **особых механизмах вступления в данные отношения**.

Таковыми механизмами выступают: во-первых, разработка в законодательстве условий использования государственных средств, к которым субъект хозяйствования присоединяется, в частности, как это имеет место для государственной поддержки субъектов хозяйствования различных отраслей экономики; во-вторых, заключение договора между публичным образованием и субъектом хозяйствования частного бизнеса, например, при заключении соглашения о разделе продукции, концессионного соглашения, соглашения в рамках государственно-частного партнерства и т.п.

Как уже отмечалось, данные механизмы нашли свое частичное отражение в указанном выше законодательстве, но нуждаются в установлении его общих императивных правил, которые могли бы исключить построение

правовых ловушек, пробелов, позволяющих необоснованно извлекать доходы вопреки положениям договора между публичным образованием и субъектом хозяйствования частного сектора экономики.

И здесь мы подошли к самому главному моменту: **механизму реализации волеизъявления**, правовое регулирование которого для смешанного сектора экономики предполагает существенные отличия от гражданско-правовых отношений, прежде всего применительно к обязательственным отношениям:

1) условия договора, а также иного порядка использования государственных средств, должны быть типовыми (закрепленными в законодательстве), исключающими возможность их изменения, — отклонения от данных условий не допускается;

2) поскольку речь идет о государственных средствах, они предполагают строго целевой характер, должны быть расписаны по позициям, исключающим перебрасывание средств из одной области в другую;

3) использование государственных средств предполагает создание императивного механизма нормирования в части закупок товаров (имущества, имущественных прав), выполнения работ, предоставление услуг;

4) механизмы ответственности (в том числе неустойки, штрафы) также предполагают императивное закрепление в законодательстве;

Все указанное распространяется и на частные средства, при совместном использовании их с государственными.

Совместное движение в данном направлении правового обеспечения экономического законодательства создаст предпосылки для создания стабильной правовой основы законодательства союзного государства на долгосрочную перспективу.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА

Р.А. Ромашов

1. Понятие и стадии (циклы) политогенеза

Представляя собой разновидность генезиса, политогенез обозначает возникновение, становление и развитие политической системы общества от предгосударственных форм к государственным, развитие политической подсистемы общества, которое в дальнейшем может перерасти в государство либо его аналог¹. Следует согласиться с Д.М. Перцевым, полагающим, что проблему политогенеза невозможно решить посредством однолинейных методов, используемых монистическими познавательными системами. Объяснение причинно-следственных связей, лежащих в основе процессов государствообразования и государственных трансформаций,

¹ См.: Ромашов Р.А. Политогенез: Храм – Πόλις – Государство – State: Монография. – СПб.: Алетея, 2020. – С. 23.

возможно с использованием современных подходов, учитывающих многообразие объективных и субъективных факторов, под воздействием которых появляются и видоизменяются государственные организации общественной жизни и управления¹.

Говоря об этимологии рассматриваемого феномена, следует отметить, что термин политогенез был введен в научный оборот известным советским ученым, доктором исторических наук Львом Евгеньевичем Куббелем, по мнению которого под политогенезом понимается процесс перехода власти потестарной в политическую и непосредственным образом связанное с таким переходом «зарождение в реализации власти отношений господства и подчинения»².

Являясь представителем советской исторической науки, Л. Е. Куббель в своих теоретических построениях руководствовался формационным подходом к типологии государства, в соответствии с которым происхождение государства связано с дифференциацией общества на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых, а развитие государства, выражающееся в «восхождении по формационной лестнице», обусловлено межклассовыми конфликтами, влекущими разрушение предшествующих формаций и образование на «обломках старого мира» формаций нового типа.

Возникновение социалистической общественной формации и одноименного типа государственной организации представляло собой, по мнению советских ученых, предпосылку перехода к безгосударственной коммунистической стадии общественного развития.

Направления (пути) политогенеза рассматривались в рамках трех основных подходов: восточного, западного, комплексного (синтетического).

Собственно, формационный подход был наиболее адекватно представлен в рамках западного направления политогенеза, предполагавшего последовательную смену рабовладельческой, феодальной и буржуазной формаций. Особенностью данного направления было наличие таких значимых факторов, как личная свобода и частная собственность. В рабовладельческом государстве данные факторы в комплексе представлены у представителей класса рабовладельцев, а в феодальном – у феодалов. В буржуазном государстве личная свобода приобретает всеобщий характер, однако сохраняется неравенство в сфере обладания правом частной собственности на средства производства жизненных благ. В условиях капиталистических отношений собственниками средств производства являются представители класса буржуазии.

Лично свободные, однако неимущие, пролетарии вынуждены «сдавать внаем»; единственное, что у них есть, – собственные рабочие руки и

¹ См.: Перцев Д.М. К вопросу о теориях политогенеза // Вестник Томского государственного университета, 2016. – № 407. – С. 115-120.

² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Издательство «Наука», 1988. – С. 37.

профессиональные способности, за счет эксплуатации которых обеспечивается рост материально-финансового благополучия главенствующего класса буржуазии.

Что касается восточного (азиатского) и комплексного (синтетического) путей политогенеза, то их выделение было обусловлено прежде всего тем, что далеко не все государства могли быть вписаны в модель западного политогенеза¹.

Восточные деспотии, основанные на азиатском способе производства, выделялись К. Марксом в качестве особого пути образования государства, в основу которого положены масштабные ирригационные и строительные работы, нуждающиеся в привлечении значительной по численности рабочей силы и организации централизованного руководства, опирающегося на силовое принуждение. При этом в условиях деспотий не существовало ни личной свободы, ни частной собственности. Глава государства – фараон являлся «живым богом», все остальные жители, независимо от социального статуса, были его рабами. Соответственно любая собственность любого «раба» в первую очередь являлась собственностью фараона, который мог как надевать ее, так и изымать ее, руководствуясь собственным усмотрением.

Выделение комплексного (синтетического) направления политогенеза являлось «новацией» советских ученых, стремившихся обосновать «особый» путь образования российского государства, миновавшего в своем становлении рабовладельческую формацию и сумевшего перейти к социалистической стадии развития на начальной стадии формирования буржуазных отношений. При этом доказывалось, что, в отличие от западного пути политогенеза, где буржуазия первоначально выступала в качестве революционного класса, российская буржуазия, равно как и российская аристократия (дворянство и духовенство), на всех стадиях государственного развития выступали в качестве реакционных сословий, строящих свою жизнедеятельность и благосостояние за счет угнетения «простого народа» – беднейшего крестьянства и пролетариата.

Разрушение советского государства и мировой системы социализма наглядно показало ошибочность попыток дифференциации направлений политогенеза и обоснования тем самым существования каких бы то ни было «уникальных», свойственных только одному «избранному» народу путей создания государственной организации. Естественно, каждый народ создает собственную государственную культуру, основанную на национальном языке, традициях, религии, экономическом укладе. Однако, независимо от существующих особенностей, все народы в своем развитии проходят несколько стадий политогенеза, завершающихся формированием национального государства.

¹ См.: Гостюшева Е.М., Якименко Л.А. Альтернативные точки зрения в российской науке на понимание исторического процесса (советский период) // Философские дескрипты, 2016. – № 16. – С. 5.

В качестве стадий политогенеза в современном его понимании следует отнести:

- закрепление народа за территорией «постоянного» проживания и формирование «государства-территории/страны»;
- выделение городской культуры общежития, производства товаров и услуг, организации и осуществления публичной власти;
- формирование аппарата профессиональной государственной власти и «материальных придатков», обеспечивающих реализацию внутренней и внешней государственной политики.

В таком понимании сам по себе политогенез является универсальным понятием, характеризующим процесс преобразования потестарного (предгосударственного) общества в политическое (государственное). В отличие от позиции Л. Е. Куббеля, по сути отождествлявшего понятия «государство – государственная власть», современное представление о политогенезе предполагает рассмотрение аппарата публичной политической власти, «отделенного» в своем формировании и функционировании от «государственно организованного сообщества» в качестве лишь одного из признаков государства, не поглощающего и не заменяющего собой государственную субстанцию.

Современное понимание политогенеза основывается на следующих положениях:

- соотношение фактической и юрисдикционной территории государства, а также определение и согласование на международном уровне геополитических сфер «государственного влияния»;
- определение «степени привязанности» индивида к государственной территории и системе гражданства/подданства;
- рассмотрение в качестве формально равных субъектов политических отношений государства как целостного юридического лица, субъектов федеративного государства, народа, институтов гражданского общества (религиозных конфессий, национальных групп, бизнес-корпораций и т. п.), отдельных граждан-личностей;
- понимание человека в качестве самоценной социальной единицы – человеческой личности, наделенной неотъемлемыми правами на жизнь, равенство, свободу, собственность, достоинство;
- признание первичности человека, его прав и свобод по отношению к общегосударственным интересам.

Безусловно, реализация этих положений в различных государствах осуществляется по-разному либо не осуществляется в принципе. Однако их использование в качестве оценочных параметров позволяет осуществлять сравнительный анализ состояния политогенеза применительно к различным национальным культурам и делать обоснованные предположения о его возможных перспективах в будущем.

В рамках проблематики обозначенной заявленной темой политогенез предлагается рассматривать в качестве комплексного явления,

характеризующего собой процесс образования государства как завершенной социальной конструкции человеческой организации и публичной власти. Данный вид может быть условно назван «первичным политогенезом». Соответственно, «вторичным политогенезом» является процесс государственной трансформации, в ходе которого качественным образом преобразуются традиционные государственные институты и происходит изменение восприятия социальной сущности феномена государства в индивидуальном, групповом и общественном сознании.

2. Циклический политогенез как динамическая характеристика государственной истории

За основу концепции циклического политогенеза предлагается принять следующие базовые положения:

1. Отношения, предопределяющие структуру социальной организации, базируются на том или ином типе взаимодействия публичных и частных интересов. В наиболее общем виде следует выделить два основных типа отношений:

– приоритет публичного интереса по отношению к частному и рассмотрение последнего в качестве производного от публичного и вторичного по своей социальной значимости;

– приоритет частного интереса по отношению к публичному и восприятие последнего с точки зрения «осознанной необходимости». Ограничение частного интереса публичным допускается постольку, поскольку носитель частного интереса осознает необходимость такого ограничения в целях упорядочения отношений с другими субъектами частных интересов, разрешения возникающих спорных ситуаций, а также обеспечения эффективной защиты собственного интереса от разного рода негативных посягательств.

2. Государство представляет собой форму социальной организации, создаваемой в целях упорядочения отношений между людьми, защиты социума от внешних и внутренних угроз, а также осуществления публичной политической власти. В историко-теоретической науке традиционно разграничиваются два направления возникновения и трансформации государства: западный и восточный. В основу такой дифференциации положено деление Римской империи на Западную (католическую) и Восточную (православную), с последующей ассоциацией в качестве «восточной цивилизации» любой другой культуры, не принимающей системы «западных ценностей». Так, появление на политической карте мира социалистической системы обусловило понимание в качестве «восточных» тех стран, где установились коммунистические и прокоммунистические режимы.

Представляется, что деление государств на западные и восточные мало что дает в конструктивном плане, поскольку носит сугубо условный характер и не наполнено какой бы то ни было функциональностью. Более конструктивным на наш взгляд является подход в рамках которого проводится дифференциация по принципам соотношения и взаимодействия

государства, общества, личности. В рамках предлагаемого подхода все государства могут быть условно подразделены на две группы: либертарные (от лат. *libertas* – свобода) и тотальные (от лат. *totalis* – весь, целый, полный; лат. *totalitas* – цельность, полнота):

– Либертарный подход предполагает формирование государства как инструмента обеспечения частных интересов и прежде всего права частной собственности. Государство упорядочивает отношения между собственниками, разрешает конфликты между ними и привлекает к ответственности нарушителей установленных правил. При этом государство воспринимается как организованный и управляемый посредством общих правил и механизмов союз носителей частных интересов (союз собственников).

– Тотальный подход предполагает создание государства как инструмента, посредством которого социум сплавляется в монолитное целое – «государственный мир», единый и неделимый. С созданием такого «целого» первоначально связываются масштабные коллективные работы, требующие централизованного планирования и высокой согласованности в деятельности отдельных социальных составляющих (ирригационные работы, строительство пирамид и т. п.). При этом политическая власть в таком государстве, по сути, является неограниченной и бесконтрольной. Государь является хозяином государства, так же как помещик, владеющий своим помещением. В собственности государя находится не только земля, но и подданные «государевы люди». Причем место «государева человека» в системе социально-политической иерархии всецело зависит от «государевой воли». Естественно, что при подобном подходе частные интересы отдельных представителей социума значимы настолько, насколько способствуют реализации и безопасности публичного интереса (по сути, интереса государя).

3. Отношения политической власти и частной собственности следует рассматривать в контексте соотношения публичных и частных интересов.

– В государстве либертарного типа частная собственность выступает в качестве основной ценности, а политическая власть воспринимается в качестве ценностной детерминанты, обусловленной наличием частной собственности. В подобном понимании основными задачами власти являются создание и поддержание режима, упорядочивающего отношения между собственниками, обеспечивающего эффективное разрешение конфликтов как между самими собственниками, так и между собственниками и государством, а также создающего эффективную систему гарантий, позволяющих защищать собственность от различного рода негативных посягательств. Таким образом, частная собственность является первичной, а политическая власть – производной от нее.

– В государстве тотального типа в качестве объекта собственности выступает само государство. При этом все, что в данном государстве находится, принадлежит государю. Естественно, что ни о какой частной

(в смысле, обособленной от «государства-государя») собственности речь не идет. В подобной системе качественным образом меняется механизм приобретения и приумножения собственности: если для либертарного государства – это создание, наследование, накопление, то для тотального – это в первую очередь экспроприация (причем последняя воспринимается в качестве абсолютно правомерной, поскольку правом на распоряжение любой собственностью в государстве наряду с непосредственным владельцем, обладает государь либо его вассал, наделенный соответствующими полномочиями). Таким образом, обладание политической властью рассматривается в государстве тотального типа как условие приобретения и приумножения собственности. Политическая власть является первичной, а частная (более точно, личная и коллективная) – производной от нее. В подобном государстве возникает ситуация, когда реальным собственником человек является только при условии занятия соответствующего положения в аппарате политической власти.

4. Развитие либертарного государства осуществляется по принципу спирального (мутирующего от лат. *mutantur* – изменяющийся) цикла. Анализ данного направления государственного развития позволяет говорить о последовательном накоплении опыта, связанного с разграничением публичных и частных интересов и установлением определенного баланса между ними.

Политическая власть в подобном формате отношений представляет собой вид управленческого труда. Специфика такого труда определяется его элитарностью (власть осуществляют представители социальных элит/стратов, относящихся к «верхним слоям» общества и сочетающих личную свободу и достоинство). Ротация представителей управленческого аппарата носит последовательный характер, при этом объективные закономерности «вхождения во власть и восхождения во власти» предопределяют смену поколений управленцев и восприятие каждым последующим поколением опыта, полученного предшественниками.

5. Развитие тотального государства (к данному типу, как нам представляется, относится Россия) осуществляется в рамках круговой (повторяющейся) цикличности по принципу, который мы условно назвали «принципом прерывистой истории». В соответствии с данным принципом каждый новый исторический цикл является концептуальным повторением предыдущего и включает в себя следующие стадии:

- приобретение политической власти;
- нейтрализация реальных либо потенциальных соперников, способных претендовать на получение власти;
- экспроприация частной собственности и ее трансформация в публичную собственность (по сути, собственность государя);
- наделение властными полномочиями своих сторонников;

– распределение собственности по принципу местничества – чем выше место вассала в системе политической иерархии, тем большей собственностью он обладает;

– усиление тенденций автономизации и децентрализации, обусловленных сочетанием политической власти и собственности. При этом вассал начинает воспринимать себя в качестве «регионального государя». Чем более он автономен от «великого государя», тем в меньшей степени он зависим от него. В подобных условиях снижается эффективность централизованного управления, что приводит к ослаблению единого централизованного государства и обуславливает кризис системы управления;

– появление центра активности, направленной на разрушение существующей системы управления;

– разрушение ранее существовавшей системы управления и начало формирования новой системы. При этом за основу берется принцип отрицания позитивной значимости опыта, накопленного в предшествующий период. Предшествующая история объявляется «неправильной», поскольку «правильной» является только новейшая, вновь создаваемая очередным государем история. По сути, данный этап является завершением предшествующего и началом следующего цикла политической (государственной) истории.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.

РЕФОРМА РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАД ОШИБКАМИ

О.Е. Блинков

26 ноября 2021 года для российского цивилистического сообщества будет знаменательный день, поскольку исполнится двадцать лет с момента принятия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) федеральным законом от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ, установившим с 1 марта 2002 года новый российский наследственный правовой порядок.

В отличие от первой, второй и четвертой частей ГК РФ, которые многократно подвергались изменениям, часть третья, несмотря на столь внушительный срок своего действия, оказалась в целом более стабильной. Причины этого заключались не столько в качестве законодательной техники, сколько в большей преемственности норм современного российского

наследственного права сложившимся положениям советской цивилистической доктрины и законотворческому опыту советского государства.

Сравнивая характер новелл во всех четырех частях ГК РФ, сложно было назвать введенный российский наследственный правопорядок чем-то революционным, несмотря на кардинальное расширение круга наследников по закону и форм (видов) завещаний. Основные принципы наследственного права остались неизменны, а то, что в специальной литературе или диссертационных исследованиях называли новеллами наследственного права, на самом деле лишь нашло кодифицированное закрепление, но уже было известно доктрине, нотариальной и судебной практике.

В последующие годы принципиальным для развития российского наследственного права стали изменения, связанные с введением в действие с 1 января 2008 года части четвертой ГК РФ, которой завершилась последняя кодификация российского гражданского законодательства, и которой был установлен новый правопорядок в сфере интеллектуальных прав. Федеральным законом от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» абзац первый п. 1 ст. 1119 ГК РФ был изложен в следующей редакции: «1. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, включить в завещание иные распоряжения. Завещатель вправе отменить или изменить совершенное завещание в соответствии с правилами статьи 1130 настоящего Кодекса.» (ст. 31). Ст. 1119 ГК РФ, устанавливающая одновременно свободу завещания и ее пределы, ранее указывала, что завещатель вправе по своему усмотрению включить в завещание иные (помимо завещания имущества любым лицам, определения долей в наследстве или лишения наследства) распоряжения, но только если они предусмотрены правилами ГК о наследовании (т.е. разделом пятым «Наследственное право» части третьей). Следовательно, раздел пятый «Наследственное право» ГК РФ хотя и не прямо, но точно (в разных статьях и нормах) устанавливал закрытый перечень завещательных распоряжений. В четвертой же части ГК РФ содержалась норма, согласно которой автор имеет право в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания (по правилам ст. 1134 ГК РФ), указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти, которое осуществляет свои полномочия пожизненно (абз. 1 п. 2 ст. 1267 ГК РФ). Для легализации данного завещательного распоряжения и понадобилось свободу завещания расширить с пределов раздела пятого ГК РФ до границ ГК РФ в целом. Однако подобная поправка носила характер полумеры и с точки зрения законотворческой перспективы выглядела неэкономной, поскольку в

будущем, если бы какое-либо новое завещательное распоряжение получило правовое регулирование в прочем федеральном законе, опять потребовалось бы расширять пределы свободы до случаев, предусмотренных законом.

Анализ первых поправок, в том числе несостоявшихся, которые не имели существенного значения (пожалуй, кроме только включения двух государственных (а в последующем и города федерального значения Севастополя) и всех муниципальных образований в круг наследников по закону), казалось бы, позволял сделать вывод об эффективности норм раздела пятого «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако это умозаключение уже тогда представлялось достаточно поверхностным, поскольку обращение к ряду диссертационных исследований (отбросив научную предвзятость, которая, к сожалению, стала признаком российской юридической науки) и анализ тех проблем, которые в них подняты и решены, в том числе, посредством законотворческих предложений, позволяло говорить, что раздел пятый «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации нуждается в совершенствовании. О том, что «неладно что-то в датском государстве», свидетельствовал и объем Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», который стал в полтора раза больше собственно самого раздела V «Наследственное право» части третьей ГК РФ.

1 октября 2015 года Федеральная нотариальная палата совместно с Российским государственным университетом правосудия (РГУП) провела научно-практическую конференцию на тему «Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании». Название конференции вселяло надежду, что собравшиеся «видные эксперты научного сообщества, правоведы, представители судейского корпуса и нотариальной палаты»¹ будут обсуждать именно направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании, будут говорить, что пятнадцатилетний срок действия нового российского наследственного закона в условиях практически заканчивающейся рекодификации российского гражданского права ставит необходимым вопрос и рекодификации ее немаловажной подотрасли наследственного права. Однако...

Однако основным лейтмотивом конференции стали, к сожалению, не направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании, а критика внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)»

¹ См.: Реформа наследственного права требует взвешенного подхода // Нотариальный вестник плюс. Приложение к научно-практическому журналу «Нотариальный вестник». 2015, октябрь. – С. 4.

(далее – Проект), который, наряду с иными кардинальными изменениями в части оформления наследственных прав, предложил ряд новелл, касающихся расширения форм реализации воли завещателя (совместные завещания и наследственный договор) и возможности учреждения гражданином фонда, по сути являющегося наследственным трастом.

Проект получил отрицательные отзывы от ряда (!) научных и профессиональных сообществ, в том числе, на нулевых чтениях в Общественной палате Российской Федерации и заседании Научно-консультативного совета Федеральной нотариальной палаты. Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на заседании 13 июля 2015 г. также не одобрил Проект, отметив концептуальную необоснованность представленного законопроекта. Такой широкий негативный «резонанс», казалось бы, создал впечатление, что буквально все против Проекта, однако, если присмотреться, критики в этой палитре научных и профессиональных сообществ – одни и те же лица!

При единодушии критиков, удивляло то, что их контраргументы зачастую противоречили друг другу, поскольку одни свое негативное отношение строили на абсолютизации принципа обеспечения прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников, а другие – на противном ему принципе – свободы завещания.

Например, Н.Ю. Рассказова утверждала, что «введение наследственного договора и совместного завещания супругов не поможет достичь одной из основных целей, которую преследует законодатель, – обеспечить эффективное в экономическом смысле использование наследуемого имущества. И без внедрения в российскую систему отдельных элементов трастовых отношений не обойтись»¹. Что вкладывала Н.Ю. Рассказова в понятие «эффективное в экономическом смысле использование наследуемого имущества» из цитируемого обзора конференции понять было сложно, однако главные возражения сводились к следующему: «меня несколько не интересует эффективность использования имущества после моей смерти, меня заботит только то, к кому и в каком порядке оно перейдет». Наследственный договор, совместное завещание супругов и так называемый «наследственный траст» – стали для российской наследственно-правовой действительности правовыми средствами, преследующими совершенно различные цели.

Наследственный договор стал альтернативой пожизненной ренте, в том числе пожизненному содержанию с иждивением, при которой наследодатель сохраняет свое право собственности на имущество вплоть до своей смерти. При этом в отличие от ренты конструкция наследственного договора учитывает правила ГК РФ об обязательной доле.

¹ См.: Реформа наследственного права требует взвешенного подхода // Нотариальный вестник плюс. Приложение к научно-практическому журналу «Нотариальный вестник». 2015, октябрь. – С. 4–5.

Правилам об обязательной доле не грозит и совместное завещание, которое в первую очередь, касается общего имущества супругов. Совместная собственность потому и называется совместной, поскольку имущество как для супругов, так и посторонних лиц, представляется цельным, нераздельным. В угоду апологетам принципа свободы завещания, ГК РФ содержит норму, что совершение совместного завещания супругов не лишает каждого из них права составления последующего личного завещания, однако в случае последующего совершения завещания одним из супругов их совместное содействие утрачивает свою силу. Таким образом, с одной стороны, совместное завещание супругов не ограничивает свободу завещания, с другой стороны, возможностью одностороннего прекращения совместного акта волеизъявления ценность этой завещательной конструкции нивелируется.

На мой взгляд, заимствованная из Германского гражданского уложения конструкция совместного завещания супругов и адаптированная в российском законе с правилом, что в случае последующего совершения завещания одним из супругов их совместное содействие утрачивает свою силу, противоречит конституции совместного завещания. Совершая совместное завещание, супруги обоюдно связывают свою волю, ведь если бы они не хотели обуславливать действительность (зависимость) своей воли волей другого супруга, они выбрали бы одностороннее (личное) завещание. В этом вся суть – связать себя и своего супруга общим актом волеизъявления без возможности беспричинной (необоснованной) отмены совместного акта по воле одного из них. Если вы боитесь последствий такого акта, если вы не хотите связывать свою волю волей вашего супруга, не совершайте совместного завещания! Если же вы имеете интерес ограничить волю своего супруга на случай его смерти, то в свою очередь, в качестве «встречного предоставления» (некой компенсации), вы добровольно ограничиваете свою волю на случай вашей смерти. Мне кажется, для совместного завещания супругов абсолютно релевантны правила ГК РФ о договоре, ведь основу совместного завещания составляет соглашение супругов (иначе утрачивается совместность и такое завещание становится документом, содержащим самостоятельные друг от друга волеизъявления супругов), поэтому, как изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором, так и совместное завещание супругов должно изменяться или отменяться по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или совместным завещанием. Подобной формулировкой мы создаем возможность формулирования гарантий для супругов, совершивших совместное завещание, для одностороннего изменения или отмены данного совместного акта.

И напротив, наследственный траст (фонд) преследует цель вывода имущества из наследственной массы, равно как и притворные договоры купли-продажи или действительные договоры дарения, которые заключают

наследодатели в преддверие своей смерти с целью исключения возможных споров между своими наследниками. Нарушается ли здесь принцип обеспечения прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников? De facto – да, de jure – нет, поскольку обязательная доля выделяется из наследства, а его у покойного и не оказывается, поскольку бывшее имущество покойного загодя перешло к тем лицам, к которым он благоволил. Поэтому противники наследственного траста должны были быть принципиальны до конца и ратовать за запрет нашим гражданам отчуждать свое имущество каким-либо способом с момента приобретения их эвентуальными наследниками статуса обязательных.

Наследственный договор в российском правопорядке также существенно отличается от законодательных образцов зарубежных государств, где он был апробирован в течение продолжительного времени. И поскольку российское гражданское право относится к германской ветви континентальной системы права, то именно опыт прогерманских стран мог стать для нас ориентиром в решении проблем, возникающих при имплементации новых наследственно-правовых конструкций в российский наследственный правопорядок.

КЛЕВЕТА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Э.Г. Аниська

Ключевые слова: клевета, состав преступления, квалификация, способ, дифференциация уголовной ответственности.

Защита чести и достоинства человека гарантированы Конституциями многих стран мира, не являются исключениями Россия и Беларусь. Так, в ч.1 ст. 21 Конституции РФ отмечается «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Конституция Республики Беларусь в ст.25 также указывает: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности». И далее в ст.28: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». Таким образом, достоинство человека определено в качестве одной из важнейших ценностей обоих государств. Но вот уголовная политика, реализующаяся через такую форму как правотворчество, несколько отличается у исследуемых стран.

Так, если в Беларуси мы наблюдаем тенденцию к частичной декриминализации клеветы с одновременной криминализацией отдельных ее видов и унификации уголовной ответственности за клевету. То в России, наоборот, наблюдается пенализация и дифференциация за отдельные виды

клеветы. Рассмотрим эти различные тенденции в исследуемых государствах и определим, какие из них в большей мере будут более эффективны в противодействии распространению заведомо ложных и порочащих сведений.

Итогом частичной декриминализации в Беларуси явилось в первую очередь исключение Законом Республики Беларусь №171-З от 09.01.2019 года из ч.1 ст.188 УК Республики Беларусь нормы о распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, совершенном в течение года после наложения мер административного взыскания за клевету или оскорбление. Данные изменения вступили в силу 19.07.2019 года. Таким образом, основной состав клеветы не зависимо от наличия или отсутствия административной преюдиции полностью стал административным проступком. А квалифицированный состав клеветы в несколько уточненном варианте стал основным. Изменения коснулись терминов, отражающих предмет клеветы (ранее – позорящие другое лицо измышление, в современной редакции – порочащие другое лицо сведения) и средств совершения клеветы (добавлено – использование иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи). Стоит подробнее остановиться на этих новеллах.

На вопрос, какие термины более отражают сущностную картину клеветы, можно ответить, только изучив данные понятия с позиции лингвистики, а именно лексикологии, науки в которой рассматриваются слова и их значение. Так, термин «измышления», означает буквально «выдумка, вымысел» [1]. При использовании этого термина можно столкнуться с общими измышлениями о характеристике личности, что не является клеветой. Хотя стоит отметить, что и современные российские ученые предлагают использовать этот термин, заменив им современное понятие – сведения [2, с. 10–11]. Но думается, возврат к терминологии УК РСФСР 1926 г. представляется не совсем удачным, так как привычный для российской правоприменительной практики термин «сведения» используется для обозначения утверждения о фактах или событиях, а не носит обобщенный характер, использование этого термина предполагает конкретное содержание. При использовании термина «измышление» – это буквально «выдумка», можно столкнуться с обобщенными характеристиками личности, но в клевете важен «определенный факт, а не суждение или мнение». К тому же потребуется законодательная дефиниция термина «измышление». Так что отказ белорусского законодателя от термина «измышление» вполне обосновано.

Также вполне логично и дополнение нормы новым признаком объективной стороны – средством, так как для киберклеветы характерно не только распространение через сеть Интернет, но использование и других каналов иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Распространение информации с использованием этих средств также представляет повышенную общественную опасность по причине молниеносности распространения информации, масштабности распространения информации (неограниченное число пользователей или большое количество), преступление носит

дистанционный характер (место совершившего, место нахождения компьютера, с помощью которого было совершено преступление, и место потерпевшего могут не совпадать), легкости и доступности и в большинстве своем латентности.

Изложенные изменения можно считать процессом криминализации отдельных разновидностей клеветы, потому что деяние, совершенное с выше отмеченными средствами ранее первый раз признавалось административным проступком, а ныне сразу признается преступлением. Таким образом, мы видим, что для Беларуси характерна общемировая тенденция ужесточения наказания за киберклевету.

Унификация уголовной ответственности за клевету выражается в исключении множественных норм о клевете не только из уголовного, но и административного кодекса, и оставлении единственной статьи с одной частью - ст.188 УК Республики Беларусь. Так с 1 марта 2021 года вступил в силу новый КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 года, в котором была исключена административная ответственность за клевету (ст. 9.2 КоАП 2003 года).

В России, наоборот, наблюдается тенденция пенализации за отдельные виды клеветы и тенденция к дифференциации уголовной ответственности. Это выражается в большом количестве квалифицирующих (ч.2 ст.128.1 УК РФ) и особо квалифицирующих признаков (ч.3-5 ст.128.1 УК РФ), а также в появлении новых отягчающих состав клеветы признаков, в частности, клевета совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч.2 ст.128.1 УК РФ).

Вопрос о том, какие тенденции более адекватно отражают защиту чести и достоинства человека, вопрос сложный. Л.Е. Смирнова отмечает, что «результатом взаимодействия процессов унификации и дифференциации является обеспечение эффективности правового регулирования, при этом унификация и дифференциация могут осуществляться: последовательно; параллельно друг другу; попутно в рамках и при главенствующей роли одного из этих процессов» [3, с. 8]. На наш взгляд, конституционные права, такие как честь и достоинство любого человека, а не только отдельных граждан государства, требуют адекватной защиты нормами уголовного права, по крайней мере административного. Поэтому видится, российский подход более удачен, чем полное исключение клеветы как административного или уголовно-противоправного деяния. Таким образом, мы защищаем честь и достоинство каждого гражданина не зависимо от его статуса и не зависимо от способа и средств осуществления клеветы. Есть и в российской доктрине позиция перевода клеветы в разряд административных проступков. Так, А.С. Тараненко предлагает ограничить уголовный запрет клеветой, совершенной анонимно. Он отмечает, что во всех случаях подсудимый и частный обвинитель являлись близкими знакомыми (членами одного коллектива, семьи, соседями). Приговорами вынесены наказания в виде

штрафов на суммы до 5000 р. (в одном - 15 тыс. р.). Все это говорит о возможности вернуть состав неквалифицированной клеветы в сферу административно-правовой ответственности. Отказ от уголовного преследования клеветников, не скрывающих своих имен, поставит точку в дискуссиях о необходимости уголовной ответственности журналистов и их праве на ошибку [4]. Предложенная позиция довольно спорная. Если говорить об объекте клеветы, то его охрана необходима не независимо от анонимности или открытости распространения информации, ведь честь и достоинство страдают в обоих случаях. Опасность анонимного способа распространения клеветы признавалась отечественным уголовным правом советского периода: так, в ч. 2 ст. 130 УК РСФСР 1960 г. он предусматривался в качестве квалифицирующего признака – «Клевета в анонимном письме». Возможно, и нам следует сделать анонимность как квалифицирующий признак состава клеветы, но не исключать распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию с указанием автора из признаков основного состава клеветы.

Другой вопрос – о детальной дифференциации, также не однозначен. На наш взгляд, новая система квалифицирующих признаков, разработанная российским законодателем, более или менее отражает характер общественной опасности содеянного, кроме одного нового признака – «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных». Так, в частности, введение нового квалифицирующего признака – «клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных» создаст ряд правоприменительных проблем при разграничении ч.1 ст.128.1 и ч.2 ст.128.1 УК РФ, а также проблем в применении самой нормы ч.2 ст.128.1 УК РФ в части установления потерпевших – индивидуально не определенных лиц. Рассмотрим эти аспекты подробнее. Во-первых, если бы законодатель хотел в качестве квалифицирующего признака предусмотреть единичное преступление с двумя или более потерпевшими (например, одновременная клевета в отношении нескольких лиц или разновременная клевета в отношении нескольких потерпевших с единым умыслом) либо множественность тождественных преступлений (например, совершение клеветы несколько раз в отношении разных лиц с разным умыслом), то, скорее всего, он воспользовался уже существующей в других составах преступлений конструкцией: «клевета в отношении двух или более лиц», и это было бы вполне обосновано. Признак клеветы «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», это «новодел» законодателя, он юридико-технически не соответствует другим составам преступлений, как ранее выше было отмечено. И может впоследствии вызвать ряд вопросов применения.

Суммируя изложенное, приходим к выводу, что нам в целом предпочтительней российское законодательное решение, за небольшим, но очень важным уточнением в части нового признака - «клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», требующего исключения в качестве такового.

Список использованных источников:

1. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-10569.htm>. – Дата доступа: 21.06.2021.
2. Елец, С.А. Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kubsau.ru/upload/iblock/ab2/ab20e7ed0c9aabd2dad2fb60b156b901.pdf> – Дата доступа: 21.10.2021.
3. Смирнова, Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/197379374.pdf> – Дата доступа: 21.10.2021.
4. Тараненко, А.С. Клевета: обоснованность границ объекта уголовно-правовой охраны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kleveta-obosnovannost-granits-obekta-ugolovno-pravovoy-ohrany> – Дата доступа: 21.10.2021.

**ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Н.Е. Муллахметова

Ключевые слова: частное обвинение, уголовный процесс, потерпевший.

Много лет в науке уголовного процесса ведутся дискуссии о разумном соотношении частных и публичных начал, которым определяется тип, а также стратегия развития судопроизводства.

В уголовном процессе России и Республики Беларусь существует институт частного обвинения, что рассматривается как одно из ярких проявлений диспозитивности. При этом, несмотря на общий путь развития законодательства двух республик в советский период, современное правовое регулирование данного института имеет существенные различия, на которых мы и остановимся в рамках настоящей статьи. Применение компаративистского метода исследования может быть полезным не только для совершенствования национального законодательства, но и для его унификации в рамках союзного государства.

Во-первых, российский и белорусский законодатели по-разному подошли к определению перечня дел частного обвинения. Согласно ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) в него включены всего три статьи Уголовного кодекса РФ: ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116.1 (нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию) и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета).

Ч. 2 ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее по тексту – УПК Республики Беларусь) [1] относит к делам частного обвинения помимо умышленного причинения легкого телесного повреждения также разглашение тайны усыновления (удочерения), разглашение врачебной тайны, незаконные соби́рание либо распространение информации о частной жизни, оскорбление, нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан, нарушение тайны переписки, телефонных или иных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, причинение имущественного ущерба без признаков хищения, незаконное отчуждение вверенного имущества и ряд других. Кроме того, ч. 3 ст. 26 УПК Республики Беларусь включает в категорию частного обвинения дела по некоторым другим преступлениям (например, краже, мошенничеству, присвоению или растрате и др.), если они совершены в отношении потерпевшего членами его семьи, близкими родственниками либо иными близкими лицами. Таким образом, белорусский законодатель при определении категории дел частного обвинения в основу положил также сферу отношений, в которой совершается посягательство, и за счет этого существенно расширил перечень таких дел.

Если рассматривать порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения в обеих странах, то здесь наблюдается общий подход: необходимо заявление потерпевшего, отвечающее ряду требований, которое подается непосредственно в суд (в России в соответствии со ст. 318 УПК РФ – мировому судье или в районный суд, а в республике Беларусь согласно ст. 426 УПК Республики Беларусь – в районный (городской) суд). В кодексах обеих стран предусмотрено изменение порядка возбуждения уголовных дел, отнесенных к категории частного обвинения в случае, если потерпевший не способен самостоятельно защитить свои права в силу беспомощного или зависимого состояния, а также при отсутствии данных о лице, совершившем преступление. В этих случаях дело возбуждается в обычном порядке и предполагает проведение расследования.

Дискуссионным для российского уголовного процесса является вопрос о том, кто должен квалифицировать деяние, описанное в заявлении, подаваемом в соответствии со ст. 318 УПК РФ. Если следовать логике законодателя, который предоставил право частному обвинителю распоряжаться обвинением, то это обязан делать заявитель. Однако требования об указании квалификации в подаваемом заявлении в ч. 5 ст. 318 УПК РФ нет. По этому поводу еще в 2005 году было обращение в Конституционный Суд РФ мировым судьей из г. Смоленска А.Н. Болтуновым. Конституционный Суд подчеркнул, что заявление потерпевшего признается не только исключительным поводом к возбуждению уголовного дела частного обвинения, но и в качестве обвинительного акта, который позволяет обвиняемому подготовиться к своей защите [2]. Поэтому было бы разумно в ч. 5 ст. 318 УПК РФ закрепить еще одно требование к заявлению по делу частного обвинения – об указании в нем части, статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за деяние. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм,

регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» также подчеркивается, что существо обвинения, выдвинутого против лица по делу частного обвинения, и соответственно пределы судебного разбирательства по нему определяются исходя из содержания заявления потерпевшего. Конечно, не все потерпевшие обладают достаточными правовыми знаниями, чтобы квалифицировать содеянное, а бесплатная юридическая помощь им не предоставляется. Для таких случаев, как нам представляется, можно было в УПК РФ закрепить положение, аналогичное тому, что указано в ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ, т.е. чтобы дело направлялось в следственный орган или орган дознания для возбуждения в публичном порядке.

В Республике Беларусь для разъяснения положений УПК принято Постановление Пленума Верховного Суда от 31 марта 2010 года № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» [3]. В п. 5 названного ППВС обращается внимание судов на необходимость проверки, содержатся ли в заявлении указания на то, когда, кем и где совершено противоправное деяние, в чем конкретно оно выразилось, соответствует ли описание преступного деяния диспозиции уголовного закона, сделана ли ссылка на уголовный закон (пункт, часть, статью), предусматривающий ответственность за данное преступление. Т.е. квалификация должна быть приведена, хотя в ст. 426 УПК Республики Беларусь это прямо не закреплено.

В практике имеют место случаи, когда после совершения преступления, относящегося к категории дел частного обвинения, наступила смерть пострадавшего, который так и не успел приобрести статус частного обвинителя или потерпевшего. Встает вопрос о правопреемстве. На этот счет ч. 2 ст. 318 УПК РФ содержит следующее правило: в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном ч. 3 настоящей статьи (т.е. когда при наличии обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, дело возбуждается следователем, а также с согласия прокурора дознавателем). При этом круг близких родственников определен законодателем в п. 4 ст. 5 УПК РФ, к ним отнесены только супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Заслуживает поддержки позиция ряда авторов, что круг лиц, к которым могут перейти права скончавшегося пострадавшего по делу частного обвинения, должен включать не только близких родственников, но также и родственников, и близких лиц по аналогии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ [4]. Остается открытым вопрос о том, каким участником процесса является этот близкий родственник в случае подачи заявления мировому судье? Если следовать логике законодателя, то он тоже считается частным обвинителем, учитывая определение, приведенное в ч. 1 ст. 43 УПК РФ: лицо, подавшее заявление по делу частного обвинения. Однако согласно ч. 2 и 3 ст. 318 УПК РФ в случае смерти потерпевшего по делу частного обвинения дело может возбуждаться и в публичном порядке. Кроме того, наблюдается противоречие

ст. 43 УПК РФ и п. 59 ст. 5 УПК РФ, где дано иное определение частного обвинителя: это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения. А понятие законного представителя раскрывается в п. 12 ст. 5 УПК РФ только применительно к несовершеннолетним. На эту проблему обращают внимание и другие авторы [5].

В УПК Республики Беларусь данный вопрос урегулирован точнее: ст. 51 УПК Республики Беларусь устанавливает, что в случае смерти лица, пострадавшего от преступления, отнесенного к категории дел частного обвинения, частным обвинителем признается любой из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи, его законный представитель. При этом он наделяется всеми правами частного обвинителя без исключения. Представляется, что и российскому законодателю следует учесть данный опыт правового регулирования.

Как по УПК РФ (ч. 5 ст. 321), так и по УПК Республики Беларусь (ч. 5 ст. 428) частный обвинитель имеет право отказаться от обвинения, даже без указания мотивов. Но в России не однозначно решается вопрос об основаниях прекращения уголовного дела в случае такого отказа. Дело в том, что российский законодатель не предусмотрел на этот счет конкретных указаний, а в перечне оснований для прекращения уголовного дела в ст. 24 УПК РФ нет отказа частного обвинителя от обвинения. При ответе на вопрос «Если по делу частного обвинения, возбужденному путем подачи заявления в суд, частный обвинитель отказывается от обвинения, то на какую норму УПК РФ следует ссылаться в постановлении о прекращении уголовного дела?» голоса опрошенных нами судей распределились следующим образом: на ч. 2 ст. 20 УПК РФ – 19%, на п. 5 ч. 2 ст. 24 УПК РФ – 75%, на ч. 7 ст. 246 и п. 1 или 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – 6%.

В п. 19 ППВС Республики Беларусь от 31 марта 2010 года № 1 дано разъяснение, что при отказе частного обвинителя от обвинения производство по делу прекращается в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК (за отсутствием в деянии состава преступления), а в связи с примирением – на основании п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК (за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым).

Таким образом, ряд вопросов института частного обвинения белорусский законодатель урегулировал более четко, а в России они также могут быть разрешены на уровне ППВС либо посредством внесения изменений в УПК РФ. Однако Верховный суд РФ разработал законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в УПК РФ (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», предусматривающий по сути отмену частного обвинения. Такое предложение обусловлено стремлением защитить права и законные интересы потерпевших, прежде всего, жертв семейного насилия.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 9.11.2021.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 года № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal_proc/1ffb0a5e89574bbb.html?ecbaiecbaaaaimopp. – Дата доступа: 9.11.2021.
4. Гаврилов, М.А. Правопреемство частного обвинителя / М.А. Гаврилов // Мировой судья, 2019. – № 9. – С. 14–19.
5. Титов, П.М. Частный обвинитель в уголовном судопроизводстве / П.М. Титов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра, 2020. – № 1(13). – С. 155–160.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.В. Хоменко, Д.О. Рахвалова

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коммерциализация интеллектуальной собственности, исключительные права, лицензионный договор, цифровая экономика, иностранный элемент, принцип территориальности.

Общая тенденция направленности на коммерциализацию интеллектуальной собственности хозяйствующими субъектами требует комплексного эффективного и непротиворечивого правового регулирования этих отношений. При этом их нормирование на национальном уровне во многом базируется на международных стандартах. Тренд на цифровизацию и глобализацию экономики, безусловно, особенно затрагивают сферу интеллектуального права и, как дают новые возможности, так и привносит новые угрозы. В частности, такой угрозой является появление новых пространств использования (например, сеть «Интернет»), виртуальность которых, во-первых, осложняет локализацию места реализации субъективного исключительного права в географическом пространстве в пределах территории отдельного

государства [1], во-вторых, по сути, стирает государственные границы и трансформирует большинство правоотношений в трансграничные. Таким образом, осложнение правоотношения иностранным элементом привносит свою специфику в его регулирование. При этом, в большинстве случаев иностранным элементом осложнен субъектный состав правоотношения.

Однако, базовым принципом права интеллектуальной собственности остается принцип территориальности исключительных прав. Отчасти это обусловлено действием доктрины национального суверенитета. Он означает, что патент как охраняемый документ должен быть получен в каждой юрисдикции, где требуется защита, и, как правило, он не будет действовать за пределами территории этой страны [2].

Применительно к промышленной собственности исследователи находят прототип рассматриваемого принципа еще в решении Верховного суда США 1856 г. по делу *Brown v. Duchesne*, где отмечено, что национальный патентный закон не распространяет свое действие за пределы территории США [3]. Позднее принцип нашел отражение в Парижской конвенции по охране промышленной собственности: «патенты, заявки на которые поданы в разных странах Союза гражданами стран Союза, независимы от патентов, полученных на то же изобретение в других странах, входящих или не входящих в состав Союза» [4]. Таким образом, действие прав ограничивается территорией государства, уполномоченный патентный орган которого предоставил юридическую охрану соответствующему объекту.

При этом, важной составляющей любого субъективного права, в том числе, исключительного является правомочие на защиту (ст. 1252 ГК РФ [5], ст. 989 ГК РБ [6]). По российскому праву к исключительной компетенции арбитражных судов в по делам по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом, относятся дела по спорам, связанным с регистрацией или выдачей патентов, регистрацией и выдачей свидетельств на товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели или регистрацией других прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые требуют регистрации или выдачи патента либо свидетельства в Российской Федерации [7].

Распространенными являются споры в области фармацевтики и медицинских изделий. Иллюстрацией из правоприменительной практики служит Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2019 по делу № СИП-166/2018 [8]. Согласно факту дела иностранное юридическое лицо оспаривало признание Роспатентом патента на группу изобретений «Лечение аутоиммунных заболеваний у пациента с неадекватным ответом на ингибитор TNF-альфа» недействительным как не обладающих признаком патентоспособности «изобретательский уровень». Как отмечено в судебном акте, «признание изобретения по патенту <...> соответствующим условию патентоспособности «изобретательский уровень» в одной из стран не является основанием для признания патентоспособным изобретения по патенту <...> в России <...> патентные законодательства зарубежных стран

отличаются друг от друга <...> сохранение действия патента в одной из стран не означает, что такой же патент не может быть признан недействительным в другой стране» [8]. Аналогичные выводы содержатся еще в нескольких решениях (см., например, [9]).

Анализ мирового опыта демонстрирует, что правовые системы знают две основные юридические формы вовлечения объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот: договоры об отчуждении исключительного права и лицензионные договоры. По российскому праву эти универсальные договорные модели применяются для предоставления исключительных прав как на объекты авторского, так и патентного права (см. ст.ст. 1234, 1235, 1285, 1286, 1365, 1367 ГК РФ [5]). Законодательство об интеллектуальной собственности Республики Беларусь придерживается схожего подхода в типологизации объектов интеллектуальной собственности и знает названные договоры, хотя и с некоторыми терминологическими расхождениями (см. ст.ст. 984.1, 985, ГК РБ [6]). Частным проявлением принципа территориальности в договорном праве служит норма ст. 1235 ГК РФ [5], согласно которой, по общему правилу, если сторонами не определено иное, лицензиат вправе осуществлять их использование на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем, еще во второй половине XX в. получил теоретическое обоснование, так называемый, принцип универсальности, противопоставляемый принципу территориальности [10]. Несмотря на то, что он не получил распространение в национальных правовых системах, можно сказать, что следствием стало рождение принципа ограниченной территориальности и наднациональной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Примерами служат Евразийская патентная система, патентование изобретений в Европейском патентном ведомстве, Мадридская система регистрации товарных знаков.

Таким образом, в парадигме построения цифрового мира все более очевидным становится необходимость выработки новых правовых решений в области регулирования экстерриториальных отношений по поводу объектов интеллектуальной собственности, как неотъемлемое условие развития экономики в целом и защищенности интересов отдельных хозяйствующих субъектов в частности.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and Novosibirsk region, project number 20-410-543001; Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 20-410-543001.

Список использованных источников:

1. Крупко, С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография / С.И. Крупко. — М.: Статут, 2018. — 279 с.

2. Шахназаров, Б.А. Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве / Б.А.Шахназаров // Lex russica. 2018. – № 12. – С. 132–144.
3. Gutterman, A.S. Going Global: A Guide to Building an International Business. Part A. Setting up and Managing a Business Abroad. § 13:22. Intellectual property rights. Special forms of intellectual property rights. Intellectual property rights and the Internet. Westlaw. Thomson Reuters. 2017.
4. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) // Закон. – № 7. – 1999.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. – № 289. – 22.12.2006.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 года № 218-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. - Режим доступа: <https://etalonline.by>. - Дата доступа: 07.11.2021.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. – № 144. – 04.07.2017.
8. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2019 по делу № СИП-166/2018 // КАД Арбитр [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>. – Дата доступа: 09.11.2021.
9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2019 по делу № СИП-422/2018 // КАД Арбитр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>. - Дата доступа: 09.11.2021.
10. Шугурова, И.В. Территориальный принцип действия прав интеллектуальной собственности: основные тенденции развития / И.В. Шугурова // Современное право. – 2010. – № 10. – С. 76–81.

РАЗДЕЛ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

С.М. Алексеенко

Ключевые слова: медиация, альтернативные способы разрешения юридических конфликтов, конфликт, посредничество.

Эффективность правового регулирования общественных отношений во многом зависит от действенности функционирования процедур по разрешению правовых споров. При этом степень оптимальности определяется не только совершенствованием классических процессуальных производств, но развитостью и использованием различных внеюрисдикционных (альтернативных) способов разрешения юридических конфликтов.

Целью данного исследования является всестороннее исследование процедуры медиации, её понятия, сущности и значения.

Основу методологии познания проблемы медиации составили как общенаучные методы познания (диалектика, анализ, синтез), так и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, и др.).

Альтернативное разрешение споров определяется как группа процессов, с помощью которых решаются споры, конфликты и дела, без обращения в суд. Одним из ведущих таких способов выступает медиация, которая предназначена помочь вовлеченным в конфликты сторонам прийти к обоюдному согласию в решении дела. Медиация проводится, как правило, негосударственным органом или частным лицом, исходя из принципов добровольности, нейтральности, конфиденциальности, диспозитивности, равноправности сторон.

Сегодня термин «медиация» становится все более популярным и узнаваемым. В современном общеупотребительном понимании медиация – это разновидность примирительной процедуры. Само слово произошло от латинского *mediare* – посредничать, занимать середину между двумя точками зрения либо сторонами, предлагать средний путь, держаться нейтрально, беспристрастно.

В настоящее время медиация является альтернативой не только государственному, но и арбитражному (третейскому) судопроизводству. В рамках АРС, медиация относится к числу неюрисдикционных способов,

которые называются «примирительные (консенсуальные, согласительные) процедуры» и противопоставляются третейскому суду (арбитражу).

Тенденция привлечения внимания законодателя к медиации на постсоветском пространстве особую значимость приобретает лишь в последние годы. Это связано с несколькими факторами, среди которых основное место занимает фактор эффективности правового регулирования общественных отношений: реализация правом задачи поддержания баланса социальных интересов сегодня становится все более проблематичной без расширения альтернативных начал традиционному процессу.

Произошедшие в последние два-три десятилетия изменения в жизни общества оказали существенное влияние на общественное правосознание, интересы и потребности общества и его членов и послужили объективным толчком развития инициатив частноправового способа правовой регламентации. Расчет только на традиционные способы разрешения юридических конфликтов сегодня вряд ли следует признать обоснованным. Свидетельством этому являются преобразования сферы публичности права на постсоветском пространстве – реформа моделей (фактически советских) публичного права в Украине, Грузии, Казахстане является, по сути, сменой моделей публичного права. Указанные изменения влекут пересмотр степени участия общества в разрешении юридических конфликтов и расширении частных начал в праве, что отнюдь не является произвольным жестом законодателя, а объективно задано жизнью.

В Республике Беларусь медиация получила своё закрепление с принятием закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. №58-З «О медиации», который вступил в силу с января 2014 г. [1]. Для национальной правовой системы медиация представляет новое социально-правовое явление и новый опыт разрешения правовых споров. Преимущества медиации как способа разрешения юридического конфликта, заключаются в возможности привлечения инструментария конфликтологии и психологии для разрешения проблемного вопроса.

Медиация – это инновационная интеллектуальная технология, включающая обоснованный комплекс приемов, методов и процедуры организации и ведения переговоров под руководством третьего лица. Медиатор – физическое лицо, участвующее в переговорах сторон в качестве незаинтересованного лица в целях содействия им в урегулировании спора (споров) [1].

Медиация, наряду с другими формами альтернативного разрешения споров, представляет технологию, в которой сами стороны в переговорах с участием третьей стороны работают над своим конфликтом. [2].

Главным достоинством института медиации является то, что он позволяет не только разрешить возникший спор, но и возобновить нормальное общение между конфликтующими сторонами. Медиация, позволяет разрешать возникшие споры, избегая классическое судебное разбирательство и

связанные с ним процессуальные, эмоциональные, временные и финансовые издержки. Помимо этого, медиация позволяет не предавать огласке подробности и проблемы относительно спора. С точки зрения заинтересованности государства, институт медиации позволяет уменьшить нагрузку на судебную систему, тем самым сделать ее более эффективной [3].

Главный подход при решении любых вопросов, связанных с процедурой медиации в Беларуси должен состоять в понимании того, что развитая система несудебных процедур, в конечном итоге, отвечает приоритетам любого правового государства. Эти приоритеты заключаются в создании эффективной судебной системы; в снижении объема судебных дел и затрат, связанных с их рассмотрением; в обеспечении быстрого урегулирования конфликтов и погашении их отрицательных последствий; в поощрении такого урегулирования конфликтов, которое соответствует интересам сторон; в обеспечении доступности и разнообразия процессуальных форм. Необходимо использовать все возможности в данном направлении.

Таким образом, активное использование института медиации является инновационным направлением в развитии отечественной юриспруденции, важным вкладом в дело укрепления правовой культуры общества, непременным условием успешного социально-экономического развития нашей страны. Медиация, представляя собой в многообразии целую систему приемов, средств, методов частного урегулирования отношений между сторонами, должна служить целям правосудия, обеспечению процессуальных гарантий защиты прав и интересов сторон и повышению эффективности разрешения сложных правовых ситуаций в суде. Актуальной задачей современной системы правосудия является эффективное и быстрое разрешение конфликтов. Развитие и широкое применение процедуры медиации будет способствовать ее решению.

Список использованных источников:

1. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З.: в ред. Закона Республики Беларусь от 06.01.2021 г. № 89-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
2. Аллахвердова, О.В. Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте / О.В. Аллахвердова // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко (Сер. «Библиотека медиатора». Кн. 4). – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2014. – С.20-44.
3. Здрок, О.Н. Медиация / О.Н. Здрок // ОДО «Издательство «Четыре четверти»». – Минск, 2019 – 216 с.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

П.В. Борботько, В.В. Ксендзов

Ключевые слова: подготовка кадров, юридическое образование, цифровизация образования.

Мировые тренды, провозглашенные правительствами государств Западной Европы: «Робототехника. Перезагрузка» и «Четвертая промышленная революция», нацелены на достижение пятого или уже шестого технологического уклада. Значительное количество рассматриваемых в настоящее время парламентами европейских государств биллей относится к этой области. С целью облегчения изложения материала о перспективных тенденциях в области подготовки юридических кадров, выделим из характеристики пятого технологического уклада те элементы, которые могут касаться первой ступени высшего образования:

- опора на достижения информатики;
- активное использование возможностей сети интернет;
- связывание крупных компаний посредством глобальной сети;
- увеличение значения контроля качества;
- активное планирование инноваций.

В своих иных публикациях мы уже подробно рассматривали действующие государственные программы: «Научоемкие технологии и техника», «Образование и молодежная политика», «Государственная программа развития информационного общества и цифровой экономики на 2016-2020 годы». Позволим себе указать, что они предъявляют перечисленные выше требования к системе подготовки специалистов в Республике Беларусь.

Вместе с тем, мировая тенденция показывает определенное противоречие. Ориентируясь на высокотехнологичное и наукоемкое производство, она несколько забывает о системе образования и подготовки кадров. Так, высокая технологичность и наукоемкость признается только за таким науками и отраслями как: атомная энергетика, космические исследования, биология, химия и т.д. По этой же логике следуют и целевые показатели государственной программы «Научоемкие технологии и техника». За дисциплинами, например, гуманитарного цикла, за гуманитарным образованием в целом, фактически, не закрепляется наукоемкость на уровне мирового тренда. Однако, они также участвуют в формировании рынка образовательных услуг, производстве электронных обучающих ресурсов. Как известно, в 2012 году мировой рынок электронных образовательных ресурсов достиг оборота 48 миллиардов долларов. С этой точки зрения разработка и использование электронных ресурсов для нужд подготовки юридических кадров соответствовала бы смыслу Указа Президента Республики Беларусь № 59.

Отсутствие закрепления за гуманитарным образованием наукоемкости на уровне соответствующих нормативных правовых актов, имеет одним из последствий – трудности в реформировании системы высшего образования. В результате: предлагаемые гуманитариями инновации и технологии соответствуют в основном третьему и четвертому технологическому уровню (бумажные носители, раздаточные материалы и карточки, костюмированные шоу, использование компьютера как новой версии фильмоскопа). Между тем, как Государственный комитет по науке и технологиям прямо указывает на необходимость достижения пятого и шестого уровня.

Данная двойственность обнаруживается и в государственных стандартах 01-24 01 01 «Международное право», 01-24 01 02 «Правоведение» и 01-24 01 03 «Экономическое право».

Во-первых, указанные стандарты содержат некоторые противоречия в пунктах 7.4 «Требования к структуре типового учебного плана по специальности» и 6.4 «Требования к профессиональным компетенциям специалиста». Например, такая компетенция как ПК-75 «Инновационная деятельность» не предусматривается для курса «История государства и права Беларуси» и для планирования юридической практики студентов.

Во-вторых, можно внести дополнения в пункт 7.5 «Требования к обязательному минимуму содержания учебных программ и компетенциям по учебным дисциплинам». В настоящее время данные требования не в полной мере учитывают необходимые в цифровую эпоху компетенции.

В-третьих, стандарты высшего образования не приводят списка сертифицированных программ, допустимых и необходимых для эффективного образовательного процесса. К преподавательскому составу, осуществляющему подготовку юридически кадров не предъявляется, например, требование владеть одним из языков программирования, уметь составлять авторские программы на основе флэш-технологий, графических редакторов и т.д.

Все сказанное выше предоставляет широкие возможности для научного поиска каждого преподавателя, участвующего в подготовке юристов в вузе. Одним из перспективных направлений в этой сфере может считаться, по всей видимости, новшество, разрабатываемое и применяемое в последние пять лет при преподавании курса история государства и права Беларуси в Витебском государственном университете. Разрабатываемый подход включает в себя: ролевые компьютерные обучающие игры, новшества в области интерактивного применения книг-игр, разработанных еще в середине XX века, современных тенденций в интернете (летсплеи и стримы). Как показывает опыт, они могут эффективно применяться в рамках любой учебной дисциплины, полностью соответствуют компетенциям стандарта АК – 6, 7, ПК – 73, 74, 75; могут быть приспособлены к условиям проведения всех видов практик.

Наши выводы и предложения могут быть сведены к следующим пунктам:

1. Мировая практика показывает, что образование развивается и реформируется в духе тренда на создание пятого и шестого технологического уклада.

2. Глобальным трендом является усиление коммерческой составляющей в создании электронных обучающих программ, расширении сферы применения и перечня платных образовательных услуг. Это, в свою очередь, предполагает участие современного университета, отдельного факультета в своеобразной конкуренции за потребителя услуг. Речь идет не только о внутреннем потребителе (абитуриент, студент – гражданин Республики Беларусь), но и о межгосударственных соглашениях на обучение иностранных студентов. Высокотехнологичный уровень преподавания, применение эксклюзивных программ, созданных на базе конкретного университета, способны стать важными факторами.

3. Мы предлагаем оценивать систему подготовки специалистов (в нашем случае – юридического профиля) с точки зрения наукоемкости и инновационности. Если под наукоемкостью понимать использование новейших научных представлений и современной компьютерной техники и софта, то к педагогическим кадрам следует предъявлять более серьезные требования в области владения и использования в преподавании компьютерной техники и электронных обучающих программ.

4. Государственные стандарты, как было показано в статье, содержат некоторые противоречия. Можно предложить внести в список умений и навыков по каждой учебной дисциплине требования: «... владеть: методикой преподавания соответствующей дисциплины», «... владеть: необходимыми навыками по составлению и использованию электронного документооборота» (пункт 7.5 стандартов).

5. Кафедра истории и теории права юридического факультета Витебского государственного университета могла бы, в соответствии с действующими нормативными правовыми актами, например, пунктом 8.6 Государственной программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы, открыть филиалы кафедры в средних школах города Витебска. Это будет способствовать профессиональной ориентации школьников, апробации новых (в том числе дистанционных) форм и методов работы, повышению правовой культуры школьников города Витебска.

Список использованных источников

1. Borbotko, P.V. Digital skills crisis and revision of educational standards / P.V. Borbotko // European science review. – 2019. – № 5–6. – P. 52–54.

2. Borbotko, P.V. Special aspects in interpretation of terms «Knowledge-intensive», «innovations», «innovative activities» by CIS scientific community / P.V. Borbotko // European science review. – 2017. – № 11-12. – P. 167–170.

3. Darozhka, I. The question of creating a center for digital transformation of legal education on the basis of VSU / I. Darozhka // Студенческие научные достижения: сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. — С. 125–128.

СОГЛАШЕНИЯ О ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.В. Борботько, В.Д. Прыгун

Ключевые слова: Первая мировая война, международное гуманитарное право, военнопленные, интернирование, плен.

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) быстро обнаружились пробелы, существовавшие до того времени в международном гуманитарном праве. Особые условия (война двух политических блоков) не позволяли воевавшим друг с другом государствам проводить мирные конференции и переговоры напрямую. Договариваться приходилось через нейтральные страны. Благодаря этому в действовавшие к тому времени Женевские и Гаагские конвенции были внесены значительные изменения и дополнения. Среди прочих вопросов в них поднимались и проблемы, связанные с военнопленными всех воевавших государств.

К моменту начала Первой мировой войны воюющие державы ратифицировали все конвенции, подписанные в 1856–1907 гг. Они были выработаны и приняты на конференциях: 1856 года в Париже, 1864 года в Женеве, 1868 года в Санкт-Петербурге, 1899 и 1907 года в Гааге [1]. Среди указанных международных правовых следует назвать: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (18 октября 1907 года) [2], Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (6 июля 1906 года) [1], Конвенция о морской войне (18 октября 1907 года) [3]. В этой части сборника документов тексты указанных соглашений точно соответствуют содержанию конвенций, опубликованных в иных источниках.

Как уже отмечалось, война показала пробелы в действовавшем праве. Следует оговориться, что рассматриваемые нами соглашения не подлежали ратификации законодательных органов власти. Они являлись соглашениями военных ведомств враждебных друг другу государств, скрепленными авторитетом и посредничеством нейтральных держав (Швейцария, Швеция, Дания и т.д.). Например, как, указывал Бетманн Голльвег, канцлер Германии, немцы «... при сложившихся обстоятельствах договаривались не о формальных вопросах, но о более или менее свободных от формальностей соглашениях, которые принимались только после продолжительных переговоров с участием представителей нейтральных стран, а частично также под давлением немецких репрессалий» [1]. Репрессалии, как известно, – принудительные меры, предпринимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства с целью заставить его прекратить эти действия и возместить ущерб. При чтении подобного заявления следует учитывать, что в Первую мировую войну именно немцы практически исключительно воевали на чужой территории. Поэтому они довольно часто

нарушали международные соглашения конца XIX – начала XX века, что вызвало возмущение французского, бельгийского, английского и др. правительств. Это, как известно, стало одной из причин попытки проведения международного трибунала над военными преступниками после войны [4]. К тому же мы видим, что в то время еще не был запрещен режим репрессалий, и он активно использовался, в данном случае, немецкой дипломатией при заключении международных соглашений.

Особого регулирования требовали проблемы, связанные с возвращением санитарного персонала. Женевская конвенция от 22 августа 1864 года предписывала освобождать санитаров, санитарные машины и персонал госпиталей после исполнения ими своих функций (статья 3) [1]. Статья 4 гарантировала, что «скорой помощи, при данных обстоятельствах, должна быть возвращена ее экипировка» [1]. Редакция данной конвенции 1906 года (ратифицирована Германией в 1907 году) позволяла отступать от данных норм [2]. Воюющие державы стремились задержать врачей и медицинских работников в плену (в силу того, что поступало большое количество раненых пленных). Поэтому по вопросам процедуры возвращения санитарного персонала на родину Германия заключила разные соглашения с различными государствами Антанты. Общим в них было то, что полковые священники признавались членами санитарного персонала, а медицинские работники должны были подлежать обоюдной репатриации.

С Францией было договорено, что к санитарному персоналу будут отнесены не только лица, принадлежность которых к нему точно установлена, но и те пленные, которые утверждают свою принадлежность к санитарам, но не могут этого подтвердить документами. На первом этапе оба государства должны были обмениваться списками передаваемых лиц, а на втором – передать абсолютно всех лиц данной категории без учета их количества. Отдельно оговаривалось, что после освобождения они могут работать только в духовной или санитарно-медицинской службе.

Особенности договора с Россией заключались в том, что значительная территория империи была оккупирована немцами. Население захваченных районов и пленные в лагерях нуждались в медицинской и духовной помощи. Поэтому передаче должны были подлежать не все пленные русские врачи и священники. Предполагалось, что в оккупированных районах останется по 1 врачу и 10 санитаров на 2500 человек, проживающих в нем. Из всего числа священнослужителей, оказавшихся на оккупированной территории, будут освобождаться и передаваться русским властям лишь те, кто болен или находится в преклонном возрасте. При этом большая часть священников останется в лагерях для военнопленных для удовлетворения духовных потребностей, содержащихся в них лиц.

Великобритания обязывалась передать весь пленный санитарный персонал (в том числе и содержащийся в протекторатах).

Проблема возвращения домой и расположения в нейтральных странах военнопленных-инвалидов была решена путем заключения двух договоров: «Условия обмена тяжелоранеными между Германией, с одной стороны, и Бельгией, Францией и Великобританией, с другой»; «Условия обмена тяжелоранеными между Германией и Россией» [4]. Оба соглашения перечисляли увечья и болезни, позволявшие относить военнопленных к передаваемым инвалидам: «совершенная или частичная потеря одного или нескольких членов (по меньшей мере, руки или ноги); полная неспособность употребления одного или нескольких членов (вследствие паралича, атрофии мышц, неверного сочленения, опухоли артерии, нарушений позвоночника); длительный паралич; ранения или нарушения в головном мозге с тяжелыми последствиями; ранения или нарушения в спинном мозге; потеря обоих глаз (слепота) или одного глаза со снижением остроты зрения второго на 1/4; значительное повреждение лица или искривление полости рта, обуславливающие значительное затруднение для питания или дыхания; все запущенные случаи туберкулеза; неизлечимые психические заболевания; иные случаи, установленные специальной медицинской комиссией» [4]. Каждая передающая сторона должна была составить медицинскую комиссию с обязательным включением в нее независимых швейцарских врачей. Комиссия занималась вопросом освидетельствования больных и раненых. После чего происходила их передача. Бельгия и Франция производили обмен с Германией через Швейцарию. Великобритания – через Нидерланды. Россия – через Швецию. К сожалению, в протоколах рейхстага содержатся материалы, касающиеся данного вопроса, только до 31 января 1917 года (документ № 645) [4]. Поэтому о результатах переговоров о подобных соглашениях с другими государствами (например, с Италией) материалов нет. Дело в том, что, как указывалось выше, переговоры проводили специальные военные комиссии и дипломатические службы. Они не ратифицировались рейхстагом и зачастую отсутствуют в его материалах.

В отличие от Франции, Великобритания и Россия согласились выполнять статью 10 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны: «Военнопленные могут быть освобождаемы на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства...» [3]. В соглашении оговаривалось, что данная статья действует только в отношении офицеров, не применяющихся на работах. Как можно судить из указанного документа, его исполнение трактовалось как забота о здоровье пленных – необходимо было позволить им больше двигаться [4]. С лиц, пользовавшихся подобным правом, бралось честное слово и обещание «не убегать и не предпринимать в течение этого времени ничего против безопасности страны содержания» [4]. Однако, как известно, многие русские офицеры использовали такую возможность для бегства. Наиболее известный пример – М.Н. Тухачевский. При этом они пользовались защитой

Статьи 18 Конвенции 1907 года [6]. В случае же их повторного пленения данная статья регламентировала, что «военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» [3].

Таким образом можно заключить, что Первая мировая война, являясь величайшей трагедией человечества в начале XX века, вместе с тем, продемонстрировала недостатки и пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве к 1914 году (в области защиты прав военнопленных). Дальнейшее его развитие пошло по тем направлениям, которые были намечены в рассмотренных соглашениях и конвенциях. Как следует из текста нашей статьи, в указанный период (1914–1918 годы) были намечены пути и методы решения следующих проблем: репатриации санитарного персонала, священнослужителей и инвалидов, размещения военнопленных для лечения в нейтральных государствах, посещения лагерей для военнопленных представителями международных благотворительных организаций и Красного Креста, продовольственного и денежного обеспечения пленных, прогулок для лиц, лишенных возможности двигаться, признания страной, содержащей пленных, их повышения в звании и т.д.

Вместе с тем, как было указано, серьезным недостатком стало то, что многие из данных договоров не касались рядового состава, оказавшегося во вражеском плену. Что, по всей вероятности, было вызвано экономическими и социальными причинами. Поскольку данные договоры в большинстве своем не ратифицировались законодательными органами обеих сторон, нося зачастую характер соглашения военных властей, то они действовали только на период этой войны, а гарантами их соблюдения выступали нейтральные государства. Иногда заключение того или иного акта проходило без соблюдения принципов свободы и равенства сторон договорного процесса под действием репрессалий страны-инициатора.

Список использованных источников:

1. Dokumente zum Humanitären völkerrecht – Documents on international humanitarian law. – Genf: Rote Kreuz, 2007. – 1090 s.
2. Haager Landkriegsordnung vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. – 1910. – S. 132.
3. Zehntes Haager Abkommen, betreffend die Anwendung der Grundsätze des Genfer Abkommens auf den Seekrieg, vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. – 1910. – S. 283.
4. Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. II Session: in 460 Bd. / gedruckt J. Sittenfeld – Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei und Verlags-Anstalt, 1914-1918. – Bd. 320: Anlagen zu den Stenographischen Berichten. – S. 999–1310.

ЗАКОНОДАТЕЛЬ УТОЧНИЛ КОМПЕТЕНЦИЮ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ю.Л. Бурносова

Ключевые слова: специалист, исследование материалов, заключение, решение правовых вопросов, несовершенство закона, ведомственный нормативный акт, спорные позиции, изменение закона, рекомендации.

Известно, что еще во время действия Устава Уголовного Судопроизводства Российской империи 1864 г. учёные дифференцировали сведущих людей на экспертов и специалистов, оказывающих помощь правосудию [1, с. 197]. Однако это, безусловно, верное и значимое положение в нашей стране долгое время было предано забвению. УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. знали только одну процессуальную фигуру, обладающую специальными знаниями. Это был эксперт. Эксперт проводил порученные ему исследования. Если же человек, обладающий специальными знаниями, приглашался для участия в следственном действии, для оказания помощи следователю, он также именовался экспертом. Согласно требованиям ст. 64 УПК РСФСР 1923 г. «Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения...». И только в 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УПК РСФСР были введены ст. ст. 66-1; 133-1; 253-1; 275-1. В них были регламентированы права и обязанности специалистов, их функции, порядок участия в следственных действиях. Таким образом, новая процессуальная фигура – специалист – впервые появилась в РСФСР 31 августа 1966 г.

УПК РФ расширил возможности привлечения специалиста к расследованию. Теперь следователь может использовать помощь специалиста при проведении любого следственного действия. Закон увеличил и диапазон его возможностей. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию. Однако процедура его деятельности не регламентирована.

4 июля 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ в УПК РФ был введён новый вид доказательств – заключение и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74). Ввиду удивительно несовершенной законодательной техники, эта новелла вызвала в научных кругах весьма противоречивые отклики. Действительно, в ч. 1 ст. 74 УПК обращается внимание, что доказательствами по уголовному делу могут быть любые сведения, полученные в предусмотренном законом порядке. В анализируемом же случае порядок совершенно не регламентирован. Разошлись мнения учёных и относительно содержания заключения специалиста.

Е.Р. Россинская подчёркивает, «что в отличие от эксперта специалист не проводит исследований материальных объектов. Заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК)» [2, с. 14].

А.М. Баранов и С.В. Супрун, ссылаясь на ч. 1 ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист вправе проводить исследование материалов уголовного дела с применением технических средств, к которым относятся и вещественные доказательства, заключают, что способ исследования объекта зависит от задач, сформулированных сторонами в вопросах [3, с. 24].

Как видим, существуют прямо противоположные точки зрения.

9 марта 2010 г. Федеральный закон № 19-ФЗ уточнил компетенцию специалиста. Здесь отмечается: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов». Представляется, что данную редакцию можно понять, как возможность поручать специалистам указанные исследования! Однако в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 указывается: «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами» [4].

Законодатель, расширяя полномочия специалиста, вновь породил множество вопросов.

Отсутствие процессуальной регламентации привело к возникновению вопроса о возможности использования помощи специалиста для решения правовых вопросов. Следует иметь в виду, что действующий процессуальный закон в ч. 3 ст. 1 прямо ориентирует правоприменителя на использование положений международных договоров. И если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные действующим УПК РФ, то применяются правила международного договора, что заставляет обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел РФ [5].

В современной отечественной литературе отдельные авторы отмечают, что, по их мнению, допустимо разрешение вопросов, относящихся к техническим или иным специальным правилам, когда разрешаются вопросы о соблюдении правил бухгалтерского учета, строительных правил, пожарной безопасности и др. [6, с. 17].

При этом справедливо подчеркивается, что распространять на конкретного следователя, работника органа дознания, прокурора, судью обязанность быть вполне компетентным во всех вопросах всех известных сегодня отраслей и подотраслей права, знание которых может потребоваться в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел, означало бы поставить

следователя, суд в весьма затруднительное, если не сказать безвыходное, положение, когда «знать право они обязаны, но реально освоить эти знания в объеме, требуемом для принятия квалифицированных и ответственных решений, оказывается невозможным [7, с. 527].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что приведенные положения достаточно аргументировано доказывают необходимость разрешить специалисту проводить определенные правовые исследования. Следует указать, что с такой позицией, в определенной мере, наконец-то, согласился и законодатель. Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ [8.] ст. 144 УПК РФ была дополнена частями 7, 8 и 9. Здесь отмечалось, что по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 198-199.1 УК РФ, следователь направляет соответствующие материалы в налоговый орган. По результатам рассмотрения материалов налоговый орган не позднее 15 суток направляет следователю свое заключение о нарушении законодательства о налогах и сборах или о том, что такого нарушения нет.

Иными словами, специалисты налогового органа дают заключение по правовому вопросу – содержится ли в задокументированном деянии нарушения законодательства о налогах и сборах. 29 июля 2017 г. Федеральным законом № 250-ФЗ редакция ч. 7 и 8 ст. 144 УПК РФ была уточнена. Изложенная процедура была распространена и на материалы по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 199.3 и 199.4 УК РФ [9].

Указанная новелла, на наш взгляд, носит революционный характер. Дело в том, что законодатель впервые разрешил специалисту давать следователю заключение о нарушении законодательства РФ о налогах и сборах и (или) законодательства РФ об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Считаем, что имевший место спор в рассматриваемом вопросе законодателем разрешен. Теперь нет оснований считать, что специалист не проводит исследования. Но трудности продолжают иметь место, т.к. закон не определяет содержание и форму заключения специалиста.

Инициативу в этом вопросе взяла на себя Федеральная налоговая служба, издав приказ от 16 февраля 2015 г. № ММВ-7-2/70@. Здесь четко отмечается, что он направлен на осуществление взаимодействия со следственными органами при рассмотрении налоговыми органами сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198–199.1 УК РФ [10.]. Этим же приказом введены форма и содержание заключения специалиста налогового органа.

По этому поводу, в связи с десятилетием Следственного комитета РФ, А.И. Бастрыкин отмечает, что благодаря налаженному механизму сотрудничества с Федеральной налоговой службой удельный вес возбужденных уголовных дел данной категории вырос в три раза. Сумма возмещенного в ходе процессуальной деятельности ущерба возросла с 5,3 млрд. рублей в 2011 г. до 33,5 млрд. рублей в 2019 г. За девять месяцев 2020 г. эта сумма составила почти 20 млрд. рублей. При этом он подчеркнул, что деятельность

СК РФ не нацелена на применение к нарушителям уголовных наказаний. Задача – обеспечить возмещение причиненного государству ущерба в полном объеме [11]. Таким образом, закон сыграл свою положительную роль.

Названный закон, на наш взгляд, сделал только первый революционный шаг. Однако, ни форма заключения специалиста, ни уголовная ответственность за заведомо ложное заключение законом не предусмотрены. В этом плане еще много вопросов относительно совершенствования закона, расширяющего компетенцию специалиста в уголовном судопроизводстве. Поэтому представляется, что насущная задача законодателя, обратить внимание на существенные недостатки регламентации деятельности специалиста, и, вместо ведомственного нормативного акта, регламентировать современную компетенцию специалиста в уголовном судопроизводстве, изложив структуру и содержание его заключения, порядок поручения необходимого исследования, придав тем самым юридическую силу решениям специалиста. Это будет способствовать развитию теории и единообразной практики расследования и рассмотрения уголовных дел в суде.

Список использованных источников:

1. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. Третье издание исправленное и законченное / Л.Е. Владимиров. – СПб., 1910. – С.197.
2. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М., 2005. – С. 14.
3. Баранов, А.М., Супрун, С.В. Заключение специалиста – новый способ собирания доказательств / А.М.Баранов [и др.] // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2005. – № 3. – С. 24.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. // Российская газета 30 декабря 2010 г. – № 296 (5375).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2 декабря 2003 г.
6. Балакшин, В. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу / В.Балакшин // Законность. – 2003. – № 11. – С.17.
7. Эксархопуло, А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел / А.А. Эксархопуло // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства. – Екатеринбург, 2003. – С. 527.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Приказ Федеральной налоговой службы от 16 февраля 2015 г. № ММВ-7-2/70@ «Об утверждении Порядка рассмотрения налоговыми органами сообщений о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.1 УК РФ». Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Бастрыкин, А.И. Десять лет – срок / А.И. Бастрыкин // Российская газета. – 2021, 14 января.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОГРАНИЧЕНИЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

С.П. Вашетькова

Ключевые слова: исключительное право, ограничение исключительных прав, результаты интеллектуальной деятельности.

Законы демократического общества не только призваны гарантировать охрану интеллектуальной собственности, но и закрепляют право членов общества на участие в культурной жизни и обеспечивают общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры (ст. 51 Конституции Республики Беларусь) [1].

Исходным положением в уяснении юридических характеристик ограничения прав является понятие самого права (свободы). В специально-юридическом смысле свобода (право) представляет собой официально признанную и легализованную меру возможного поведения человека, т. е. субъективное право. Только ограниченное и содержащее пределы своей свободы право отвечает своему первоначальному предназначению. Безусловно, ограничение права возможно до тех пределов, при которых оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права.

В настоящее время в области правового регулирования в сфере авторских, смежных прав и прав промышленной собственности прослеживаются две основные тенденции: с одной стороны особое внимание уделяется решению важного и сложного вопроса по обеспечению наиболее полной и эффективной охраны прав правообладателей, которая соответствовала бы современным технологическим условиям, а с другой стороны усилия со стороны законодателя направлены и на уточнение правовых норм, которые дают возможность использования объектов интеллектуальной

собственности без испрашивания на это разрешения у правообладателей. Данное обстоятельство объясняется стоящими перед обществом задачами по содействию приобщения населения к культурному достоянию, содействия культурному развитию, научно-техническому прогрессу, необходимостью решения социальных проблем, выполнения международных обязательств.

Следует иметь в виду, что имущественные права сами по себе имеют естественные пределы действия. Они носят территориальный характер действия и ограничены во времени.

Осуществление авторских правомочий ограничивается также признанием личных неимущественных прав. В случае коллизии между неимущественными правами автора и отчужденными им третьему лицу правами на использование произведения приоритет будет отдан личным неимущественным правам. Действительно, поскольку обе категории прав первоначально принадлежат автору, то третье лицо может обладать только такими правами, которые были отчуждены автором. Поскольку личные неимущественные права не могут быть отчуждены в силу закона, автор изначально отчуждает права на использование произведения с изъятиями, касающимися личных неимущественных прав.

Отдельной группой ограничений выступают положения в отношении договорных условий (в частности, территория предоставления права, срок предоставления, минимальные ставки авторского вознаграждения). Сюда же можно отнести и нормы, определяющие условия создания служебных произведений. Как и любые иные права, реализация исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности ограничена законодательством об информации (включая положения о личной жизни гражданина, о «закрытой» информации и т. п.), нормами о недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности и др.

Указанные выше ограничения, по сути «огораживают» территорию действия права на результаты интеллектуальной деятельности, обозначают пределы, за которыми эти исключительные права просто не действуют. Кроме этого, закон устанавливает специальные исключения из общего режима действия права использования результатов интеллектуальной деятельности в тех или иных общественных интересах. Именно эти исключения и имеются в виду при употреблении термина «ограничения исключительных прав создателей результатов интеллектуальной деятельности».

Системы ограничений (исключений) имущественного права меняются в соответствии с правовыми рамками. Тем не менее, внимательный анализ позволяет сделать вывод о том, что они, как правило, бывают двух видов: одни считаются «открытыми», если предусматривают общий отказ применительно ко многим ситуациям, по образцу американской концепции добросовестного использования. Другие считаются «закрытыми», если они перечислены в списке точно определенных обстоятельств, при наличии

которых исключительное право не действует. Последняя система основана главным образом на законодательстве континентальной Европы.

Система добросовестного использования (добросовестное использование (англ. fair use) – правовая доктрина в США, которая описывает исключения и ограничения исключительного права, предоставляемого автору творческого произведения законом. В рамках данной доктрины допускается свободное использование защищённых авторским правом материалов при соблюдении определенных условий. Эта система допускает определенную гибкость в оценке изъятий из авторского права, хотя и не гарантирует того, что пользователи произведений окажутся юридически надежными лицами или что последствия использования будут юридически предсказуемыми.

С другой стороны, в европейской или построенной по ее образцу системе авторского права, главным образом французского, германского, российского, белорусского происхождения, исключения составляют точный и исчерпывающий перечень действий, которые, в определенных обстоятельствах, обходят авторскую монополию.

В Директиве ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» от 22.05.2001 г. № 2001/29/ЕС перечни допускаемых исключений занимают большой объем. Директива, суммировав изъятия и ограничения авторских прав, предусмотренных законами всех стран – участниц ЕС, включила в общей сложности 21 изъятие и ограничение. Это говорит о стремлении не только учесть как можно больше встречающихся на практике случаев, когда такие исключения необходимы, но и как можно точнее выразить допускаемые исключения в нормативном материале, чтобы они не наносили ущерба нормальной рыночному использованию результатов интеллектуальной деятельности.

Исключительные права возникают на разные по своей природе объекты, в частности, на авторские произведения, на изобретения, на товарные знаки. В этой связи и ограничения исключительных прав являются различными – они зависят от характера объекта, на который возникает исключительное право. Общих тенденций установления и характера случаев свободного использования различных объектов, по-видимому, нет и быть не может.

Несмотря на это, существуют общие правила, которые позволяют определить формы установления и определения сферы действия этих случаев свободного использования исключительного права.

Условия допустимости ограничений исключительного права устанавливаются на основе «трехступенчатого критерия» (трехступенчатый тест).

Трехступенчатый тест, получивший распространение в мировой практике, базируется на следующих положениях:

- 1) любое исключение или ограничение должно быть конкретным случаем, а не общим определением;
- 2) такое исключение или ограничение не должно наносить ущерба нормальному использованию произведения;

3) такое исключение или ограничение не должно необоснованным образом ущемлять законные интересы автора (правообладателя).

Впервые, в 1967 году, такие ограничения применены в части 2 статьи 9 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений к праву на воспроизведение: «Законодательством стран Союза может разрешаться воспроизведение таких произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора» [2].

В дальнейшем условия о таких ограничениях исключительного права появились и в других международных соглашениях по интеллектуальной собственности и, в частности, в Договоре Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву: «Ограничения или исключения из прав, предоставляемых авторам литературных и художественных произведений, возможны только в определенных особых случаях, которые не наносят ущерба нормальному использованию произведения и необоснованным образом не ущемляют законные интересы автора» [3].

Вышеизложенные критерии, ограничивающие исключительные права, являются кумулятивными; для того, чтобы ограничения и исключения были разрешены, должны быть выполнены все три вышеупомянутых условия.

Что же касается ограничений прав в области промышленной собственности на международном уровне, международные договоры в области промышленной собственности игнорировали проблемы ограничений исключительного права. Например, в Парижскую конвенцию в 1925 г. было введено единственное ограничение в отношении транспортных средств. Впервые на международном уровне общий принцип ограничения патентного права введен в Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (которое пока не ратифицировано Республикой Беларусь; однако, несмотря на это, рассмотрение данного акта является важным для уяснения сущности ограничения исключительного права). В соответствии со ст. 30 этого Соглашения страны «могут предусматривать ограниченные исключения из исключительных прав, предоставляемых патентом, при условии, что такие исключения необоснованно не вступают в противоречие с нормальным использованием патента и необоснованно не ущемляют законные интересы патентообладателя, учитывая законные интересы третьих лиц» [4].

Исключительное право наделяет правообладателя возможностью использовать результат интеллектуальной деятельности, которая включает в себя фактические и юридические действия в отношении результата интеллектуальной деятельности. Главная цель указанных правомочий полностью раскрывает содержание исключительного права: обеспечить правообладателю возможность наиболее полным образом использовать созданный результат интеллектуальной деятельности и распоряжаться правом на него. Вместе с тем, указанная свобода должна иметь свои ограничения. Этими ограничениями выступают интересы общества в получении доступа к новым знаниям. Любое

решение, в том числе и в области интеллектуальной собственности, должно учитывать интересы всех сторон, потому что чье-то право – это всегда чья-то обязанность. Четко определенные ограничения всегда составляют самые существенные условия существования всякой свободы и всякого права.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005 – 48 с.

2. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, 09.09.1886 г.: Париж. акт от 24 июля 1971 г.: с изменениями от 28. 09. 1979 г.// Эталон. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Договор Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности по авторскому праву: договор, 1996 г.//Национальный центр интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: [http:// www.belgospatent.org.by / index.php?option = com_content&view = article&id=131&Itemid=54](http://www.belgospatent.org.by/index.php?option=com_content&view=article&id=131&Itemid=54). – Дата доступа: 15.10.2021.

4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности: Соглашение, 1994 г. // Роспатент [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: [http:// www.rupto.ru / norm_doc /sod/norm_doc/mejd_doc/trips.html](http://www.rupto.ru/norm_doc/sod/norm_doc/mejd_doc/trips.html). – Дата доступа: 21.10.2021.

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.В. Горнак, А.А. Сухарев

Ключевые слова: наследование, наследственное право, наследственные правоотношения, универсальное правопреемство, основания наследования, наследственный договор.

В 2019 году весь мир столкнулся с новым, ранее не известным человечеству вирусом COVID-19, дальше-больше – появились новые формы и штаммы такого заболевания как коронавирус, что повлекло за собой не только огромное количество забелевших, но и увеличение летальных исходов, а следовательно, и увеличение случаев оформления наследства. Исторически сложилось, что многие семьи имеют родственников, проживающих как на территории нашего государства, так и на территории Российской Федерации, что обусловило возникновение ряда вопросов, в том числе и наследственного.

Такой институт как «наследование» возник в глубокой древности, многие правовые конструкции, влекущие переход имущественных прав и обязанностей умершего к иным лицам в порядке универсального

правопреемства, берут свое начало в римском частном праве. В дальнейшем, с учетом определенной степени трансформации, основополагающие положения наследственного права вобрали в себя существующие на данный момент правовые системы. Для наследственного права разных государств характерно существенное различие между их правовыми системами. Для урегулирования наследственных отношений большое влияние оказывают национальные, религиозные особенности, а также традиции той или иной страны. [3, с. 174]

Целью работы является исследование норм наследственного права гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации с целью сравнения основных понятий и определения эффективности существующих положений.

Основным материалом исследования выступили труды С.П. Гришаева, П.С. Нитюка, О.С. Иоффе, А.П. Сергеева, Г.С. Лиманского в проблемной области исследования, а также Гражданский кодекс Республики Беларусь и Российской Федерации. Методами исследования выступили сравнительно-правовой метод, а также метод анализа, синтеза.

В основе наследственных правоотношений находится наследодатель, так как именно по поводу его имущества, и с учетом его волеизъявления, возникают подобные правоотношения. Однако, нельзя исключить и позицию П.С. Нитюка [4, с. 49], который полагает, что сам наследодатель, то есть лицо, после смерти которого осуществляется наследственное правопреемство, не является участником наследственного правоотношения. Подобной точки зрения придерживаются и О.С. Иоффе [5, с. 288], А.П. Сергеев [6, с. 510] утверждая, что наследодатель не может считаться субъектом отношения по наследованию своего имущества хотя бы потому, что наследство открывается вследствие его смерти. В момент смерти прекращается правоспособность лица, а вместе с тем и возможность быть субъектом каких-либо конкретных правоотношений. Что дает основание выделить по субъектному составу в наследственных правоотношениях наследника (-ов) и иных лиц, причастных к наследованию, например, исполнителя завещания. Наследники наделены, в основном, правами применительно к иным лицам, а на этих лиц возлагаются, в основном, обязанности, например, не препятствовать в осуществлении наследственных правоотношений. На основании изложенного Г.С. Лиманский [7, с. 9] выделяет внешние наследственные правоотношения, связывающие наследника (наследников) с иными лицами, носящие абсолютный характер, и внутренние наследственные правоотношения, связывающие наследников между собой, носящие относительный характер.

Если рассмотреть общие положения о наследовании, изложенные в Гражданском кодексе Республики Беларусь и Российской Федерации, то можно указать на следующие общие для двух правовых систем положения:

— наследование является необходимым и важным институтом гражданского права, так как основные положения наследственного права содержатся в законодательстве нашей Республики и Российской Федерации;

– право наследования гарантируется. Так пункт 2 статьи 1031 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержит указанное положение. Гарантия права наследования имущества, составляющего частную собственность физического лица в Российской Федерации, на законодательном уровне закреплена частью 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации;

- имеется понятие «универсального правопреемства» - то есть имущество умершего переходит к другим лицам в неизменном виде, как единое целое и в один и тот же момент, если из Гражданского кодекса Республики Беларусь и иных законов не вытекает иное (что закреплено статьёй 1031), либо из правил Гражданского кодекса Российской Федерации не следует иное (что регламентировано статьёй 1110).

Следовательно, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации гражданскими кодексами законодательно закреплено давно сложившееся в правовой доктрине определение наследования как правопреемства. Смерть прекращает лишь те отношения, которые обусловлены личными качествами умершего: право на имя, обязанности автора по договору авторского заказа, а также тесно связанные с личностью умершего права и обязанности алиментного характера, по возмещению вреда и т.д. Большинство же имущественных (гражданских) прав и обязанностей умершего гражданина переходит к его наследникам. Ещё право Древнего Рима закрепляло два основания наследования: закон и завещание, что и регламентирует наше законодательство в настоящее время, не допускающее и известное некоторым правовым порядкам «дарения *mortis causa*» (на случай смерти), которое могло бы служить обходу норм наследственного права, защищающих интересы кредиторов умершего. Даже такие близкие люди, как супруги, не могут заключить договор о взаимном наследовании или включить положения о наследовании в брачный договор [8, с. 9].

Изменения, внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 19 июля 2018 года (вступил в действие с 1 июня 2019 года), ввели еще одно основание наследования – по наследственному договору. Так, статья 1.140.1. содержит понятие «Наследственный договор».

Анализируя понятийный состав двух правовых систем можно отметить значительную схожесть правовых понятий, однако исследуя основания наследования, указанные в Гражданском кодексе Республики Беларусь и в Гражданском кодексе Российской Федерации, можно сделать заключение, что нововведения российской правовой системы, касающиеся нового основания наследования – наследственные договоры соответствуют общеевропейским правовым тенденциям развития наследственного права. В связи с чем, полагаю, что в дальнейшем в законодательстве Республики Беларусь возникнет необходимость расширения оснований наследования в части возможности заключения наследственных договоров, что позволит ещё более расширить закрепление последней воли наследодателя, предусмотренной в настоящее время в нашем законодательстве лишь как право на составление завещания.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2021 г. № 95-З [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ: принят Государственной Думой 22 дек. 1995 г.: в ред. Федер. Закона от 29.07.2017 г. [Электронный ресурс]: // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
3. Гришаев, С.П. Наследственное право: учебно-практическое пособие / С.П. Гришаев. – М.: Проспект, 2014. – С. 184.
4. Никитюк, П.С. Наследственное право и наследственный процесс / П.С. Никитюк. – Кишинёв: Штиинца, 1973. – 258 с.
5. Иоффе, О.С. Советское гражданское право: в 3 т. / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958–1965. – Т.3 – 1965. – 347 с.
6. Гражданское право: учебник: в 3 ч. / Н.Д. Егоров [и др.]; А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого – М.: Проспект, 1998. – Ч.3. – 586 с.
7. Лиманский, Г.С. Наследственное правоотношение: теоретико-методологические и практические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Г.С. Лиманский. – М., 2006. – 44 с.
8. Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. / отв. ред. Суханов Е.А. – Том 1, 2-е изд. – М.: Статут, 2011. – С. 46.

**О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ, НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Ю.П. Гурко

Ключевые слова: правотворческая деятельность, нормотворческая деятельность, научные исследования в области права.

Эффективное правовое регулирование общественных отношений в Республике Беларусь не может быть обеспечено в полной мере в условиях отсутствия стройной, непротиворечивой системы норм, выраженных в официальных источниках, поэтому теоретико-правовые проблемы, связанные с осуществлением правотворческой деятельности, неизменно попадают в поле зрения белорусских ученых. В процесс правотворчества в качестве субъектов оказываются включены не только центральные органы

государственной власти Республики Беларусь, но и органы власти регионального управления, поэтому особое значение получает разработка вопросов, связанных с совершенствованием правотворческой деятельности на региональном уровне в нашей стране.

Правотворческая деятельность субъектов Республики Беларусь является весьма динамичным процессом, который в современных условиях со временем приобретает все новые черты и особенности, при этом появляющиеся проблемы неизменно требуют совершенствования нормативного правового регулирования и организации правотворчества, для чего, как показывает практика, необходима надежная теоретическая основа. Вместе с тем, с сожалением необходимо признать, что существующие на сегодняшний день разработки, во многом базирующиеся на методологических посылах, сформировавшихся еще в рамках советской правовой науки, далеко не всегда позволяют решать вновь возникающие практические задачи на современном этапе развития Беларуси.

Тем не менее, правовое обеспечение правотворческой деятельности в Республике Беларусь уже базируется на Конституции Республики Беларусь, законах Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-ХІІ «О Президенте Республики Беларусь», от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь», от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь», от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и др., регламентах государственных органов. Однако сегодня помимо указанных актов нормотворческий процесс также урегулирован специальным законодательством о нормотворческой деятельности.

Становление данной сферы законодательства в Беларуси связывают с принятием двух комплексных законодательных актов – Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» и Правил подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359. В данных законодательных актах были впервые закреплены единые для всех видов нормативных правовых актов требования, определены стадии нормотворческого процесса, предусмотрено проведение обязательных (юридической и криминологической) и других видов экспертиз, а также иные меры, способствующие эффективной работе по подготовке проектов нормативных правовых актов и улучшению их качества.

В настоящее время данная сфера правоотношений находится на новом этапе своего развития – 17 июля 2018 г. принят новый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который вступил в силу с 1 февраля 2019 г.

Новый Закон подготовлен на основе систематизации указанных выше актов, положения которых в значительной мере были переработаны. Законом предусмотрены меры, направленные на решение важнейших задач, поставленных Главой государства перед нормотворческими органами:

сохранение стабильности правового регулирования общественных отношений, обеспечение его системности и комплексности, а также компактности национального законодательства. Способствовать этому должна оптимизация нормотворческого процесса на всех стадиях его осуществления: от планирования нормотворческой деятельности, подготовки текста проекта до официального опубликования и вступления в силу нормативного правового акта. Также одним из ключевых нововведений Закона является закрепление механизмов, направленных на расширение участия граждан и юридических лиц в нормотворческом процессе. К ним относятся, прежде всего, публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов, прогнозирование последствий их принятия и правовой мониторинг.

В соответствии с пунктом 9 статьи 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» нормотворческая деятельность – это государственно-властная деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов [1].

Правотворческая и нормотворческая деятельности в Республике Беларусь опираются на научные исследования в области права в Республике Беларусь.

Используя достаточно большой методологический инструментарий, юридическая наука призвана решить ряд задач, связанных, прежде всего, с прогнозированием направлений развития общественных отношений в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе с целью оперативного нормативно-правового реагирования на произошедшие изменения.

Одной из ключевых проблем, с которой пришлось столкнуться отечественной правовой науке на рубеже государственной независимости и самостоятельности, было отсутствие учебно-методического и научного обеспечения процесса подготовки специалистов с высшим и средним специальным юридическим образованием. Как правило, большинство учебных, учебно-методических и монографических изданий было подготовлено представителями московской и ленинградской научных школ и вышло в свет в советский период. Однако с обретением государственного суверенитета в Республике Беларусь начала формироваться национальная правовая система, что потребовало консолидации усилий как специалистов-практиков в области нормотворческой деятельности, так и белорусских ученых-правоведов по разработке отечественного законодательства и его научного сопровождения. В это время в стране активно развивалась и вузовская, и академическая наука.

В то же время стоит отметить, что в белорусской правовой науке продолжает сохраняться ряд проблем, некоторые из них носят достаточно длительный характер. Прежде всего, в этом аспекте стоит отметить отсутствие крупных научных школ по целому ряду направлений. Ведущие научные специальности, такие как уголовное право, уголовно-исполнительное

право, криминология, международное право, европейское право, представлены только 1–2 докторами наук. А по такому актуальнейшему научному направлению, как трудовое право, в стране нет ни одного доктора наук. Что же касается кандидатов наук, то хорошо, если одна треть из них системно занимается научными исследованиями. Основная же масса ученых «размыта» в государственных, правоохранительных и судебных органах, в коммерческих структурах и серьезной научной деятельностью не занимается [2].

Еще одной предпосылкой недостаточно высокой эффективности проведения научных исследований в правовой сфере и внедрения полученных результатов в практической деятельности государственных органов является крайне низкая заинтересованность правоприменительных органов в проведении научных изысканий в той или иной сфере. Как правило, правоприменители обращаются к ученым лишь в случае возникновения какой-либо неординарной ситуации, требующей для своего разрешения привлечения соответствующего интеллектуального ресурса. Отсутствие же системной составляющей в деятельности уполномоченных органов по прогнозированию динамики изменений в той или иной сфере общественных отношений и выработке соответствующих сценариев реагирования на эти изменения предопределяет низкий уровень заинтересованности указанных субъектов в проведении научных исследований. Данное обстоятельство в конечном итоге приводит к превалированию в большей степени теоретических (фундаментальных) тематик исследований, что негативно сказывается в последующем на внедрении полученных научных результатов в практической деятельности соответствующих субъектов.

После проведения научного исследования перед молодым ученым рано или поздно встает вопрос: а что делать со своими наработками, идеями, полученными результатами, как представить их научному сообществу? Разумеется, этому может помочь участие в конференциях, научных мероприятиях очного характера, но они, к сожалению, не способны охватить большую территорию нашей страны, а тем более мира. Из этого следует, что нужно искать и иные способы общения с научным сообществом: в дальнейшем это поможет в исследованиях как конструктивной критикой, так и обретением единомышленников [3, с. 242].

Зарождающееся научное направление в области права проходит ряд этапов и испытаний, связанных с практическим применением. Другими словами, сконструированная отрасль научного знания, выдержавшая испытание временем, приобретает право на самостоятельное существование [4, с. 4].

С целью повышения заинтересованности различного рода субъектов в планировании и проведении научно-исследовательских работ по определенной тематике в области права представляется целесообразным отраслевую науку перевести с программно-целевого на базовый принцип финансирования. Это позволит соответствующим республиканским органам государственного управления, научно-практическим центрам и иным субъектам, в структуре которых имеются научно-исследовательские

подразделения, синхронно и в связке с учеными планировать свою основную деятельность на среднесрочную и долгосрочную перспективу и, соответственно, активно использовать на практике полученные результаты исследовательских работ. Параллельно этому, применительно к академической и вузовской науке, следует активно внедрять принцип грантового финансирования, как из государственного бюджета, так и из альтернативных источников по наиболее перспективным направлениям научных исследований.

Список использованных источников:

1. Правовое обеспечение нормотворческой деятельности / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center.gov.by/pravovoe-obespechenie-normotvorcheskoj-deyatelnosti/>. – Дата доступа: 2.11.2021.
2. Сивец, С.М. Правовая наука Республики Беларусь: генезис, проблемы и перспективы / С.М. Сивец // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/pravovaya-nauka-respubliki-belarus-genezis-problemy-i-perspektivy/>. – Дата доступа: 2.11.2021.
3. Загорулько, Л.П. Юридическое познание: методики проведения научных исследований в юридической науке / Л. П. Загорулько // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 236 – 243.
4. Навальный, С.В. Теория права: методология научных исследований: учебное пособие / С.В. Навальный; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2020. – 156 с.

**ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ОСНОВ
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Д.А. Грачева

Ключевые слова: информационное общество, стратегия развития, цифровая экономика, правовое обеспечение, информация, правовая система, программа развития государства.

На современном этапе развития в формировании экономики Республики Беларусь важную роль играет активное интегрирование информационно-коммуникационных технологий на каждом уровне (далее ИКТ). Применение технологий информационно-коммуникационного характера обуславливает возникновение инноваций, поэтому ИКТ нуждаются в осмыслении и своевременном внедрении. Цель работы – анализ проблем нормативно-

правового обеспечения цифровой экономики в контексте институциональной парадигмы формирования экономики Республики Беларусь.

Формирование информационного общества одновременно с интегрированием ИКТ во все сферы жизни – это основной элемент стратегического плана по развитию экономическо-инновационного направления Республики Беларусь. ИКТ должны приниматься как средство, которое обеспечивает формирование высокотехнологичного экономического сегмента и, как следствие, стать основным вектором в переходе к цифровой экономике [1].

Цифровой экономикой можно назвать определенную мировую сеть своеобразной деятельности в сфере экономики, взаимодействий на профессиональном уровне, операций коммерческого типа, которые основаны на ИКТ. Такую экономику можно охарактеризовать как направление, в основе которого лежит определенный вид технологий.

На истоках своего появления цифровую экономику называли экономикой интернета, веб- или новой экономикой, в связи с ее зависимостью от подключения к локальной сети. Согласно утверждениям ведущих бизнесменов и экономистов, в сравнении с интернет-экономикой, цифровой вариант наиболее сложная и развитая ее форма. В свою очередь интернет-экономика является экономической ценностью, которая получается с помощью интернета.

С нормативно-правовой позиции цифровая экономика является пространственным, системно-организованным, сетевым сегментом, в котором преобладают взаимоотношения между всеми субъектами предпринимательства. В нее входят услуги телекоммуникационного характера, продукты, технологии, торговля электронной формы, бизнес и рынки, сектор применения новых данных и создания информации, дистанционная форма экономического обслуживания и прочие элементы. К тому же, данным понятием раскрывается возможность применения технологии для осуществления задач и активного участия в функционировании, которое не представлялось возможным в прошлые годы.

Необходимо отметить, что цифровая экономика уже давно преодолела границы автоматизации, как следствие данный сегмент подчиняет себе большое количество новых платформ и передовых технологий, которые не могут ограничиваться социальными медиа, мобильными аппаратами, сетями беспроводного типа, широкой аналитикой, несмотря на несомненное их включение. Цифровой экономикой применяются выше названные технологии не только в индивидуальном плане, но и комплексно с целью обработки обменов и создания информации. Кроме того, этот вид экономики относится к терминам зонтичного типа, которые применяются для характеристики рынка, функционирующего на основе цифровых технологий.

Рассматриваемая категория на сегодня является жизненно важной для общества и продолжает активно развиваться. Влияние цифровой экономики не ограничивается рамками информационных продуктов и услуг, поскольку ежедневно происходит расширение интернета и, как следствие, проблемы

в отношении адаптации к реальности приобретают все большую актуальную масштабность. Следовательно, стоит отметить, что цифровые технологии относятся к ежедневной культурной, политической и экономической сфере жизнедеятельности в Республике Беларусь, они способствуют развитию общества во всех направлениях. Именно благодаря этому Беларусь находится на прогрессивном уровне формирования современного правового социального государства, для которого характерно преимущество информации и технологий, однако важно не забывать и решить вопросы, касающиеся также развивающееся глобальной конкурентоспособности в данном направлении [2].

Следовательно, цифровая экономика с позиции более содержательного и упрощенного изложения представляется системой взаимоотношений социального и экономического типа, в основе которых лежит применение цифровых технологий. Эта дефиниция будет взята в рамках данной статьи за точку отсчета. Существующая парадигма правового обеспечения при переходе Республики Беларусь к цифровой экономике отражена в Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 [3].

Рассматриваемая программа была утверждена с целью продвижения в Беларуси ИКТ, а также для их результативного использования в каждой отрасли и сфере. Целью рассматриваемой программы является усовершенствование условий, которые помогают сделать направления деятельности человека под непосредственным воздействием ИКТ (или IT технологий) лучше и совершеннее. Здесь можно выделить популяризацию цифровой экономики, формирование общества информационного типа, формирование правительства электронного вида. Осуществление указанного программного продукта ориентировано на достижение приоритетных направлений в социально-экономическом развитии страны. Речь идет об активном развитии сегментов экономики инновационного характера и об эффективных инвестиционных проектах.

Примечательно, что политика Правительства Республики Беларусь в рассматриваемой области предусматривает осуществление деятельности на базе современной инфраструктуры ИКТ направленности, целью которой является расширение оказания услуг и реализация государственных операций в электронной форме при их открытости и неограниченном доступе, в том числе продвижение экспорта услуг. Согласно программе государства, новые информационные системы обязательно интегрируются с информационной автоматизированной системой общегосударственного характера – «новой цифровой экономикой». Основная цель – предоставление услуг в электронной форме. При деятельности информационных систем взаимодействие между ведомствами происходит с применением соответствующих

средств, список которых утвержден Указом Президента Республики Беларусь № 515 от 8.11.2011 года.

Наравне с вышеизложенным категория «цифровая экономика» помогает выполнять деятельность в таких стратегически важных вопросах как активное обеспечение услуг и производств на основе высоких технологий, улучшение среды институциональной направленности, обеспечение благоприятных условий для предпринимательства, усовершенствование возможностей в экспорте с учетом продуктивного применения существующих конкурентных преимуществ государства.

Стоит заметить, что в отчетности МСЭ (Измерение информационного общества), которая предоставляется каждый год, по результатам 2014 г. по показателям формирования ИКТ Республике Беларусь было отведено 36 место из возможных 167. Таким образом, экономику Беларуси международные эксперты выделяют в качестве одной из мировых экономик, которая показывает наиболее прогрессивные изменения по параметрам открытости ИКТ, показывающим высокую техническую степень продвижения современной инфраструктуры в государстве.

В соответствии с оценками представителей комиссии МСЭ по обеспечению широкополосного доступа, в начале 2015 года Республике Беларусь было отведено 25 место с учетом числа пользователей широкополосного доступа стационарного типа (на сотню жителей 28,8). Также было выделено 23 место с учетом числа домашних хозяйств, у которых имеется доступ к интернету (на сотню домашних хозяйств 57,1). В этом исследовании принимали участие 195 государств.

Также, формирование национальной инфраструктуры информационно-коммуникационного характера осуществляется при последующем активном росте потребностей экономики и общества информационного типа, в рамках внедрения в информационное международное поле, при последующей конвергенции интернет сетей с последовательной интеграцией услуг электросвязи в сети на основе IP-протокола. При этом выше названные услуги будут предоставляться на базе облачных технологий и платформ.

Прорывом в создании платформы для развития цифровой экономики стал период с 2011 по 2015 годы, когда проходила модернизация экономических основ в соответствии со Стратегией развития информационного общества на период до 2015 года, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174, а также в соответствии с госпрограммой по активному обеспечению услуг в области IT на период с 2011 по 2015 годы и проектами повышения уровня информатизации по регионам и сферам жизнедеятельности на период с 2014 по 2015 годы. К критериям формирования цифровой экономики в вышеуказанных проектах относились: улучшение политики государства в информатизационном направлении, обеспечение национальной инфраструктуры информационно-коммуникационного характера; укрепление уровня безопасности и

доверия при применении ИКТ; формирование национальной индустрии информационного типа, осуществление научной деятельности; развитие международного сотрудничества и внедрение в информационное всемирное поле. Актуальным ориентиром в применении программ инфраструктурного значения по развитию ИКТ Республики Беларусь была организация инфраструктуры правительства электронной формы на основе обеспечения безопасного доступа.

В результате цели создания платформы развития цифровой экономики, которые были поставлены, согласно вышеперечисленным программным продуктам, были достигнуты. Об этом свидетельствует оценка ООН. В отчетности (Электронное правительство. Обзор ООН 2014 год) индекс готовности Республики Беларусь к созданию электронного правительства занял 55 место из 193 участвующих государств. В аналогичной отчетности ООН Беларуси в 2012 году было отведено 61 место.

Заметим, что для разработки условий с целью укрепления безопасного применения ИКТ в экономике создан список требований и подготовлена типовая документация по политике доверия и безопасности для систем государства информационного характера, включая отдельные информационные системы и комплексы программно-аппаратного значения, с помощью которых обеспечивается деятельности системы государства по защите данных.

Следовательно, инфраструктура формирования цифровой экономики в ближайшие годы будет развиваться, влияя на такие аспекты: формирование прозрачного и продуктивного механизма госуправления через внедрение популярных ИКТ; обеспечение коммуникационного комфорта, безопасности и доступности между государством, предпринимательством и обществом через наделение коммуникационных систем электронной формой; последующее создание единого информационного поля для предоставления электронных услуг, а также для создания информационной системы с неограниченным доступом к данным; обеспечение среды, в которой будут предоставляться электронный услуги, и с помощью которой будет регулироваться их востребованность; рост производственного объема технологичных и наукоемких услуг и товаров, использование которых будет безопасным; обеспечение научной деятельностью формирование информатизации; развитие информационного потока с позиции безопасности, непрерывности, безотказности.

Кроме того, важно определить задачи развития цифровой экономики в Республики Беларусь:

- формирование торговли электронной формы в отношении госзакупок электронного вида, а также упрощение транспортных и торговых процессов;

- обеспечение информационного, расчетного единого поля для осуществления оплаты за услуги кредитных организаций, банков, компаний электрической и почтовой связи;

- обеспечение капитала человека;

- обеспечение здравоохранения в электронной форме;

формирование электронного образования;
обеспечение соцзащиты общества и электронной занятости.

К тому же заметим, что наравне с цифровой экономикой важное значение имеет категория «информационное общество», которое основано на интенсивном электронном обороте документации, для которого необходимо получить ЭЦП или электронную цифровую подпись, которая регулируется Законом «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [4]. Закон устанавливает, что ЭЦП представляется последовательностью знаков, является реквизитом электронной документации и нужна для удостоверения подлинности и отсутствия повреждений в документе. К достоинствам системы ЭЦП в Республике Беларусь можно отнести получение нерезидентами сертификатов ЭЦП. Это регламентируется действующим законодательством. [5]

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что в Республике Беларусь последовательно глобально развиваются основы формирования цифровой экономики в контексте категории «информационное общество», о чем свидетельствует то, что Беларусь занимает ведущие позиции в рейтингах международного характера. Наравне с этим формирование информационного общества является причиной возникновения новых явлений, которые требуют последующего развития и проработки.

Список использованных источников:

1. Кочеткова, Е.Ю., Евтушенко, С.Н., Аверьянов, М.А. Цифровое общество: Новые вызовы / Е.Ю. Кочеткова [и др.] // Экономические стратегии. – 2016. – № 7 (141). – С. 90–91.
2. Кунгуров, Д. Нас ждет цифровая экономика / Д. Кунгуров // Утро.ру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2016/12/04/1307336.shtml>. – Дата доступа: 12 ноября 2021 года.
3. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23.03.2016 №235 // Эталон. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь 28 декабря 2009 г. № 113-З // Эталон. Законодательство Республики / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021
5. Карягин, М Информатизация в Республике Беларусь: государственные услуги, цифровая экономика и «технологический перекоп // Информетр. - 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infometer.org/blogi/informatizacziya-v-rossii>. – Дата доступа 13 ноября 2021 г.

**ПРАБЛЕМА АХОВЫ ПРЫРОДЫ
І РАЦЫЯНАЛЬНАГА ПРЫРОДАКАРЫСТАННЯ
Ў ПРАЦЫ ТРЭЦІЙ СЕСІІ ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
ХІ СКЛІКАННЯ (2–3 ЛІПЕНЯ 1985 г.)**

Я.І. Завацкі

Ключавыя словы: навакольнае асяроддзе, прыродныя рэсурсы, экалогія, Вярхоўны Савет.

Этап 1960–1980-х гг. у гісторыі СССР характарызаваўся рэзкім пагаршэннем стану навакольнага асяроддзя, што было звязана з інтэнсіўным развіццём некаторых галін прамысловасці краіны [1, с. 37; 2, с. 4]. Экалагічныя праблемы сталі следствам заганаў камандна-адміністрацыйнай сістэмы, якая існавала за кошт прыродных багаццяў і таннай працоўнай сілы. Ва ўмовах дадзенай сістэмы ажыццяўляўся ведамасны падыход адносна прыродакарыстання, а навуковыя інстанцыі знаходзіліся цалкам у падпарадкаванні міністэрстваў і ведамстваў, выконваючы іх заданні і распараджэнні [3, с. 5].

Працэсы перабудовы, распачатыя ў 1985 г., прымусілі кіраўніцтва СССР перагледзець сваё разуменне глабальных праблем, у тым ліку датычных аховы навакольнага асяроддзя. Даклад М. Гарбачова на красавіцкім Пленуме ЦК КПСС стаў штуршком для разгляду пытання аб захаванні патрабаванняў заканадаўства, якое датычылася аховы навакольнага асяроддзя на трэцій сесіі Вярхоўнага Савета СССР ХІ склікання. 2 ліпеня 1985 г. на сумесным паседжанні абедзвюх палат саюзнага парламента – Савета Саюза і Савета Нацыянальнасцей – з дакладам «Аб захаванні патрабаванняў заканадаўства аб ахове прыроды і рацыянальным прыродакарыстанні» выступіў намеснік Старшыні Савета Міністраў СССР дэпутат З. Нурыеў [4, с. 1, 2].

Прамоўцам было падкрэслена, што плануемы ў будучыні перавод эканомікі на інтэнсіўны шлях развіцця абцяжарваецца сур’ёзнымі недахопамі ў справе беражлівага і эфектыўнага выкарыстання прыродных багаццяў. Шэрагам саюзных міністэрстваў, ведамстваў і Саветаў Міністраў савецкіх рэспублік не заўсёды выконваліся планавыя заданні па ахове прыроды. Перш за ўсё, гэта адносіліся да Міністэрства энергетыкі СССР, Міністэрства чорнай металургіі СССР і Міністэрства хімічнай прамысловасці СССР. Акрамя гэтага, прамоўца звяртаў увагу, што дзеючыя адносіны ў рамках планавай сістэмы гаспадарання не стваралі належнай зацікаўленасці прамысловых і сельскагаспадарчых прадпрыемстваў у ажыццяўленні прыродаахоўных мерапрыемстваў, комплексным выкарыстанні сыравіны і перапрацоўцы вытворчых адходаў [5, с. 2].

Са сканчэннем выступу З. Нурыева слова для судакладу было прадастаўлена старшыні Камісіі па ахове прыроды і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў Савета Саюза дэпутату С. Гросу. Аратар даў

станоўчую ацэнку дакладу намесніка кіраўніка савецкага ўрада і паведаміў дэпутатам, што экалагічныя камісіі палат саюзнага парламента падтрымліваюць высновы і палажэнні гэтага дакумента. С. Гросу дадаў, што прыродаахоўнае заканадаўства рэалізавалася ў краіне не поўнасьцю. Акрамя гэтага, ён прывёў думку ўзгаданых камісій, якія лічылі неабходным істотна павялічыць тэмпы і аб'ёмы прыродаахоўнага будаўніцтва. Таксама прамоўца выказаўся за неабходнасць стварэння такіх эканамічных рычагоў, санкцый і стымуляў, якія падахвочвалі б міністэрствы і прадпрыемствы з адказнасцю выконваць заканадаўства, палепшылі б іх зацікаўленасць у рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў. Напрыканцы свайго дакладу старшыня Камісіі Савета Саюза паставіў у вядомасць дэпутатам, што тэкст праекта пастановы аб ахове навакольнага асяроддзя з улікам заўваг і прапаноў быў узгоднены з Саветам Міністраў СССР, адпаведнымі міністэрствамі і ведамствамі, грамадскімі арганізацыямі, навуковымі ўстановамі [4, с. 2].

На гэтым сумеснае паседжанне Савета Саюза і Савета Нацыянальнасцей Вярхоўнага Савета СССР скончылася, і ў той жа дзень пачаліся асобныя паседжанні адзначаных палат парламента, на якіх абмяркоўвалася пытанне аб захаванні патрабаванняў аб ахове прыроды і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў [4, с. 2–3]. У прыватнасці, аб комплексе прыродаахоўных захадаў, якія ажыццяўляліся ў БССР на паседжанні Савета Саюза, распавёў першы намеснік Старшыні Савета Міністраў БССР дэпутат Ю. Хусаінаў. Паводле яго слоў, партыйна-дзяржаўныя органы рэспублікі шырока прыцягвалі грамадскасць да вырашэння прыродаахоўных пытанняў. Пры гэтым асабліваю ролю адыгрывалі пастаянныя камісіі па ахове прыроды Саветаў народных дэпутатаў і Таварыства аховы прыроды, якія налічвалі ў сваіх шэрагах больш за тры мільёны чалавек. Разам гэтыя інстанцыі займаліся экалагічнай адукацыяй і выхаваннем насельніцтва. На той момант у БССР працавала 106 народных універсітэтаў, у якіх пастаянна навучалася больш за 22 тыс. чалавек.

Далей у сваім выступе Ю. Хусаінаў перайшоў да асобных пытанняў, якія мелі дачыненне да эканомікі прыродакарыстання ў рэспубліцы. У цэлым, згодна з ім, больш чым для 80 адсоткаў тэрыторыі БССР былі складзены схемы комплекснага выкарыстання і аховы водных і зямельных рэсурсаў. За апошнія дзесяць гадоў калгасам і саўгасам было вернута звыш 100 тыс. гектараў парушаных прамысловасцю зямель. За той жа адрэзак часу спажыванне свежай вады на адзінку прадукцыі зменшылася ў два разы, а аб'ём другаснага выкарыстання вады ў сістэмах зваротнага водазабеспячэння прамысловасці склаў 83 адсоткі. З усёй колькасці забруджаных сцёкавых вод ачышчалася да патрэбных норм 84,5 адсоткі і часткова – 15,3 адсоткі. Пэўныя станоўчыя поспехі былі дасягнуты і ў ахове атмасфернага паветра. У 1984 г. ад стацыянарных крыніц было ўлоўлена і абясшкоджана больш за 70 адсоткаў аб'ёму шкодных рэчываў.

Тым не менш, як падкрэсліў аратар, у дзейнасці міністэрстваў рэспублікі мелася вельмі шмат недахопаў, аналагічным тым, што прыводзіліся ў

дакладзе З. Нурыева. Пры гэтым Ю. Хусаінаў адзначыў, што без дапамогі шэрагу саюзных міністэрстваў вырашыць асобныя праблемы вельмі складана. Так, у шэрагу гарадоў, такіх як Гомель, Гродна, Магілёў, Мазыр, Наваполацк, Светлагорск, па віне Міністэрства нафтахімічнай прамысловасці, Міністэрства хімічнай прамысловасці, Міністэрства па вытворчасці мінеральных угнаенняў і Галоўнага ўпраўлення мікрабіялагічнай прамысловасці склалася неспрыяльная экалагічная абстаноўка. Акрамя гэтага, вялікую заклапочанасць выклікала сітуацыя на Старобінскім радовішчы калійных соляў, на якім дагэтуль не былі вырашаны пытанні абароны зямель ад забруджвання прыроднага асяроддзя глініста-солевымі шламамі, залішнімі расоламі, затаплення і забалочвання з-за ссядання зямной паверхні. У той жа зоне прыблізна 2 тыс. гектараў зямель выбыла з сельскагаспадарчага звароту, а ў раёне падтаплення апынулася 13 вёсак. Напрыканцы свайго выступу намеснік старшыні беларускага ўраду выказаў меркаванне, што эфектыўнасць прыродаахоўных мерапрыемстваў зніжалася з-за дэцэнтралізацыі экалагічных органаў, таму ён вылучыў ідэю стварэння адзінага дзяржаўнага органа ў гэтай справе [6, с. 2].

3 ліпеня 1985 г. сесія Вярхоўнага Савета СССР працягнула працу на сумесным паседжанні Савета Саюза і Савета Нацыянальнасцей. Тады ж з заключным словам выступіў З. Нурыеў, які заявіў дэпутатам, што, разгледзеўшы пытанне аб ахове прыроды, яны тым самым засведчылі свой вялікі клопат і ўвагу. Пастанова Вярхоўнага Савета СССР «Аб захаванні патрабаванняў заканадаўства аб ахове прыроды і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў» была адзінагалосна прынята дэпутатамі [7, с. 1].

У разглядаемай пастанове адзначалася, што руплівае стаўленне да навакольнага асяроддзя не стала абавязковай нормай паводзін кожнага савецкага грамадзяніна, а сістэма дзяржаўнага кіравання і кантролю ў сферы аховы прыроды і рацыянальнага прыродакарыстання ў цэлым мае патрэбу ў далейшым удасканаленні. З гэтай мэтай дакумент прадугледжваў комплекс прыродаахоўных мерапрыемстваў, якія павінны былі ажыццявіць вышэйшыя заканадаўчыя, выканаўчыя і судовыя органы ўлады ў краіне, а таксама грамадскія арганізацыі. У прыватнасці, Савет Міністраў СССР павінен быў распрацаваць доўгатэрміновую Дзяржаўную праграму аховы навакольнага асяроддзя і рацыянальнага выкарыстання прыродных рэсурсаў СССР [8, с. 2–3].

Вынікі працы трэцяй сесіі Вярхоўнага Савета СССР XI склікання сталі стартавай пляцоўкай па трансфармацыі савецкай экалагічнай палітыкі ў межах гарбачоўскай перабудовы. У будучыні гэтыя рашэнні атрымалі далейшае развіццё ў рамках XXVII і XXVIII з'ездаў КПСС, XIX Усесаюзнай канферэнцыі КПСС, XXX і XXXI з'ездаў КПБ, а таксама саюзных і рэспубліканскіх органаў улады. Гэта датычылася рэфармавання экалагічнага заканадаўства і эканамічнага механізму прыродакарыстання, што павінна было выразіцца ў дэцэнтралізацыі саюзнага кіравання, перадачы паўнамоцтваў па лакальным распараджэнні прыроднымі рэсурсамі саюзным рэспублікам і

Саветаў усіх узроўняў, пераходзе ад фактычна ведамаснага валодання прыроднымі рэсурсамі да агульнанароднага ў асобе мясцовых органаў улады, якія павінны былі несці поўную адказнасць за стан экасістэмы. Аднак распад Савецкага Саюза ў 1991 г. пераклаў экалагічныя праблемы Беларусі цалкам на яе плечы.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Макеева, Е.Д. Природоохранная политика СССР в 1960–1980-х гг.: успехи, провалы и противоречия / Е.Д. Макеева. // История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 37–41.
2. Артемов, Н.Н. Исторический опыт государственной политики СССР в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 1960–1980-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Н. Артемов. – Москва: МПГИ, 2005. – 193 с.
3. Пиджаков, А.Ю. Советская экологическая политика 1970-х – начала 1990-х годов / А.Ю. Пиджаков. – Санкт-Петербург: СПбУЭФ, 1994. – 160 с.
4. Курсом мира и созидания: третья сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва // Советская Белоруссия. – 1985. – 3 июля. – С. 1–3.
5. О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов: доклад заместителя Председателя Совета Министров ССР депутата З.Н. Нуриева // Советская Белоруссия. – 1985. – 3 июля. – С. 2.
6. Прения по докладу заместителя Председателя Совета Министров СССР депутата З.Н. Нуриева: речь депутата Хусаинова Ю.М. // Советская Белоруссия. – 1985. – 4 июля. – С. 2.
7. Укрепляя порядок и организованность: третья сессия Верховного Совета одиннадцатого созыва // Советская Белоруссия. – 1985. – 4 июля. – С. 1, 3.
8. О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов: постановление Верховного Совета СССР // Советская Белоруссия. – 1985. – 4 июля. – С. 2–3.

**СТАНОВЛЕНИЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
НОВЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ В 1990-е ГОДЫ**

Е.Ф. Ивашкевич

Ключевые слова: институт президентства, бикамерализм, конституционные основы судебной власти, институт конституционного контроля.

Еще до распада СССР во многих странах оформлялся институт президентства. В Украинской ССР он был введен Законом от 06.07.1991 «Об учреждении поста Президента Украинской ССР и внесении изменений

и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР», в самой же Конституции президент впервые был упомянут в ст. 117 и 122 (ред. от 17.09.1991), а с принятием Конституции 1996 г. появился разд. V «Президент Украины». Должность Президента РСФСР была введена 17.03.1991 всероссийским референдумом, однако первые упоминания президента в ст. 76 Конституции можно увидеть еще в редакции от 15.12.1990 (согласно ч. 17 ст. 1 Закона РСФСР от 15.12.1990 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»). Закон «О Президенте РСФСР» был принят Верховным Советом 24.04.1991, а 24.05.1991 были внесены изменения и дополнения в Конституцию РСФСР, в том числе связанные с введением этой должности (гл. 13 «Президент Российской Федерации»). В ныне действующей Конституции Российской Федерации президенту посвящена гл. 4. В Конституции Латвийской Республики институт президентства был закреплен еще в 1922 г. (гл. 3 посвящена ему и в современной конституции). В 1938 г. обрела пост президента Эстония, который был упразднен (временно приостановлен) в связи с вхождением её в состав СССР и был восстановлен в 1992 г. с принятием новой Конституции (гл. V «Президент Республики»). Верховный Совет ССР Молдова учредил пост Президента Законом № 250-XII от 03.09.1990 г. еще в составе СССР, сейчас же Президенту посвящена гл. 5 Конституции 1994 г. Пост президента в Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и Армении был учрежден в период 1990-1991 гг. и закреплен соответственно в главах современных Конституций. К странам, утвердившим пост президентства уже после распада СССР, можно отнести Литву и Беларусь. В первой институт президентства был введен с принятием Конституции 1992 г. (гл. VI Президент Республики), во второй – с принятием Конституции 1994 г. (в Разд. IV. Законодательная, исполнительная и судебная власть появилась гл. 4. Президент Республики Беларусь) и проведением первых президентских выборов.

Президент в некоторых странах, согласно принятым конституциям, является главой правительства или вовсе не входит в систему ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной властей. Так, например, согласно ст. 95 первоначальной Конституции от 1994 года, «Президент Республики Беларусь является главой государства и исполнительной власти» (в настоящее время, согласно ст. 79 Конституции, – главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина) [1; 2]. В Туркменистане, помимо вышеперечисленного, он выступает и гарантом государственной независимости (ст. 68) [3], в Латвии входит в состав Кабинета Министров (ст. 55) [4]. Что касается Президента Молдовы, он не входит ни в одну ветвь власти и является представительным органом (ст. 77) [5], аналогичные положения по поводу статуса президента изложены и в Конституции Эстонии (ст. 77) [6], России (ст. 80) [7] и в других бывших советских республиках. В конституции Украины статус президента

обозначен несколько иначе: «Президент Украины является главой государства и выступает от имени государства».

Президент Украины является гарантом государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, соблюдения Конституции Украины, прав и свобод человека и гражданина» (ст. 102) [8]. Но, независимо от формы правления государства, президент в любом постсоветском государстве обладает правом законодательной инициативы и, чаще всего, провозглашается гарантом основного закона. Введение данного института в законодательство свидетельствует о стремлении государств к согласованному функционированию и взаимодействию органов государственной власти, так как на Президента возложена согласительная, посредническая функция, а в системе организации власти ему отводится роль арбитра.

Помимо института президентства, нововведением для постсоветских стран было появление парламентаризма. Уже с принятием конституций парламент в одних был двухпалатным (бикамерализм), в других – однопалатным. По большому счету, в бикамерализме нуждается только Россия, так как является федерацией: верхняя палата в котором – территориального представительства – призвана ограничивать радикализм нижней. Формирование же самих палат должно осуществляться разными способами, причем избирательные цензы на верхнюю должны быть значительно выше цензов на нижнюю. На бывшем союзном пространстве все страны, кроме России, являются унитарными. Среди стран, имеющих опыт бикамерализма, можно назвать Беларусь, Россию, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Следовательно, 5 из 14 унитарных имеют двухпалатный парламент, только Узбекистан и Таджикистан имеют автономные образования внутри страны, в то время как Азербайджан, Молдова и Украина – государства с весьма схожим административно-территориальным делением – являются носителями однопалатного. Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод о том, что бикамерализм характерен не только для федераций, но и для 1/3 децентрализованных и централизованных унитарных государств.

Условно можно выделить 3 этапа трансформации парламента бывших союзных республик, ни одна из которых ранее не планировала закрепление двухпалатной структуры. Первый (1991-1992 гг.) характеризовался принятием Конституций Узбекистана, Латвии (возвращение к Конституции 1922 г.) и Туркменистана. В последней была достаточно сложная структура парламента, состоящая из Халк Маслахаты и Меджлиса, которая была временно упразднена и восстановлена только в 2020 г. В других же государствах изменения проводились путем внесения поправок в еще советские конституции, последняя из таковых была упразднена в Украине с принятием новой в 1996 г. К этому времени в 1989 г. в России и в 1993 г. в Кыргызстане уже появился двухпалатный парламент.

Второй этап (1995-2002 гг.) характеризовался приведением конституций к современным реалиям и упразднением всякого упоминания о системе

управления СССР. Бикамеральная система появлялась в связи с внесением поправок к существующим или принятием новых конституций: в Беларуси – поправка от 1996 г., в Таджикистане – от 1999 г., в Узбекистане – от 2002 г. и в Казахстане – с принятием Конституции 1995 г. Одним из ключевых моментов второго этапа является усиление института президентства на постсоветском пространстве.

3-ий, охватывающий современные конституционные процессы, был направлен на преодоление образовавшегося дисбаланса между ветвями власти в пользу президента и на проведение либерализации идеологий государств. На нем в некоторых странах ликвидировалась 2-я палата. Например, по итогам референдума 2003 г. в Кыргызстане была ликвидирована верхняя. Более того, программа того года не предусматривала восстановление бикамерализма, хотя формирование палаты полностью повторяемо ранее применимым принципом образования двухпалатной.

Среди плюсов двухпалатной системы можно выделить:

- обеспечение наряду с общим представительством интересов всех граждан страны, особое представительство коллективных интересов населения отдельных крупных регионов (в федеративном государстве – субъектов федерации) или интересов иных больших групп общества, играющих в нем определенно важную роль;

- возможности упорядочить законодательный процесс, установив противовес и «тормоз» поспешным, недостаточно продуманным законодательным решениям той или иной палаты.

Эти преимущества порождают и ряд недостатков, таких как: увеличение депутатов парламента, большинством членов которого могут являться сотрудники аппарата, а, следовательно, порождается дороговизна, замедляется законотворческий процесс.

Как известно, однопалатная система не характерна для федераций, тем не менее, сравнив полномочия, отнесенные к ведению Совета Федерации и Госдумы парламента России, перечисленные в статьях 102 и 103 Конституции, мы увидим, что большинство полномочий могут быть объединены и возложены на одну палату, не затронув при этом права субъектов и не нарушив их интересы. Для стран с однопалатной системой парламента в основном характерна малочисленность привилегированных депутатов, с двухпалатной – свободный депутатский мандат. Можно заметить, что двухпалатный парламента особенно востребован среди унитарных государств с населением от пяти миллионов человек, кроме Украины и Азербайджана. Согласно этому факту, утверждение о том, что верхняя палата в большинстве своем обеспечивает территориальное представительство, а не представляет интересы граждан, ставиться под сомнение.

Существование свободного депутатского мандата есть проявление демократической стороны нового конституционного законодательства постсоветских стран; согласно ему, депутат представляет весь народ и не связан

волей избравших его избирателей (не обязан выполнять указы избирателей), вышесказанное подчеркивает и невозможность быть отозванным ими. Исключением является согласованность с мнением своих избирателей (судьба депутатского мандата зависит от выбора избирателей) и подчиненность фракционной дисциплине. Что касается императивного мандата, то он предполагает повиновение депутата уже избирателям округа, непосредственно его избравшим; в своей деятельности депутат связан волей избирателей и может быть отозван ими. Императивный мандат сохраняется, как правило, в социалистических странах. Помимо свободного депутатского мандата, члены парламента бывших советских республик обладают иммунитетом (в период своих полномочий не могут быть подвергнуты аресту, иному ограничению свободы, а также уголовному преследованию без согласия палат; исключение составляют случаи задержания при совершении преступления) и индемнитетом (неответственность за высказывания и голосование в парламенте, а также вознаграждение парламентария). В настоящее время право отзыва сохранено в Республике Беларусь и длительное время сохранялось в Украине.

Перейдем к рассмотрению судебной системы. Одним из признаков любого правового государства, коими представляют себя постсоветские страны, является разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Правовое государство – это не только государство, сферы жизнедеятельности которого подчинены праву, это и показатель уровня развития; цель, к которой необходимо стремиться. С уверенностью можно сказать, что каждое государство, имеющее судебную систему, нельзя назвать правовым, если суды в нем не обладают самостоятельностью и независимостью. Помимо разрешения споров, восстановления нарушенных прав и свобод человека, применения мер юридической ответственности, суды осуществляют и конституционный контроль, что содействует обеспечению прямого действия конституции, её верховенства внутри государства и воплощения в жизнь правовых принципов.

Еще в конце двадцатого века в период создания из бывших советских республик самостоятельных государств остро встал вопрос о необходимости проведения множества конституционных реформ, которые бы привели законодательство и сферы жизни общества в соответствие с мировыми правовыми стандартами. Желая стать одними из развитых в Европе, государства начали строительство правовой сферы государства, одним из важнейших аспектов которой явилось создание института судебного конституционного контроля – действенного регулятора правовых отношений. Это обуславливалось появлением в каждом государстве своей системы правосудия, в основу которой вошла совокупность конституционного, арбитражного, административного, гражданского и уголовного судопроизводства.

После проведения многочисленных реформ судебная система стран кардинально изменилась. Во времена существования СССР суды

осуществляли свою деятельность в качестве элемента административно-командной системы управления обществом для достижения политических целей и усиления роли правящей партии путем навязывания воли гражданам. В конституциях же образовавшихся государств обеспечение прав и свобод человека и гражданина объявляется высшей целью и ценностью государства, которое в свою очередь и является гарантом прав и свобод (например, ст. 2, ст. 19, ст. 45 и ст. 46 Конституции России).

С развитием судопроизводства и увеличением самостоятельности независимых государств, что было вызвано принятием конституций и проведением реформ различного характера, бывшие советские страны начали обретать свои отличительные черты, детерминированные менталитетом граждан, историческим развитием, особенностями государственного устройства и другими. Но вопреки тому, что каждая из стран обладала суверенностью, абсолютное большинство реформ было направлено на стирание и упразднение норм тоталитарного режима и приведение судебной системы к сообразно высоким стандартам в области права. В связи с этим наблюдалось так называемое «перенимание» опыта странами друг у друга, что способствовало быстрым и качественным изменениям государственного режима. Нельзя отрицать и вклад России, чей практический опыт и труд в разработке законопроектов стали свидетельством построения наиболее эффективной судебной системы в том числе и других стран.

Для поддержания процесса построения демократических правовых государств было решено создать 08.12.1991 Содружество Независимых Государств, правовой основой которого явились Беловежские соглашения. Первоначально в его состав вошли 12 стран: Россия, Беларусь, Украина, Армения, Азербайджан, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения, Казахстан, Грузия и Узбекистан, но 18.08.2009 из-за военного конфликта с Россией Грузия приняла решение покинуть СНГ.

Законодательство стран-участников в области судопроизводства, очевидно, имеет схожесть, однако, нельзя отрицать их и с государствами, не являющимися участниками содружества. Важной общей чертой постсоветских стран является провозглашенная ими на законодательном уровне (путем закрепления в Конституции) независимость судебной власти. Более того, каждая из них имеет разделение властей на исполнительную и законодательную наряду с судебной, что является классической системой «сдержек и противовесов», без которой не представляется возможным построение правового государства. Осуществляемый государственными органами конституционный контроль позволяет судить об интересах самого государства в создании и действии системы законов, невозможности злоупотребления властными полномочиями, что способствует реализации гарантий верховенства конституции и законности, укрепления правового режима.

Как правило, в настоящее время на конституционном уровне детализировано закрепляются следующие принципы осуществления судебной

власти: 1) осуществление правосудия только судом (судебная власть осуществляется только судами в лице судей или иных уполномоченных в соответствии с законодательством той или иной страны лиц); 2) принцип законности (судьи подчиняются только Конституции и другим НПА страны); 3) самостоятельность судов, независимость судей (осуществление судебной власти судами самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли; судьи при этом независимы и подчиняются только Основному и другим законам страны); 4) единоличное и коллегиальное рассмотрение дел, участие граждан в осуществлении правосудия (состав суда по различным делам устанавливается процессуальным законодательством стран; граждане имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей); 5) право на судебную защиту (каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод); 6) состязательность и равноправие сторон (все равны перед законом и судом вне зависимости от пола, расы, национальности, происхождения и других признаков, и, как правило, обладают равными процессуальными правами); 7) гласность судебного разбирательства (разбирательство дел по общим правилам во всех судах открытое, и решение провозглашается публично за исключением случаев, законодательно предусмотренных); 8) государственный язык судопроизводства (судопроизводство и делопроизводство в государствах ведется на государственном (-ых) языке (-ах)); 9) право на квалифицированную юридическую помощь (каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи); 10) презумпция невиновности (каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана); 11) запрет на создание чрезвычайных судов и трибуналов и другие.

Исследуя образование судебных органов в странах, покинувших СССР, и законотворчество в области правосудия, можно подчеркнуть то, что за основу ими был взят определенный образец. Очевидно, что таковым является Российская Федерация, когда-то представляющая «сердце» СССР, потому ее многолетний опыт и разработки ученых не могли не повлиять на развитие законодательства и органов государственного управления в других странах постсоветского пространства. Также отметим, что конституционно правосудие в этих странах стремительно развивалось именно в тот момент, когда Россию постиг конституционный кризис (1993 г.), ввиду чего система судопроизводства многократно изменялась.

В качестве примера как раз можно назвать события 1993 г., характеризующиеся противостоянием Президента России и Верховного Совета, когда действия и НПА первого дважды были признаны Конституционным судом неконституционными и влекущими отрешение от должности правителя. Политическое внутригосударственное соперничество в Конституционном суде привело к временному приостановлению проверки НПА на предмет их конституционности вплоть до принятия новой Конституции. Президент в свою очередь констатировал невозможность дальнейшей

деятельности Конституционного суда в неполном составе, выдвинув идею о создании Конституционной коллегии в составе Верховного суда, то есть о полном упразднении Конституционного суда. Позже, 24.12.1993 Закон РСФСР от 12.07.1991 №1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» был упразднен (ему был присвоен статус недействующего из-за противоречия его норм Конституции) Указом Президента. В это же время Глава государства взялся за ориентацию Конституционного суда России на рассмотрение форм судебного конституционного контроля в будущем. После чего судьями за довольно короткий промежуток времени был разработан новый проект Закона «О Конституционном суде Российской Федерации», принятый в 1994 г.

Активное участие в разработке законопроектов и многочисленные попытки их внедрения сделали Федеральный конституционный закон основой для дальнейшего развития конституционного судопроизводства не только в самой стране, но и на постсоветском пространстве. Сам факт того, что в других странах был создан институт конституционного контроля, говорит о бесспорном влиянии законопроектов Российской Федерации в целом. Как специфический вид деятельности Конституционный контроль включает в себя проверку конституционности НПА, именно поэтому в нем нуждаются все государства, провозглашающие себя правовыми. В 14 государствах (кроме Туркменистана), образовавшихся на постсоветском пространстве, существует специализированный институт конституционного контроля. Это является свидетельством его значимости на общегосударственном уровне.

Уже с первых конституций всех бывших союзных республик выделяется отдельная глава, посвященная органам судебной власти. В Беларуси это гл. 5, состоящая из 8 статей, в РФ – гл. 7 (11 статей), в Украине – разд. 8 (8 статей), в Кыргызстане – гл. 7 (11 статей), в Латвии – гл. 6 (5 статей) [54], в Литве – гл. IX (10 статей), в Туркменистане – гл. 5 (13 статей), в Эстонии – гл.13 (15 статей), в Таджикистане – гл. 8 (9 статей), в Армении – гл. 6 (14 статей), в Узбекистане – гл. XXII (11 статей), в Казахстане – разд. VII (10 статей), в Грузии – гл. 5 (10 статей) и в Азербайджане – глава VII (9 статей).

В 12 странах как отдельный институт выделяется Конституционный суд, которому некоторые страны посвятили отдельные главы в своих конституциях: Республика Беларусь – гл. 7 «Конституционный суд», состоящую из 8 статей, Литовская республика – гл. VIII из 5 статей. В Эстонии и Казахстане были созданы иные специализированные органы: Судебная коллегия конституционного надзора Государственного суда («Государственный суд является высшей судебной инстанцией государства, рассматривающей судебные решения в кассационном порядке. Государственный суд одновременно является судом конституционного надзора.» (ст. 149) и Конституционный Совет соответственно; последнему посвящен раздел VI Конституции Казахстана, состоящий из 4-х статей. Создание органов

конституционного контроля как полноценных независимых судебных учреждений в государствах, некогда бывших в составе СССР, зависело от этой же практики в России. Доказательством тому могут послужить даты начала функционирования конституционных судов: в России – 1991 г., в Эстонии, Литве и Казахстане – 1993 г., в Кыргызстане – 1994 г., в остальных государствах еще позже. Объяснением тому является то, что странам необходимо было качественно продумать создание подобных органов.

На сегодняшний день можно сказать, что судебные органы большинства постсоветских стран из года в год обретают все больше специализации, рационализма и реализма в сочетании с активными динамично развивающимися национальными особенностями. Постепенно складывается и упрочивается согласие вокруг базовых конституционных ценностей, возрастает роль норм и принципов международного права.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (первоначальная редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diplom.hav.by/konstitutsiya-respubliki-belarus-1994-g-pervonachalnaya-redaktsiya>. – Дата доступа: 13.11.2021.
2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (в ред. от 17.10.2004) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Конституция Туркменистана // Электронная база данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2376. – Дата доступа: 08.11.2021.
4. Конституция Латвии от 15 февраля 1922 года // Конституции государств (стран) мира / Библиотека конституций Пашкова Романа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 15.11.2021.
5. Конституция Республики Молдова // Информационный сайт «Law Moldova» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law-moldova.com/laws/rus/konstitut_rus.txt. – Дата доступа: 08.11.2021.
6. Конституция Эстонской Республики // Информационный сайт «Jurist Aitab» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/КОНСТИТУЦИЯ%20\(ОСНОВНОЙ%20ЗАКОН\)%20ЭСТОНСКОЙ%20РЕСПУБЛИКИ%2013.08.pdf](https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/КОНСТИТУЦИЯ%20(ОСНОВНОЙ%20ЗАКОН)%20ЭСТОНСКОЙ%20РЕСПУБЛИКИ%2013.08.pdf). – Дата доступа: 14.11.2021.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (первоначальная редакция) // Сайт «Конституция России. Все редакции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/>. – Дата доступа: 05.11.2021.
8. Конституция Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/razdel-5/>. – Дата доступа: 28.10.2021.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА В СФЕРЕ КАДРОВЫХ НАЗНАЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

М.А. Козак

Ключевые слова: Президент, Премьер-министр, кадровые полномочия, Парламент, Совет Республики Национального собрания.

Все полномочия Президента в системе органов представительной власти можно разделить на: 1) полномочия в сфере кадровых назначений; 2) организаторские полномочия; 3) контрольные полномочия; 4) полномочия в сфере нормотворчества.

Полномочия в сфере кадровых назначений в системе органов представительной власти принадлежат Президенту с участием других представительных органов. Взаимодействие проявляется в трех формах: первая – в самостоятельном назначении Президентом членов Совета Республики Национального собрания (частичное формирование Совета Республики), вторая – в совместном назначении высших должностных лиц других ветвей власти через предложение кандидатуры для дальнейшего согласования, третья – в принятии решений о назначении очередных и внеочередных выборов в палаты Парламента и местные Советы депутатов, а также прекращении их деятельности.

Одним из самых значимых полномочий Президента является возможность формировать часть верхней палаты Парламента. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь выделена отдельная категория членов Совета Республики в количестве 8 человек, что составляет 12,5% от общего числа членов, которые назначаются напрямую Президентом. В отдельных зарубежных государствах также имеется закрепленная за Главой государства на конституционном уровне практика назначения части верхней палаты Парламента (в Российской Федерации (РФ) – не более 10% от состава Совета Федерации, Индии – 12 из 250 членов, Казахстане – 15 из 49 членов, Италии – до 5 членов, так называемых «пожизненных сенаторов»).

В законодательстве Республики Беларусь не закреплены отдельные или специальные требования к членам Совета Республики, которых назначает Президент. Они подпадают под общие требования. На практике чаще всего они являются заслуженными деятелями государства в различных сферах. При назначении не делается акцент на представительстве от отдельной административно-территориальной единицы. Главным критерием выступают профессиональные качества кандидата. По количественному составу Президент никогда не реализовывал право назначения сенаторов в полном объеме. Так, в первом созыве было назначено 4 члена Совета Республики, трое из которых в последующем были избраны членами Президиума Совета Республики, во втором, четвертом, шестом созывах – только по 2 члена,

в третьем – 5, один из которых был в составе Президиума, в пятом созыве – 6, в седьмом созыве 2019 года были назначены 5 членов Совета Республики, 4 из которых вошли в состав Президиума Совета Республики.

В конституционном законодательстве других государств предусмотрены ограничения, требования, условия к кандидатам, которых назначает Президент. Например, в Российской Федерации это должны быть представители от законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Назначенные сенаторы являются «представителями Российской Федерации» [185], а не представителями Президента, их нельзя отозвать досрочно и они обладают определенной независимостью от Президента, что подтверждает норма статьи 95 Конституции РФ, где говорится о том, что «Президент не может освободить назначенного до его вступления в должность члена Совета Федерации <...> в течение первого срока своих полномочий». Данное право еще ни разу не было реализовано на практике Президентом РФ.

Наравне с общими требованиями к депутатам, назначаемым Президентом Казахстана в Сенат, относится требование учитывать представительство в Сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества.

Вторым направлением по взаимодействию Президента с палатами Парламента в области полномочий формирования органов власти является *выдвижение кандидатур на дальнейшее согласование и (или) утверждение*.

Так, Палата представителей Национального собрания дает согласие Президенту на назначение Премьер-министра. В соответствии со статьей 106 Конституции Республики Беларусь «Премьер-министр назначается Президентом с согласия Палаты представителей. Решение по этому вопросу принимается не позднее чем в двухнедельный срок со дня внесения предложения по кандидатуре Премьер-министра».

С 1996 года после внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь и соответственно в процедуру назначения Премьер-министра должность главы Правительства занимает уже девятый Премьер-министр. Первым Премьер-министром был С.С. Линг. Процедура его назначения состояла в следующем: издавался Указ Президента о назначении исполняющего обязанности Премьер-министра, в течение 10 дней его кандидатура выносилась на согласование в Палату представителей, и после дачи ее согласия в этот же день принимался Указ о назначении Премьер-министра с формулировкой: «С согласия Палаты представителей назначить Премьер-министром». Такая же процедура была осуществлена при назначении Г.В. Новицкого и С.С. Сидорского. При назначении М.В. Мясниковича в 2005 году на практике процедура сложилась следующая. Президент подписал Указ о назначении на должность Премьер-министра с формулировкой: «Назначить Премьер-министром <...> с последующим согласованием его назначения с Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь», а через некоторое время (от 6 до 50 дней) кандидатура была

утверждена на заседании Палаты представителей. Ситуация повторилась при назначении на должность Премьер-министра С.Н. Румаса. Указом Президента от *18 августа 2018 г. № 327* С.Н. Румас был назначен Премьер-министром Республики Беларусь с последующим согласованием его назначения с Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь», а *5 октября 2018 г.* его кандидатура была согласована с Палатой представителей. По кандидатуре Р.А. Головченко был принят Указ Президента от *4 июня 2020 г. № 194* о назначении его на должность. Далее, *9 июня 2020 г.* на заседаниях двух постоянных комиссий Палаты представителей было рассмотрено предложение Президента о даче согласия на назначение его Премьер-министром и принято решение поддержать кандидатуру Р.А. Головченко и рекомендовать дать согласие на назначение его Премьер-министром. *11 июня 2020 г.* депутаты Палаты представителей одобрили назначение Р.А. Головченко.

В Российской Федерации, например, Премьер-министр назначается Указом Президента после согласования с нижней палатой Парламента – Государственной Думой – с формулировкой: «В соответствии с пунктом «а» статьи 83 Конституции Российской Федерации назначить Д.А. Медведева Председателем Правительства Российской Федерации». В соответствии с Конституцией РФ с поправками 2020 года несколько изменена процедура назначения Председателя Правительства. В поправках к Конституции РФ уточнено, что Премьер-министр Правительства РФ назначается «после утверждения его кандидатуры Государственной Думой», что исключает иную процедуру вступления в должность, т.е. вначале утверждение, а потом назначение на должность. Такая же последовательность по согласованию и назначению Премьер-министра соблюдается и в Казахстане с 1994 года.

Анализируя процедуру назначения Премьер-министра в Республике Беларусь, считаем, что назначение Указом Президента Премьер-министра без предварительного одобрения Палаты представителей нарушает очередность, логичную последовательность действий, хотя прямо и не нарушает нормы, закрепленные в Конституции. В статье 25 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» четко описана процедура дачи согласия, в которой предусматривается при необходимости созыв внеочередной сессии Палаты представителей, что исключает возможность по этому основанию назначения Премьер-министра без согласия Палаты представителей. Предусмотрена также последовательность действий в случае отказа Палаты представителей в даче согласия на назначение Премьер-министра. Президент назначает исполняющего обязанности Премьер-министра, имеет право распустить Палату представителей и назначить новые выборы. Такая подробная процедура назначения Премьер-министра говорит о важности и необходимости процедуры согласования. Нарушением процедуры назначения Премьер-министра является назначение без предварительного согласования с Палатой представителей. Считаем, что сложившаяся практика принижает статус представительного органа, нарушается система сдержек и противовесов

государственного механизма. Премьер-министр – это должностное лицо, возглавляющее Совет Министров, он является вторым лицом в государстве. В случае невозможности исполнения обязанностей Президентом его полномочия до принесения присяги вновь избранным Президентом переходят к Премьер-министру и временно именно он становится Главой государства.

В соответствии со ст. 4¹ Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» в случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, внешней агрессии, вследствие иных действий насильственного характера полномочия Президента переходят в Совет Безопасности, на заседаниях которого председательствует Премьер-министр. Поэтому необходимо четко соблюдать процедуру назначения, чтобы даже в исключительной и нестандартной ситуации у власти находился человек, одобренный не только единолично Главой государства, но и представительным органом – Палатой представителей Национального собрания.

С Советом Республики Президент взаимодействует *при назначении Председателя Конституционного Суда, Председателя и судей Верховного Суда, Председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка*. Процедура дачи согласия и назначения на должность на практике аналогичная назначению Премьер-министра. Вначале Президент подписывает Указ о назначении на должность, а в последующем Совет Республики согласовывает кандидатуру. Так, например, произошло согласование кандидатуры Председателя Конституционного Суда в 2018 году и кандидатуры Председателя Национального банка в 2011 году. Между вступлением в должность и дачей согласия прошло больше, чем два месяца. Считаем, что такие сроки обусловлены началом сессий Парламента, которые начинаются с 2 апреля и с 2 октября, так как в Законе Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» не предусмотрена процедура созыва внеочередной сессии Совета Республики для дачи согласия на назначение вышеназванных должностных лиц. Формулировки в Указе Президента предполагают обязательное условие вступления в должность после дачи согласия Совета Республики. На наш взгляд, для повышения авторитета верхней палаты Парламента процедура дачи согласия на назначение должностных лиц Советом Республики должна проводиться до подписания Указа Президентом. Необходимо предусмотреть также возможность созыва Совета Республики на внеочередные сессии (заседания) для утверждения предложенных кандидатур. Данную процедуру также можно усилить изменением статьи, внесением формулировки «после утверждения его кандидатуры Советом Республики».

Для этого необходимо внести изменения и дополнения в пункты 8 и 9 статьи 84 Конституции Республики Беларусь, изложив их в следующей редакции:

«8) с предварительного согласия Совета Республики назначает на должность Председателя Конституционного Суда, Председателя Верховного Суда из числа судей этих судов»;

«9) с предварительного согласия Совета Республики назначает на должность судей Верховного Суда, Председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка».

Часть третью статьи 31 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» дополнить положением о возможности созыва внеочередной сессии (заседания):

«В случае, когда представление лиц, указанных в части первой настоящей статьи, поступает в Совет Республики в период между сессиями Совета Республики, для его рассмотрения может созываться внеочередная сессия (заседание) Совета Республики в порядке, установленном Конституцией Республики Беларусь и настоящим Законом».

Взаимодействие Президента с Советом Республики происходит и в случае освобождения от должности высших должностных лиц, на назначение которых он дает согласие (п. 11 ст. 84). Данная процедура выражена в уведомлении Президентом Совета Республики об освобождении должностного лица от должности.

Другим направлением по взаимодействию Президента в системе органов представительной власти являются: полномочия в соответствии со статьей 84 Конституции Республики Беларусь о *назначении очередных и внеочередных выборов* в Палату представителей, Совет Республики и местные представительные органы, которые реализуется посредством издания соответствующего Указа. Данное полномочие-взаимодействие можно назвать пассивным со стороны коллегиальных представительных органов, депутаты не могут повлиять на реализацию данного полномочия Президентом. Внеочередных выборов в истории суверенной Беларуси не было. Очередные выборы назначаются в соответствии с требованием: «Не позднее четырех месяцев и проводятся не позднее 30 дней до окончания полномочий депутатов действующего состава», иными словами, регламентируются только предельные сроки для назначения выборов. Назначение очередных выборов относится к процессу реализации принципа периодичности выборов представительных органов, что нами было рассмотрено в других статьях [1; 2].

Таким образом, считаем, что необходимо обратить внимание на совершенствование процедуры кадровых полномочий Президента в системе органов представительной власти. В тоже время важно и необходимо повышение роли, авторитета и самостоятельности коллегиальных представительных органов, что возможно через расширение полномочий палат Парламента и законодательного уточнения определенного круга вопросов. Так, необходимо при назначении Президентом высших должностных лиц уточнить в нормативных правовых актах обязательность предварительной процедуры согласия палат Национального собрания Республики Беларусь;

наделить палаты Национального собрания правом самостоятельного решения вопроса о созыве внеочередной сессии или внеочередного заседания; ввести в законодательные акты термин «внеочередное заседание»; закрепить определение «грубое нарушение Конституции и законодательства»; предусмотреть процедуру обязательной консультации Президента перед роспуском палат Парламента с Председателями палат Национального собрания, Премьер-министром и Председателем Конституционного Суда; привести в соответствие с пунктом 5 статьи 98, с частью первой статьи 122 Конституции Республики Беларусь, статьей 33 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» и главой 28 Регламента Совета Республики Национального собрания правоустанавливающие акты уполномоченных органов (Верховного Суда Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Генерального прокурора Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь) ввиду их несогласованности и дополнить их нормой следующего содержания: «...обладают правом предложить местному Совету депутатов привести свое решение в соответствие с законодательством Республики Беларусь в 3-месячный срок с приостановкой действия акта, а в случае неустранения недостатков в 3-месячный срок местным Советом депутатов закрепить право обращения в Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь с предложением об отмене решений местных Советов депутатов в случае несоответствия их законодательству».

Список использованных источников:

1. Козак, М.А. Порядок формирования и внутренняя структура как признаки представительного характера Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь / М.А. Козак // Право.by. – 2009. – № 4 (6). – С. 64–71.
2. Козак, М.А. Направления реформирования принципа выборности органов представительной власти / М.А. Козак // Право.by. – 2021. – № 4(72). – С. 23–28.

ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ: КАНАДСКИЙ ОПЫТ

И.В. Кубарев, С.С. Барган

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактика допроса, модель PHASE.

Исследование зарубежного опыта раскрытия и расследования преступлений, а также имплементация его положительных составляющих, является одной из важных задач на пути к усовершенствованию уголовно-правовой политики государства. Это касается и тактики проведения допроса как наиболее распространенного следственного действия.

Вместе с тем современные гуманистические тенденции требуют немедленного сокращения числа случаев применения обвинительных и манипулятивных техник, направленных на получение признания от допрашиваемого лица. Для оптимизации устоявшихся приемов и методов получения показаний представляется целесообразным содержание исследование перспективных моделей допроса, предлагаемых зарубежными специалистами. Из них отдельного внимания заслуживает канадская модель PHASE, которую разработал сотрудник Королевской канадской конной полиции Д. Карр (D. Carr) в качестве альтернативы допросу с применением обмана и психологического давления.

Модель PHASE основана на поэтапном (фазовом) подходе с четким разграничением необвинительных и обвинительных способов допроса. Считается, что необвинительная фазовая методика по содержанию схожа на британскую модель PEACE, целью которой является получение как можно большего объема информации от допрашиваемого, с последующим анализом и сравнением имеющихся доказательств и определением расхождения в его показаниях [1, с. 12]. Структурно необвинительная фаза состоит из шести стадий: 1) подготовка; 2) установление психологического контакта; 3) развитие темы допроса; 4) поиск несоответствия; 5) стратегическое использование доказательств; 6) подведение итогов [2, с. 108].

1. Подготовка. На первой стадии изучаются материалы уголовного производства с выделением обвинительных доказательств, которые оптимально использовать для демонстрации во время допроса. При этом следует сосредоточить пристальное внимание на исследовании личностных характеристик допрашиваемого лица, знание которых пригодится для эффективной реализации второй стадии, заключающейся в установлении психологического контакта.

2. Суть психологического контакта заключается в создании благоприятной психологической атмосферы допроса, оптимизирующей взаимодействие и взаимоотношения между всеми его участниками. С этой целью при встрече допрашиваемому лицу сообщают о его правах и обязанностях, а также отвечают на другие правовые вопросы по процедуре допроса. Далее происходит знакомство с реципиентом, что позволяет не только уточнить информацию о его личности, но и психологически настроить давать ответы на вопросы, касающиеся темы допроса. Психологический контакт считается установленным, когда допрашиваемый вовлечен в активный диалог.

3. Развитие темы допроса. Изложение мысли допрашиваемого лица осуществляется путем свободного рассказа, даже если существует объективное допущение про ложность заявленных утверждений. Но роль следователя не является полностью пассивной, поскольку он должен следить за соблюдением темы допроса, задавая, при необходимости, вопросы, которые помогают не отвлекаться на лишние размышления. Также следователь

обращает внимание и отдельно фиксирует любые проявления уклонения от детализации показаний, внезапное умалчивание уже начатого рассказа об определенных фактах, сообщение не обо всех имеющихся у следователя доказательствах, соблюдении четкой хронологии изложения информации, расхождение в описании предметов, событий, явлений и т.д. Полученные сведения в ходе свободного рассказа крайне важны для успешного выполнения заключительных фаз допроса.

4. Поиск несоответствия. После завершения свободного повествования допрашиваемого просят в свободной форме разъяснить найденные в его утверждениях противоречия. Выслушивание объяснений происходит с сохранением спокойной и взвешенной атмосферы общения, поэтому обвинять лицо в умышленном упущении или в утаивании определенных фактов про совершенное преступление на данном этапе недопустимо. После свободного дополнения несоответствий, следователь должен перейти к постановке серии вопросов уточняющего характера. Напоследок допрашиваемому лицу, в случае соответствующего обоснованного предположения, предлагается вариант добровольного отказа от правдивости собственных слов.

5. Стратегическое использование доказательств. Данная техника сосредотачивается на различных психологических процессах, отличающих лиц, сообщающих ложные сведения, от лиц, сообщающих правду, в условиях демонстрации изобличающих доказательств. Например, следователь полагает, что лицо осознает наличие доказательств «А» и «В», но не догадывается о существовании доказательства «С». Вполне ожидаемо, что лицо будет свободно рассказывать о доказательствах «А» и «В», но абсолютно не упомянет о доказательстве «С». Демонстрация доказательства «С» вызывает соответствующую рефлексию у реципиента (резкое изменение показаний, оправдание, обвинение других лиц). Несоответствие утверждений лица о показанном доказательстве «С» или вообще убеждение в его отсутствии является показателем лжи.

6. Подведение итогов. Полученная информация на основе логического анализа и сопоставления с уже имеющимися доказательствами приобретает статус подтвержденной или опровергнутой. При этом если допрашиваемый в течение всего допроса будет хранить молчание или целенаправленно все отрицать, следователь все равно не будет применять приемы психологического давления, а попытается получить информацию, прибегнув к косвенному допросу или к использованию приема повторного возвращения к рассмотрению отдельных эпизодов преступления.

Стоит отметить, что переход к фазе обвинительного допроса возможен в двух случаях: когда в показаниях были установлены безоговорочные факты виновности, что также совпадает с собранными доказательствами, либо же когда все попытки установить контакт с допрашиваемым лицом оказались тщетными. Особенностью указанной фазы является

непосредственное использование методов психологического воздействия с целью вовлечения индивида в процесс коммуникации и получения от него чистосердечного признания. Однако, характерным отличием PHASE от прочих обвинительных тактик допроса, можно считать отсутствие необходимости отслеживания невербального поведения личности с дальнейшим усилением психологического давления. В то же время наблюдается запрет на формирование предубеждения следователя, поскольку такая оценка в большей степени носит субъективный характер.

Таким образом, канадская модель предлагает не делать преждевременных обвинительных выводов, преследуя цель убедить допрашиваемое лицо дать развернутые объяснения о совершенном преступлении и сравнить показания с имеющимися доказательствами. Смещение акцента с получения письменного признания на ненасильственный поиск разногласий в имеющейся информации позволяет обеспечить надлежащее соблюдение прав и основоположных свобод человека, что влечет за собой повышение эффективности процесса раскрытия и расследования преступлений.

Список использованных источников:

1. Shaw, Sarah R. (2020). I Want You to Sit There and Think About What You Did: An Examination of Isolation During Police Interrogations. Saint Mary's University. – 199 p.
2. Carr D. (2015). The RCMP Phased Interview Model for Suspects. Generating Information через Dialogue. Royal Canadian Mounted Police. – Vol. 5. – 2015. – 282 p.

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА И СОГЛАСОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И КАНДИДАТУРЫ ЭКСПЕРТА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

А.С. Кусков, Д.К. Усцов

Ключевые слова: гражданское дело; определение о назначении судебной экспертизы; сторона дела; суд; судебная экспертиза; эксперт; экспертная организация.

В процессе рассмотрения гражданских дел зачастую возникает необходимость в назначении экспертиз, что, согласно ст. 79 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), является исключительной прерогативой суда. Стороны могут ходатайствовать перед судом лишь о проведении экспертизы в конкретной экспертной организации, поручении ее конкретному эксперту, необходимости постановки вопросов, подлежащих

разрешению при проведении экспертизы. В этой связи актуализируется проблема выбора и согласования со сторонами экспертной организации и кандидатуры эксперта.

Эта проблема развивается и в процессуальной доктрине. Так, М.В. Жижина пишет, что «выслушивая предложения сторон относительно выбора экспертных учреждений и кандидатур экспертов и принимая решение по рассматриваемым вопросам, суд должен выяснить и оценить мотивы конкретных предложений», и делает вывод о том, что некритичный подход суда к выбору и согласованию экспертной организации (эксперта) приводит к необходимости проведения повторных экспертиз, затягиванию сроков рассмотрения дела и иным негативным последствиям для сторон [1, с. 113-121]. То есть принцип процессуальной экономии реализуется в этих ситуациях со знаком «минус».

А.П. Рыжаков, рассматривая институт отвода эксперта, указывает, что «наличие фактических оснований отвода лица, в отношении которого решается вопрос о вовлечении его в гражданский процесс в качестве эксперта, должно проверяться, прежде чем производство экспертизы таковому будет поручено» [2], что чаще всего делается не судом, а руководителем экспертной организации. Эта позиция также позволяет нам в очередной раз утвердительно говорить о значимости стадии подготовки к назначению судебной экспертизы.

Несмотря на то, что вышеназванные аспекты являются по своему существу процедурными, нежели процессуальными, игнорирование подобных процедур зачастую приводит к негативным процессуально-правовым последствиям. В частности, несоблюдение процедуры выбора и согласования экспертной организации (кандидатуры конкретного эксперта) могут повлечь: отмену определения суда о назначении судебной экспертизы в части приостановления производства по делу и распределения судебных расходов; нарушение принципа состязательности (например, отсутствие возможности у одной из сторон принять участие в согласовании цены экспертизы); невозможность реализации сторонами права на заявление отвода эксперту, так как до вынесения судом определения о назначении экспертизы стадия выбора и согласования кандидатуры конкретного эксперта не была и зачастую не может быть реализована.

Вместе с тем, суды обычно не придают значения таким процедурам, пропуская их, или проводят подготовительные действия перед назначением экспертизы со значительными нарушениями, ущемляющими права и интересы сторон, и приводящими к дефектам в реализации основных процессуальных принципов (например, назначение экспертизы при отсутствии одной из сторон, ограничение в реализации права на отвод эксперта, и т. д.).

Так, судом на предварительном заседании назначена судебная экспертиза, а расходы по ее проведению возложены на отсутствовавшего

ответчика. Суд апелляционной инстанции, согласившись с доводами частной жалобы ответчика, и руководствуясь ст. 96, 103, 104 ГПК РФ, отменил определение суда в части распределения судебных расходов и указал, что суд при вынесении определения должен был исходить из того, по чьей инициативе назначена экспертиза, на кого должна быть возложена оплата и с кого должны быть взысканы издержки, связанные с рассмотрением дела (апелляционное определение Саратовского областного суда от 18.07.2017 г. по делу № 33-5218).

Соглашаясь с апелляционным определением, дополнительно укажем, что суд первой инстанции не только неверно разрешил вопрос о распределении между сторонами издержек на проведение судебной экспертизы, но и нарушил процессуальные права ответчика, отсутствовавшего в судебном заседании, где разрешался вопрос о назначении судебной экспертизы. В частности, ответчик, не извещенный о дате судебного заседания, не имел возможности ходатайствовать о выборе конкретной экспертной организации, заявлять отвод эксперту, согласовывать сумму расходов на проведение экспертизы, ставить на обсуждение суда вопросы, необходимые для проведения экспертизы, и т. д.

По особо сложным категориям дел (например, по делам о компенсации морального вреда, причинении вреда здоровью, возмещении ущерба от оказания медицинских услуг ненадлежащего качества, трудовым и семейным спорам) суды в некоторых случаях более обстоятельно подходят к процедурам, связанным с назначением судебных экспертиз.

Например, судом при рассмотрении спора потребителя с медицинской организацией были запрошены гарантийные письма из основных экспертных организаций региона, в которых требовалось в обязательном порядке указать наименование экспертной организации, сроки проведения экспертизы, стоимость экспертизы, состав экспертной комиссии с полной информацией о ее членах. Далее суд поставил на обсуждение сторон вопрос о выборе конкретной экспертной организации. После выбора экспертной организации и согласования всех условий ее проведения стороны оформили свое согласие путем подписания гарантийного письма и оформления расписки, приобщенной к материалам дела (дело № 2-6391/2016, Волжский районный суд г. Саратова).

Безусловно, такая позиция, на первый взгляд, не отвечает принципу процессуальной экономии, так как связана с более значительными затратами времени на проведение подобных подготовительных процедур. Однако наличие права выбора, взаимное согласование и получение согласия всех сторон в части выбора экспертной организации и конкретного эксперта, величины и распределения расходов на проведение судебной экспертизы минимизирует риски обжалования сторонами определения о назначении судебной экспертизы, заявления отвода экспертной организации и

эксперта, обжалования определения о распределении судебных расходов в части стоимости проведенной экспертизы.

С целью минимизации вышеуказанных негативных процессуальных последствий О.Г. Дьяконова вносит следующие предложения:

а) перед вынесением определения о назначении судебной экспертизы суд должен обязательно известить стороны о дате заседания, на котором будет разрешен вопрос о назначении экспертизы; при этом «... назначение экспертизы судом без ведома сторон и разъяснения права на участие в проведении экспертизы, представлении вопросов, отвод эксперту и иных прав, предусмотренных законом, будет свидетельствовать о том, что в основу решения будет положено заключение экспертизы, добытое с грубым нарушением закона» [3, с. 48-52];

б) вопрос о назначении судебной экспертизы с целью защиты прав сторон процесса необходимо разрешать в предварительном судебном заседании;

в) проводить обязательную поэтапную подготовку перед вынесением определения о назначении судебной экспертизы.

Мы полагаем, что вынесению определения о назначении судебной экспертизы обязательно должна предшествовать стадия подготовки, идеальной моделью которой является следующая формула «запрос + согласование + выбор + согласие = назначение судебной экспертизы». То есть стадия подготовки к назначению судебной экспертизы должна включать пять этапов:

1. Суд, с учетом пожеланий участников процесса, должен направить запрос в несколько экспертных организаций для получения гарантийных писем, содержащих информацию о возможности и условиях проведения экспертизы.

2. После получения гарантийных писем суд выносит сторонам на согласование следующие вопросы: а) выбор экспертной организации (конкретного эксперта); б) стоимость работ по проведению экспертизы; в) сроки проведения экспертизы; г) перечень вопросов, поставленных перед экспертом.

3. Результатом согласования, которое следует отличать от согласия сторон, являются выбор экспертной организации (конкретного эксперта) и точное определение всех основных условий проведения экспертизы.

4. Далее суд предлагает сторонам процесса путем подписания гарантийного письма экспертной организации и/или оформления расписки выразить свое согласие по всем вышеуказанным вопросам (гарантийное письмо и расписка приобщаются к материалам дела).

5. После получения согласия всех участников процесса в части выбора экспертной организации (конкретного эксперта) и согласования всех основных условий проведения судебной экспертизы суд удаляется в совещательную комнату для вынесения определения о назначении судебной экспертизы.

Отметим, что отсутствие такого согласования и, соответственно, согласия сторон, тоже имеет положительное процессуальное значение, так как

в этих случаях суд выносит определение о назначении судебной экспертизы, руководствуясь своим внутренним убеждением (усмотрением) и мотивируя выбор экспертной организации и/или конкретного эксперта в том числе и тем, что стороны не пришли к согласию в процессе их согласования. Таким образом, независимо от результата – положительного или отрицательного, суд должен провести стадию подготовки к назначению судебной экспертизы в полном объеме.

Подобная модель реализуется и в практике арбитражного судопроизводства применительно к возмещению судебных расходов на проведение экспертизы. Так, в Обобщении судебной практики по проблемным вопросам назначения судебных экспертиз Арбитражного суда Воронежской области указано, что «при определении размера вознаграждения речь идет именно о согласовании, а не о согласии заинтересованного лица. Факт достижения согласования по размеру вознаграждения должен оговариваться в определении суда, а само согласие следует брать у заинтересованного лица (стороны) в письменном виде» [4].

Итак, игнорирование судами стадии выбора и согласования экспертной организации (конкретного эксперта) не соответствует целям реализации ряда гражданско-процессуальных принципов, достижения и соблюдения баланса интересов сторон. В этой связи и для целей достижения единообразия судебной практики считаем необходимыми выработку и последующее закрепление в соответствующих постановлениях Верховного Суда РФ положений об обязательности и содержании стадии подготовки к назначению судебной экспертизы.

Список использованных источников:

1. Жижина, М.В. Проблема определения экспертного учреждения (эксперта) при назначении экспертизы в гражданском и арбитражном процессах / М.В. Жижина // Арбитражные споры. – 2016. – № 2. – С. 113-121.
2. Рыжаков, А.П. Отвод прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика. Комментарий к ст. 18 ГПК РФ / А.П. Рыжаков // СПС «КонсультантПлюс», 2019.
3. Дьяконова, О.Г. Реализация прав лиц, заинтересованных в исходе дела, при назначении судебной экспертизы / О.Г. Дьяконова // Администратор суда. – 2017. – № 2. – С. 48–52.
4. Обобщение судебной практики по проблемным вопросам назначения судебных экспертиз Арбитражного суда Воронежской области (на первое полугодие 2013 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voronej.arbitr.ru/process/pract>. Дата доступа: 11.10.2021.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.А. Маркина

Ключевые слова: экологический вред, окружающая среда, права человека, право на благоприятную окружающую среду, возмещение вреда.

В современных условиях развития всех сфер жизнедеятельности общества увеличивается антропогенная нагрузка на окружающую среду, а, следовательно, учащаются случаи нарушения экологического законодательства, результатом чего является причинения экологического вреда. Для восстановления природной среды и обеспечения реализации экологических прав человека необходимы эффективные механизмы защиты, к одним из которых относится возмещение вреда.

В соответствии со ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды»: «экологический вред – вред, причиненный окружающей среде, а также вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду» [1]. Из содержания данной нормы следует, что экологический вред имеет две составляющие:

во-первых: это вред, причиняемый окружающей среде, а, следовательно, подразумевает негативное ее изменение, в том числе загрязнение, деградацию, истощение компонентов природной среды, повреждение, уничтожение и иное ухудшение природных объектов;

во-вторых: вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, юридических лиц, государства из-за отрицательного воздействия на окружающую среду, то есть, такой вред является последствием негативного изменения окружающей среды от антропогенного влияния.

В Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ (с изм. и доп.) «Об охране окружающей среды» [2] не содержится понятие экологического вреда. В статьях 77 и 79 указанного Закона закреплены нормы об обязанности полного возмещения вреда, причиненного окружающей среде и о праве субъектов на возмещение в полном объеме вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц. Последняя норма является отсылочной и сам порядок определяется гражданским законодательством. В свою очередь, под вредом, причиненном окружающей среде, понимается негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов [2]. Следовательно, можно говорить о недостаточном правовом регулировании экологического вреда и

отсутствие нормы, касающейся определения состава вреда, причиненного субъектам, в результате негативного воздействия окружающей среды.

Открытым является вопрос, касаемый способов расчета размера экологического вреда. Если разработаны способы расчета размера вреда, причиненного окружающей среде, то такие способы относительно субъектов, чьи права нарушены отсутствуют.

В Республике Беларусь для расчета размера возмещения вреда, который причинен окружающей среде, применяются таксы (условное количество базовых величин), которые установлены Президентом Республики Беларусь, а при их отсутствии либо невозможности применения – фактические затраты, которые необходимы на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, при этом учитываются понесенные убытки и упущенная выгода.

В Российской Федерации преимущественным способом расчета размера вреда, причиненного окружающей среде, являются фактические затраты в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, при их отсутствии в соответствии с таксами и методиками [2].

Можно выделить положительные и отрицательные черты каждого из способов. Расчет с помощью фактических затрат позволяет более точно и полно определить объем вреда, причиненного окружающей среде, но вместе с тем, учитывая особенности восстановления некоторых компонентов природной среды и природных объектов, сроки их возобновления может изменяться стоимость, климатические и другие условия. Также в данном случае возможно злоупотребление служебными полномочиями, так как в проектах возможно как занижение, так и завышение размера затрат.

Расчет размера вреда, причиненного окружающей среде, при помощи таксового метода позволяет исключить коррупционную составляющую, а также является наиболее простым, так как таксы установлены нормативными правовыми актами и в определенных случаях применяются коэффициенты. Например, согласно законодательству Республики Беларусь при незаконной добыче рыбы с помощью взрывчатых веществ расчет размера вреда осуществляется с помощью такс с повышающим коэффициентом пять.

Вместе с тем размер вреда, рассчитанного с помощью таксового метода, не всегда соответствует действительности. В соответствии с нормами Указа Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 (с изм. и доп.) «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде» [3] размер вреда рассчитывается независимо от веса и возраста животного, что считаем нецелесообразным. Для более точного определения необходимо учитывать вес и возраст животного и соответственно внести изменения в данный указ, как, например, при расчете вреда, причиненного объектам растительного мира, применяются таксы в зависимости от вида и диаметра ствола древесно-кустарниковой растительности.

Целесообразно в отраслевом законодательстве по аналогии с таксами и методиками, используемыми при расчете размера вреда, причиненного окружающей среде, установить подобные способы и таксы относительно

расчета вреда, причиненного имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Установление такс возможно в отношении не всего имущества, а только объектов, относящихся к компонентам природной среды, например, диких животных, находящихся в собственности отдельных субъектов.

Согласно норме, закрепленной в ст. 102 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате воздействия на окружающую среду, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством [1]. И, аналогично, ст. 79 «Об охране окружающей среды» установлено, что вред, причиненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме. Определение объема и размера возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется в соответствии с законодательством [2].

В вышеуказанных законах указаны лишь нормы, касающиеся права граждан, юридических лиц на возмещение вреда, причиненного им в результате негативного воздействия на окружающую среду, но отсутствуют положения о порядке его возмещения. Способы защиты прав содержатся в гражданском законодательстве, но учитывая специфику экологических правоотношений, не позволяют в полном объеме реализовать рассматриваемое право граждан.

Закрепление норм, касающихся порядка, размера и сроков возмещения вреда, причиненного ряду субъектов и объектов, в Законах «Об охране окружающей среды» даст возможность более полной реализации права граждан, юридических лиц на возмещение вреда, причиненного им в результате негативного воздействия на окружающую среду.

Список использованных источников:

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 73-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ: в ред. от 09.03.2021 № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс / – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. – Дата доступа: 22.04.2021.

3. О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 24 июня 2008 г. № 348: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18 января 2021 г. № 17 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А.А. Муравьев, О.А. Грачева, Н.С. Маркова

Ключевые слова: охрана труда, трудовая деятельность, условия труда, травматизм, безопасность работников.

На сегодняшний день ситуация в сфере труда складывается таким образом, что вопросы касаясь наёмного труда регулируются, с правовой точки зрения, в едином порядке. Существует несколько различных трактовок понятия «охрана труда», определяемых трудовым законодательством. Охрана труда в узком смысле – это институт трудового права, который включает в себя нормы права, обеспечивающие безопасность и сохранность здоровья человека в условиях труда [1, с. 29]. Если брать широкий смысл, то под охраной труда понимается комплекс норм трудового права.

Согласно Трудовому кодексу РФ под охраной труда понимается система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия (ст. 209 ТК РФ).

Согласно ТК РФ раздел X институт охраны труда состоит из следующих норм права:

1. Общие положения (статьи 209-210);
2. Требования охраны труда (статьи 211-215);
3. Организация охраны труда (статьи 216-218);
4. Обеспечение права работников на охрану труда (статьи 219-231), в том числе дополнительные гарантии, с закреплением обязанности работодателя ограничивать привлечение к тяжелой работе, работе во вредных или опасных условиях, работе в ночное время суток, сверхурочно, а так же привлечение работников к более легкой работе по медицинским показаниям и т.п.

Для любых крупных предприятий, конкретно предприятий легкой промышленности, охрана труда является неотъемлемой частью трудовой сферы. Концепция современной охраны труда представляет собой меры по улучшению показателей безопасности при технологических операциях, снижения травматизма и аварий, уровня профессиональных заболеваний, общего уровня здоровья или трудоспособности, смертности.

Центральный комитет Российского профсоюза работников текстильной и легкой промышленности России приводит следующие данные о полученных работниками легкой промышленности тяжёлых травмах: большая часть из них (до 45%) случается в процессе удаления возникающих на вращающихся рабочих деталях машин засоров или налипания волокна, а так же при заправке полотна или при проведении ремонта. Первопричиной этого является частичное либо полное игнорирование норм и правил техники безопасности на

предприятия, направленных на защиту от механических факторов, а также отсутствие возможности заменить старое оборудование [2]. Рисунок 1 иллюстрирует распределение несчастных случаев на производстве по разным причинам.

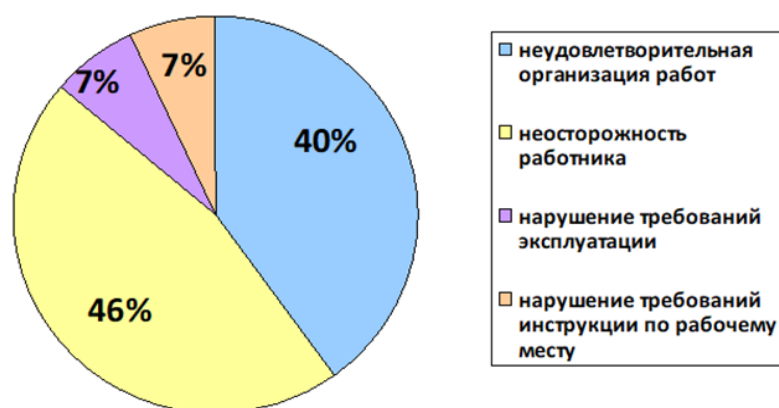

Рисунок 1 – Причины несчастных случаев на производстве

Как утверждается в результатах различных исследований по изучению степени следования правилам охраны труда предприятий, большинство произошедших несчастных случаев, опасных происшествий и приобретений профессиональных заболеваний были вполне предотвратимы. При своевременном и грамотном подходе к изучению работниками своих профессиональных компетенций в соответствии с уровнями опасности и трудоёмкости, большая часть несчастных случаев и аварийных ситуаций не была бы допущена.

Проведение, как до начала трудовой деятельности, так и в процессе, обучения и инструктажей по безопасности при выполнении работ, а также ознакомление с правилами охраны труда и систематическая проверка на знание данных требований позволят обеспечить безопасные условия труда [3].

Как правило, работнику трудно в короткие сроки освоить требования к своему рабочему месту в полном объёме и изучить все знания, необходимые для выполнения работ без нарушения мер безопасности. Руководителем так же уделяется недостаточно времени, чтобы дать работнику должный уровень обученности и качественно инструктировать его.

Данная ситуация требует обучения работников технике безопасности при ведении работ при помощи иных подходов. Чтоб у работника появилась возможность лучше сконцентрировать своё внимание на факторах опасности, нужно предоставить работнику материалы меньшего объёма, то есть акцентировать его внимание только на тех моментах, которые необходимо помнить и знать на конкретном рабочем месте при выполнении определённых видов работ. Эффективно будет использовать при первичном и повторном инструктажах современные технологии для большей интерактивности, с помощью которых можно будет наглядно проиллюстрировать и смоделировать нестандартную ситуацию, сопровождать материал аудио- и видеоматериалом.

Нельзя утверждать, что какое-либо предприятие может быть полностью застраховано от различных аварийных ситуаций, таких как несчастные случаи

или производственные травмы. При получении травмы, работнику может, не удастся взять ситуацию под контроль и предпринять адекватные действия, так как многие работники могут, поддастся панике, которая не даёт быстро и правильно отреагировать и снизить риск либо спасти пострадавшего.

Чтобы избежать усугубляющиеся аварийные ситуации, необходимо регулярно прорабатывать действия при нештатных ситуациях в виде учений для работников и руководства. Для этого нужно ознакомить работников с действиями, которые нужно предпринимать первоочерёдно и которые нельзя совершать в данной ситуации.

Таким образом, предприятия лёгкой промышленности могут улучшить охрану труда путём создания эффективных механизмов управления охраной труда [4]. Так же должна быть организована работа со всеми участниками производства, то есть с работниками, специалистами, руководством. Координация работ по соблюдению охраны труда должна производиться в полном объёме всеми участниками трудового процесса.

Список использованных источников:

1. Кухаренко, А. Ю. Правовые аспекты государственного управления в области охраны труда на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 34 с.
2. Информационный материал о деятельности Центрального комитета Российского профсоюза работников текстильной и легкой промышленности. – М., 2006.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (с изм. от 06.10.2021).
4. ГОСТ 12.0.230-2007. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Общие требования.

МЕДИАТИВНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А.М. Прилепова, А.Г. Егорова

Ключевые слова: медиация, внешнеэкономическая деятельность, правовой конфликт, внешнеэкономический договор, медиация в зарубежных странах.

Внешеэкономическая деятельность – это система отношений субъектов хозяйствования, складывающаяся в экономических связях с нерезидентами страны и другими государствами.

При осуществлении внешнеэкономической деятельности субъекты хозяйствования Республики Беларусь зачастую сталкиваются с рядом проблем различной природы: сложность правового регулирования внешнеэкономической деятельности, особый порядок разрешения споров, взыскание дебиторской задолженности и др.

Целью работы является всестороннее исследование применения процедуры медиации в Республике Беларусь, сравнительная характеристика нормотворческого и правоприменительного опыта с зарубежным, совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

Материалами и методами исследования выступили труды А.И. Бельской, Э.Г. Дубовик, С.Ч. Белявский, а также методы анализа, синтеза и сравнительно-правовой.

Нередко стороны обращаются за защитой своих интересов в национальные суды и сталкиваются с трудностями определения юрисдикции суда, процедуры рассмотрения спора, применимого права, трудностями признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений [1].

Обращая внимание на медиацию как способ урегулирования споров, отметим, что в основном внесудебная практика разрешения коммерческих споров за рубежом осуществляется в трех формах: прямые переговоры сторон конфликта, медиация, третейские процедуры [2, с. 33].

В соответствии со статьей 2 Закона Республики Беларусь «О медиации» (далее – Закон) медиация может быть применена в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности [3]. Таким образом, с выходом Закона у коммерческих организаций, в том числе, появился еще один инструмент для урегулирования спорных ситуаций.

01.07.2020 вступил в силу Закон от 18.19.2019 № 277-З «Об изменении законов» (далее – Закон № 277), который является первым значимым законодательным актом в области медиации для совершенствования как законодательства о медиации, так и юрисдикции сложившихся общественных правоотношений в практике ее применения.

Основные изменения касаются области гражданского процессуального законодательства. Самым значимым из которых является включение положений о внесудебной медиации в сферу гражданского (хозяйственного) права и важных дополнений хозяйственного процесса.

Дополнение законодательства в наибольшей степени соответствует сложившимся экономическим и политическим условиям, существенно затрудняющим осуществление предпринимательской деятельности. Типичные сложности экономического характера, валютного регулирования дополнили мировые ограничения и принимаемые многими странами меры, связанные с распространением COVID-19 [4].

Большим плюсом для субъектов хозяйствования стало подписание Беларусью в августе 2019 года Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (далее – Конвенция), принятой 20.12.2018. Данная Конвенция вступила в силу в Беларуси 15.01.2021. С данного времени достигнутые в международном медиативном соглашении договоренности при необходимости можно исполнить и в принудительном порядке в любом государстве-участнике.

Понятие международного медиативного соглашения закрепляет ст. 15-1 Закона о медиации и ст. 1 Конвенции. Это медиативное соглашение, заключенное организациями, находящимися в разных странах. Его предмет находится или обязательства исполняются не в месте нахождения организаций, а в другой стране.

Особенно часто международные медиативные соглашения применяются в сфере международных перевозок, поставок и подряда, инвестиционных договорах [5]. Чаще всего предметом споров с участием иностранных инвесторов становятся расчеты за поставленную продукцию и оказанные услуги, взыскание задолженности по договорам и штрафных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств. Встречаются иски о возмещении ущерба, ликвидации коммерческих организаций с иностранными инвестициями по основаниям, предусмотренным законодательством, а также споры, вытекающие из учредительства.

Положительным моментом является наличие в законодательстве механизма принудительного исполнения. Наличие таких положений в законодательстве объективно усиливает привлекательность страны как места разрешения споров, в том числе с иностранным элементом [5].

Международное медиативное соглашение признается и исполняется в соответствии с Хозяйственно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК) и Конвенцией. Статья 262-1 ХПК, которая ранее регулировала требования, касающиеся заявления о принудительном исполнении медиативного соглашения, теперь распространяется и на международные медиативные соглашения.

В международном медиативном соглашении стороны могут ссылаться на положения Конвенции, а также выбрать применимое право при возникновении разногласий. Если же стороны его не выберут, применимое право будет определяться по коллизионным нормам стран участников медиации. Однако соглашения, отвечающие интересам сторон, как правило, исполняются добровольно.

Таким образом, медиация раскрывает перед корпоративными юристами новые возможности по разрешению споров.

При рассмотрении внешнеэкономических споров стоит обратить внимание на медиацию, в связи с тем, что для нее характерны: относительно низкая стоимость, сжатые сроки, а также выработка взаимоприемлемого

соглашения. Медиация способна снизить издержки сторон и повысить качество заключаемых соглашений.

Также медиация позволяет субъектам хозяйственной деятельности оперативно и комплексно решить возникшие споры, предупредить возможные конфликты, сохранить договоренности и исправить нарушенную коммуникацию с целью ведения стабильного бизнеса, сохранения и создания новых рабочих мест. Данные соглашения снижают производственные, правовые и инвестиционные риски, что является преимуществом для привлечения иностранных инвесторов.

Список использованных источников:

1. Дубовик, Э.Г. Эффективность медиации в разрешении инвестиционных споров. Э.Г. Дубовик, Р.Ф. Фанибаро, А.Д. Кожин // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Соловьева, А.С. Процедура медиации при разрешении внешнеэкономических споров / А.С. Соловьева // Таможенное дело. – 2012. – № 3. – С. 33–35.
3. О медиации: Закон Республики Беларусь от 13 июля 2013 г. № 58-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Бельская, А.И. Новые возможности медиации для бизнеса в Беларуси, или попытка № 2. / А.И. Бельская // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. Белявский, С.Ч. Международное медиативное соглашение / С.Ч. Белявский, Е.А. Дорошкевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

А.И. Сафонов, Я.А. Бурак

Ключевые слова: коррупция, прокуратура, координирующая функция, надзорная функция.

Прокуратура – единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами [1, ст.1].

Республика Беларусь проводит политику по противодействию преступности и коррупции, в которой задействует различные государственные органы, к числу которых относятся и органы прокуратуры, а также иные организации. Органы прокуратуры занимают особое положение в системе правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией в Республике Беларусь.

В соответствии со ст.7 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-3 (далее – Закон «О борьбе с коррупцией») Генеральная прокуратура Республики Беларусь является государственным органом, ответственным за организацию борьбы с коррупцией.

В целях обеспечения организации борьбы с коррупцией Генеральная прокуратура Республики Беларусь:

- аккумулирует информацию о фактах, свидетельствующих о коррупции;

- анализирует эффективность применяемых мер по противодействию коррупции;

- координирует правоохранительную деятельность иных государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией;

- осуществляет надзор за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований Закона «О борьбе с коррупцией» и иных актов законодательства в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принимает меры по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности, установленной законодательными актами;

- готовит предложения по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией;

осуществляет иные полномочия в сфере борьбы с коррупцией, установленные законодательными актами [2, ст.7].

Таким образом, прокуратура является не только органом, который непосредственно осуществляет борьбу с коррупцией, но и органом, наделенным статусом ответственного за организацию деятельности, направленной на борьбу с коррупцией.

В соответствии со ст.12 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-3 (далее – Закон «О прокуратуре») с целью координации правоохранительной деятельности органов внутренних дел, органов государственной безопасности, других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельности по профилактике правонарушений, образуется возглавляемое прокурором координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией (далее – координационное совещание), в состав которого входят руководители государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также руководители субъектов профилактики правонарушений [1, ст. 12].

Исходя из этого можно выделить первую функцию прокуратуры в деятельности, направленной на борьбу с коррупцией: координация деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией.

Впервые в истории суверенной Республики Беларусь данной функцией органы прокуратуры были наделены сравнительно недавно, в 2007 году, вступившим в действие Законом «О прокуратуре». Данная функция должна быть одним из ключевых элементов механизма борьбы с коррупцией на современном этапе развития законодательства Республики Беларусь, направленного на борьбу с коррупцией.

Данная функция осуществляется посредством исполнения прокурором следующих полномочий, закреплённых в Законе «О прокуратуре»:

- проведение заседаний координационного совещания, организация временных комиссий (рабочих групп);
- дача письменных указаний по вопросам организации борьбы с преступностью и коррупцией, деятельности в сфере профилактики правонарушений, обязательных для исполнения;
- заслушивание отчетов руководителей государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией, а также отчеты руководителей субъектов профилактики правонарушений по вопросам профилактики правонарушений;
- истребование необходимой информации;
- представление в установленном порядке Президенту Республики Беларусь, Совету Министров Республики Беларусь, Национальному собранию Республики Беларусь, местным представительным, исполнительным и распорядительным органам информации о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией, деятельности в сфере профилактики правонарушений и внесение предложений о мерах по борьбе с преступностью и коррупцией, совершенствованию деятельности в сфере профилактики правонарушений;
- информирование общественности о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией, правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, деятельности по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, а также о деятельности субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений через средства массовой информации [1, ст.12].

В действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствует легальное определение понятия «координирующая функция прокуратуры», что прежде всего вызывает потребность в его определении. В юридической литературе в самом общем виде под координацией понимают согласованность действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью и коррупцией. В целом такой подход является правильным, однако он нуждается в

корректировке, так как противодействием преступности и коррупции в настоящее время занимаются не только правоохранительные органы в традиционном их понимании, но и другие государственные органы и иные организации [3, с. 250].

Одной из ключевых задач органов прокуратуры является осуществление от имени государства надзора за точным и единообразным исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции

Закон «О прокуратуре» закрепляет перечень полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере борьбы с коррупцией.

Прокурор при выявлении нарушений законодательства о борьбе с коррупцией вправе применить следующие меры реагирования:

- даёт письменные указания, обязательные для исполнения правоохранительными органами, осуществляющими противодействие коррупции;
- опротестовывает правовые акты и решения (действия) республиканских органов государственного управления;
- выносит постановление об освобождении лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию, в связи с совершением правонарушения коррупционной направленности;
- вносит представления, предписания и официальные предупреждения, обязательные для исполнения соответствующими государственными органами;
- выносит постановления о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности;
- выносит постановление о возбуждении уголовного дела [4, с.88].

Органы прокуратуры осуществляют противодействие коррупции путем осуществления надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства и законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по материалам о коррупционных преступлениях. Статья 34 Уголовно-процессуального кодекса подробно регулирует деятельность прокурора при осуществлении уголовного преследования и поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам о коррупционных преступлениях.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь осуществляет информационное обеспечение борьбы с коррупцией. С этой целью осуществляется сбор, хранение, анализ и обобщение информации о фактах, свидетельствующих о коррупции. В Генеральной прокуратуре Республики Беларусь ведутся единые банки данных о состоянии борьбы с коррупцией. Они формируются на основании информации, представляемой правоохранительными органами, осуществляющими противодействие коррупции.

Таким образом, можно выделить три основных функции прокуратуры в деятельности, направленной на борьбу с коррупцией:

- 1) координирующая;

- 2) надзорная;
- 3) информационная.

Исходя из вышеизложенного представляется возможным выделить проблему, существующую при реализации прокуратурой своих полномочий – совмещение надзорной и координирующей функции в «одних руках». Ю.И. Асташонок и Н.Л. Сергеенко указывают в своих работах, что прокуратура, как надзорный орган, наделена такими функциями, которые ей не должны быть свойственны, упоминая координирующую функцию. Таким образом получается, что прокуратура, осуществляя координационную деятельность, фактически приобретает властно-распорядительные полномочия в отношении руководителей правоохранительных органов. Координация немыслима без конкретных организационно-распорядительных действий прокурора, она включает в себя руководство, а, следовательно, и вмешательство в непосредственную деятельность правоохранительных органов. Мы согласны с данной позицией и, на наш взгляд, для более действенного механизма по борьбе с коррупцией такие функции необходимо распределить.

Список использованных источников:

1. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., №220-3: в ред. от 10 декабря 2020 г. № 63-3 [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 305-3: в ред. от 10 декабря 2020 г. № 63-3 [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Сенько, А.С. Теоретические аспекты координирующей функции прокуратуры/ А.С. Сенько// Право и демократия сб. науч. тр. Вып. 20/ редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С.249–263.
4. Хлус, А.М. Роль прокуратуры в борьбе с коррупцией и коррупционными правонарушениями/А.М. Хлус//Судебно-правовая политика на современном этапе: проблемы, тенденции и перспективы: результаты, проблемы и тенденции: Материалы III Междунар. науч.- практ. конф. (30 ноября 2017 г.). – С. 86–96.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Н. Студенцова

Ключевые слова: трудовое право, тенденции развития, инновации в трудовом законодательстве.

Факторы открытой границы между Беларусью и Россией, отсутствие языкового барьера и тесные общественно-политические и экономические отношения между двумя государствами создают предпосылки для активной трудовой миграции. Миграционные процессы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией имели место на протяжении всего периода независимости этих государств. И на сегодняшний день миграция между двумя странами показывает стабильный рост. Исходя из этого, имеет смысл определить наметившиеся тенденции в развитии трудовых правоотношений в вышеуказанных государствах.

Законодательство о труде должно находиться в процессе непрерывного совершенствования и развития, отвечая реалиям времени. С 28 января 2020 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь действует в новой редакции. Только в текущем году в него вносились изменения и дополнения дважды: Законом Республики Беларусь от 06.01.2021 N 90-З и от 28.05.2021 N 114-З.

С начала 2020 года произошел ряд изменений, наиболее значительными из которых стали новшества в контрактной системе найма. Так, с 28.01.2020 начали действовать новые правила продления контрактов и заключения новых. С работником, не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, контракт по соглашению сторон продлевается до истечения максимального срока действия контракта (пять лет). На меньший срок продлить можно, но только с письменного согласия такого работника. А если пятилетний срок контракта истек, то новый контракт с добросовестным работником заключается минимум на три года. Можно и на один или два года, но опять-таки с письменного согласия работника.

Изменился порядок изменения существенных условий труда. С 28.01.2020 наниматель обязан предупреждать своих работников об не позднее чем за один месяц.

Появился новый вид временного перевода. Так, наниматель имеет право перевести работника на другую работу, в том числе в другую местность, а также к другому нанимателю при соблюдении следующих условий:

- наличие письменного согласия работника;
- срок перевода не превысит шести месяцев в течение календарного года.

Уточнен порядок суммирования трудовых отпусков. Закреплено, что дополнительный поощрительный отпуск по ст. 160 ТК присоединяется к 24-дневному основному трудовому отпуску. А вот дополнительный поощрительный отпуск за работу по контракту присоединяется к основному отпуску, на который работник имеет право. То есть не обязательно к 24 календарным дням. Для тех работников, которые имеют право на отпуск продолжительностью более 24 календарных дней, дополнительный поощрительный отпуск за работу по контракту присоединяется к их основному отпуску (например, к 30 дням у работника-инвалида).

У работников-отцов появилась возможность при рождении ребенка взять отпуск без сохранения заработной платы до 14 календарных дней. Воспользоваться данным правом работник может в течение шести месяцев с даты рождения ребенка. Отказать в предоставлении такого отпуска наниматель не вправе.

Теперь совместители могут работать полный рабочий день (смену) во время своего трудового отпуска по основному месту работы. Напомним, что ранее такая возможность предоставлялась, только если совместитель находился в социальном отпуске по инициативе нанимателя из-за временной приостановки работ или уменьшения их объема.

Появилось новое основание увольнения. Так, трудовой договор с совместителем может быть прекращен из-за того, что работа по совместительству становится для него основной.

Что касается новаций в российском трудовом законодательстве, в 2021 г. вступили в действие ряд нормативных правовых актов, существенно изменяющих регулирование социально-трудовых отношений. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на три основные тенденции развития трудового законодательства в 2021 г., неразрывно взаимосвязанные:

Первая тенденция – поэтапный перевод всех видов кадрового делопроизводства на электронный документооборот.

С 1 января 2021 г. в полном объеме вступили в силу поправки в ТК РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде (Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ). В соответствии с ними работникам, трудовые отношения с которыми оформляются впервые, заводятся только электронные трудовые книжки, а заключившие трудовой договор до 2021 г. работники уже реализовали право на выбор электронного или бумажного формата трудовой книжки – с правом отказа от бумажного в дальнейшем. При этом работодатели с 2021 г. передают в ПФР сведения о работниках (независимо от способа ведения их трудовой книжки) именно в электронном виде и отражают в них все аспекты трудовых отношений в режиме реального времени (прием на работу, увольнение, перевод).

До 31 марта продолжается предусмотренный Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» (далее – Закон об электронном кадровом эксперименте) эксперимент, в соответствии с которым

работодатели тестируют ведение всего кадрового делопроизводства в электронном виде, в том числе издают приказы и иные локальные акты (положения об оплате труда, правила внутреннего трудового распорядка и т.п.). Организации-участники теперь могут вести такой документооборот на портале «Работа в России», что планируется сохранить и по завершении эксперимента. Посредством данного портала работники и работодатели в перспективе смогут заключать и расторгать трудовые договоры.

С первой тенденцией развития трудового законодательства неразрывно связана вторая – развитие цифровизации всех видов госуслуг в социально-трудовой сфере, причем пандемия только ускорила этот процесс. Правительство продлило до 31 декабря 2021 г. и расширило эксперимент по применению цифрового профиля гражданина, дополнив перечень данных о гражданине информацией из его электронной трудовой книжки, а также о статусе пенсионера и предпенсионера.

Портал «Работа в России», который первоначально задумывался как банк вакансий, по сути, становится для работников и работодателей способом взаимодействия по кадровому эксперименту введения электронного документооборота (оформление трудовых отношений), а также через него передается информация работодателей о вакансиях в службу занятости в режиме реального времени (а не раз в месяц, как ранее), а работники могут дистанционно взаимодействовать со службой занятости – в частности, получать статус безработного.

И, наконец, можно выделить третью тенденцию – совершенствование правового регулирования дистанционного труда. 1 января вступила в силу новая редакция гл. 49.1 ТК РФ, регулирующей дистанционный труд, которая призвана в первую очередь решить проблемы актуальных в пандемию временных и постоянных форм удаленной занятости. Важно отметить, что для дистанционных работников уже с 2021 г., по сути, применяется полноценный электронный кадровый документооборот, и даже трудовой договор можно заключить и расторгнуть в электронной форме.

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации намечается уклон в цифровизацию трудовых правоотношений, равно как и иных сфер жизни общества.

Проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере закреплено в одной из 28 союзных программ интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации. Сторонами достигнуты договоренности о выработке единых подходов по гармонизации законодательства в части трудовых отношений и охраны труда, занятости населения, социального страхования и пенсионного обеспечения, поддержки семей с детьми, социального обслуживания и социальной поддержки отдельных категорий граждан.

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь, 6 июля 1999 г. № 296-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации, 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – Дата доступа: 09.11.2021
3. Миграция населения. Годовые данные. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/godovye-dannye/> – Дата доступа: 07.11.2021.
4. Андреев П.В. Трудовые отношения: вектор на цифровизацию. Тенденции и перспективы развития социального и трудового законодательства в 2021 году / П.В. Андреев // Адвокатская газета. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/trudovye-otnosheniya-vektor-na-tsifrovizatsiyu/> – Дата доступа: 08.11.2021.

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: МЕСТО И РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Л.Ф. Трацевская

Ключевые слова: свободная экономическая зона, экспортно-производственная зона, Беларусь, Южная Корея, резиденты, правовое регулирование.

В современных условиях важнейшим направлением функционирования национальных экономических систем выступает расширение внешне-экономической деятельности и укрепление ее правового обеспечения. Среди инструментов, содействующих решению этой проблемы, особая роль отводится специальным территориальным структурам, получившим обобщающее название «свободная экономическая зона» (СЭЗ), и их правовому регулированию.

Главная цель создания СЭЗ заключается в более глубоком включении национальных экономик в международное разделение труда. Большинство свободных экономических зон представляют собой так называемые экспортно-производственные зоны (ЭПЗ), которые обычно вывозят почти всю производимую продукцию на внешние рынки. Больше всего экспортно-производственных зон создано в развивающихся странах Юго-Восточной Азии, в первую очередь новых индустриальных. В настоящее время в данном регионе функционирует около ста таких зон.

Среди наиболее эффективных и хорошо зарекомендовавших себя следует отметить ЭПЗ Республики Корея. В странах с переходной экономикой, в число которых входит Республика Беларусь, свободные экономические зоны также получили развитие в качестве инструментов, способных привлечь иностранные инвестиции и способствующих экономическому росту. По характеру функционирования белорусские СЭЗ представляют собой экспортно-производственные зоны, резидентами которых являются субъекты малого и среднего предпринимательства. Как суверенное государство Беларусь, стремясь развивать национальную экономику, открыта для конструктивного делового партнерства и восприятия способствующего этому опыта других стран. Республика Корея является одним из ведущих торговых партнеров Республики Беларусь. В связи с этим сравнительный анализ правового регулирования создания и функционирования свободных экономических зон Республики Беларусь и Республики Корея позволит, по нашему мнению, определить, в каком направлении стоит развивать деятельность в этой сфере.

Регулированию свободных экономических зон в Южной Корее посвящен Закон об учреждении и управлении свободными экономическими зонами (Act on Designation and Operation of Free Economic Zones) и Закон о поощрении иностранных инвестиций (Foreign Investment Promotion Act). В Законе об учреждении и управлении свободными экономическими зонами дается определение СЭЗ и цели их создания. Согласно данному нормативному правовому акту под свободной экономической зоной (Free Economic Zone – FEZ) понимается «зона, учрежденная с целью создания благоприятного делового климата для предприятий с иностранными инвестициями, а также условий жизни для иностранных граждан» [1]. Среди основных причин создания южнокорейских СЭЗ этот Закон выделяет: повышение национальной конкурентоспособности и поиск путей сбалансированного развития регионов страны. Кроме того, в нем закреплено, что рассмотрением вопросов, связанных с развитием и функционированием свободных экономических зон, занимается Комитет по свободным экономическим зонам при Министерстве экономики Республики Корея, который при планировании их создания должен учитывать:

- возможность привлечения иностранных инвестиций;
- влияние на устойчивое и комплексное развитие региона базирования и его экономики;
- развитие инфраструктуры;
- обеспечение экологической безопасности функционирования;
- поддержку СЭЗ со стороны органов местного самоуправления.

В настоящее время в Южной Корее действует 8 свободных экономических зон, находящихся на различных стадиях развития: СЭЗ Инчхон, СЭЗ Пусан-Джинхе, СЭЗ залива Гваньянг, СЭЗ Желтого моря, СЭЗ Тэгу-Кенбук, СЭЗ Сэмангым Кунсан, СЭЗ Восточного побережья, СЭЗ Чунбук. Согласно

Закону о поощрении иностранных инвестиций данные СЭЗ в силу своего местоположения определены для того, чтобы не только сконцентрировать на своих территориях наукоемкую промышленность, но и стать логистическими центрами, связывающими Южную Корею с Японией, Китаем, странами СНГ и ЕС, а также центрами международного туризма и развлечений, международного образования, медицины [2]. В соответствии с указанным законодательством в Республике Корея иностранным гражданам разрешено владеть предприятиями, зарегистрированными в свободных экономических зонах, а инвесторам гарантирована репатриация прибыли и капитала за пределы страны. Все предприятия-резиденты южнокорейских СЭЗ, занятые в сфере высоких технологий или в бизнесе, связанном с сервисным обслуживанием промышленных предприятий, освобождаются от уплаты налогов сроком на 5 лет. Кроме того, в течение последующих двух лет для данных предприятий предусмотрена возможность уплаты налогов в размере 50% от суммы причитающегося налогового платежа [2].

Что же касается Республики Беларусь, то свободные экономические зоны как институт рыночной экономики занимают особое место в ее национальной правовой системе. Основы правового регулирования создания и функционирования белорусских СЭЗ установлены следующими основными нормативными правовыми актами, регламентирующими их деятельность: Законом Республики Беларусь от 07.12.1998 N213-З «О свободных экономических зонах»; Указом Президента Республики Беларусь от 09.06.2005 N262 «О некоторых вопросах деятельности свободных экономических зон на территории Республики Беларусь»; Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21.05.2009 N 657 «Об утверждении положений о свободных экономических зонах и внесении изменений и дополнений в постановления Совета Министров Республики Беларусь (признании отдельных из них либо их положений утратившими силу) по вопросам деятельности свободных экономических зон».

В соответствии с обозначенными нормативными правовыми актами свободная экономическая зона – это часть территории Республики Беларусь с определенными границами, в пределах которой в отношении резидентов этой свободной экономической зоны устанавливается и действует специальный правовой режим для осуществления ими инвестиционной и предпринимательской деятельности [3]. Законодательство Беларуси, так же как и законодательство Южной Кореи, трактует целью создания СЭЗ содействие социально-экономическому развитию страны и ее регионов, привлечение инвестиций в создание и развитие экспортно-ориентированных и импортозамещающих производств, основанных на высоких технологиях.

В настоящее время в Беларуси функционирует шесть свободных экономических зон: СЭЗ «Брест», СЭЗ «Минск», СЭЗ «Гомель – Ратон», СЭЗ «Витебск», СЭЗ «Могилев», СЭЗ «Гродноинвест». Как и в Республике Корея, в Республике Беларусь на территории свободных экономических зон действует

специальный таможенный, регистрационный и налоговый режим, предоставляющий их резидентам возможность работать в особых льготных условиях.

В качестве наиболее значимых льгот и преференций следует выделить:

1. Освобождение от налога на прибыль прибыли резидентов СЭЗ, полученной от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства на экспорт или другим резидентам белорусских СЭЗ.

2. Освобождение от налога на недвижимость в течение трех лет с момента регистрации в качестве резидента по зданиям и сооружениям, возникшим (приобретенным) в этот период.

3. Освобождение от уплаты земельного налога и арендной платы за земельные участки.

Как и для участников южнокорейских СЭЗ, налоговые и таможенные льготы для резидентов СЭЗ Беларуси являются весомым преимуществом перед условиями для инвесторов вне зоны, способствуя налаживанию эффективной инвестиционной деятельности в государстве. Налоговые льготы для инвесторов позволяют снизить сумму выплат до 50% от суммы налогов, уплачиваемых в Республике Беларусь.

В итоге можно отметить, что свободные экономические зоны в Южной Корее и Беларуси выступают средством привлечения иностранных инвестиций в национальные экономики, способствуя экономическому росту и повышению их конкурентоспособности. Осознание их важной роли в современном социально-экономическом развитии обеих стран нашло свое отражение в правовом регулировании формирования и функционирования СЭЗ, состоящем в создании и применении соответствующих нормативно-правовых актов. Законодательство обеих стран предполагает установление государством особого режима управления, наиболее благоприятного для деятельности иностранных и отечественных предпринимателей, для привлечения внешних и внутренних инвестиций. Этот режим предусматривает особые льготы для осуществления торговых операций (вплоть до отмены экспортно-импортных пошлин), налоговые льготы (вплоть до отмены налогообложения), финансовые льготы на предоставление коммунальных и иных услуг и административные льготы, облегчающие процедуры въезда и выезда, регистрации предприятий и т.д. Государственное правовое регулирование деятельности свободных экономических зон Южной Кореи и Беларуси обеспечивает надежный контроль над выполнением СЭЗ своих обязательств перед иностранным инвестором и создает для них благоприятную экономическую среду.

Список использованных источников:

1. Act on Designation and Operation of Free Economic Zones (Republic Korea) No. 6835, ed. by Ministry of Legislation on Dec. 30, 2002 // Statutes of the Republic Korea, Vol. 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elaw.klri.re.kr/kor_service/ebook.do?hseq=18932#1. – Дата доступа: 9.09.2021.

2. Foreign Investment Promotion Act (Republic Korea) No. 5559, ed. by Ministry of Legislation on Sep. 16, 1998 (as amended by Act No. 8368, Apr. 11, 2007) // Statutes of the Republic Korea, Vol. 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elaw.klri.re.kr/kor_service/ebook.do?hseq=18932#1. - Дата доступа: 14.09.21.

3. О свободных экономических зонах: Закон Респ. Беларусь, 07 дек.1998 г., №213-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // ЭТАЛОН.Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.В. Янч

Ключевые слова: право, общество, социальный контроль, социальный институт, социальная группа, индивид, агенты социального контроля, дозволения, позитивные обязывания, санкции.

Ни один тип общества не может существовать без системы социальной организации. Она обеспечивает упорядоченность общественных отношений через создание и поддержание совокупности общих базовых нормативных установлений, которым должны следовать все члены общества. Для поддержания порядка и противодействия девиантным формам поведения возникает социальный контроль. В Философском энциклопедическом словаре социальный контроль понимается как «совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т.п.), посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении...» [1, с.639]. Социальный контроль можно рассматривать в нескольких аспектах.

На институциональном уровне он представляет собой совокупность социальных институтов (агентов социального контроля), которые на основе властных полномочий либо статуса и авторитета осуществляют непосредственное воздействие на поведение индивидов и социальных групп. Нормативный порядок, создаваемый в результате действий агентов социального контроля, приводит разнообразные диффузные социально-ролевые статусы в соответствие с фундаментальными принципами социальной организации конкретного типа общества. В результате и сами агенты и создаваемые ими нормативные установления выстраиваются в иерархически организованную систему социального контроля.

Эффективность функционирования такой системы теснейшим образом связано с её легальностью и легитимностью. «Легальность нормативного порядка имеет своим источником законодательную деятельность государства; нарушение легального порядка не означает его устранение, но предполагает реакцию специализированного контроля на девиантные действия. Легитимность относится к модусному свойству легального порядка. Её источник – ориентация людей на культурные стандарты, которым в представлении членов общества соответствует существующий порядок» [2, с. 56]. Иначе говоря, для того, чтобы агенты социального контроля могли эффективно выполнять свои социальные функции, им недостаточно действовать легально, в рамках закона. Важно то, как их статус и действия оцениваются обществом с позиций легитимности. То есть, в идеале общество обязано добровольно следовать нормативным требованиям власти, а для этого такие требования должны согласовываться с представлениями людей о законности, добре и справедливости.

На функциональном уровне социальный контроль представляет собой совокупность механизмов с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на поведение адресатов социального контроля (запреты, позитивные обязывания, санкции). Эти механизмы можно разделить на две категории: официальные и неофициальные. Официальные являются результатом реализации нормативных установлений, создаваемых органами государственной власти. Посредством этих механизмов осуществляется внешний контроль. Неофициальные механизмы создаются неформальными агентами социального контроля (семья, социальные группы, церковь) и реализуют внутренний контроль, воздействуя на сознание и мотивационно-волевую структуру личности.

Отсутствие государственного нормативного регулирования в первобытных обществах не означало отсутствия в них социального контроля. В этих обществах почти нет следов власти за пределами семьи, но когда возникала ситуация, требующая коллективных действий, временно назначался лидер из старейшин племени либо иной авторитетный человек из общины, которые определяли порядок разрешения спора либо наложения санкций, порой тем самым создавая социальную норму. Такая норма становилась своеобразным законом, протоправом, так как в случаях её нарушения следовала реакция со стороны индивида или группы, обладающих социально признанной привилегией действовать таким образом. То есть отсутствие государственной власти не означает анархию. В последствии при распаде первобытного строя именно старейшины и иные авторитетные лица (вожди, жрецы) стали частью того, что сегодня мы называем государственным аппаратом.

Исходя из вышесказанного, *социальный контроль* можно определить как *совокупность социальных институтов, создающих механизмы давления на индивидов, социальные группы и общество в целом, с целью поддержания социального порядка и сплоченности*. Эти механизмы устанавливают и

обеспечивают соблюдение стандарта поведения для членов общества и включают в себя множество компонентов, таких как принуждение, сила, стыд, сдерживание и убеждение. Социальный контроль осуществляется через отдельных лиц и учреждения, начиная от семьи и сверстников и заканчивая такими институтами, как государство, религиозные организации, школы и трудовые коллективы. Независимо от источника, цель социального контроля – поддерживать соответствие установленным нормам и правилам.

Социальный контроль обычно используется членами группы как реакция на любого, кого они считают отклоняющимся, проблемным, угрожающим или нежелательным, с целью обеспечения соответствия. Социальный контроль осуществляется как на макро, так и на микроуровнях. Макросилами социального контроля выступают правоохранительные и правоприменительные государственные органы, используемые для поддержания порядка и привлечения, в случае необходимости, к юридической ответственности. Социальный контроль на макроуровне также обеспечивают политические и религиозные институты, а также властвующие элиты путём установления норм (в том числе и правовых), предлагаемых обществу в качестве обязательных к исполнению либо соблюдению.

С другой стороны, социальный контроль осуществляется в процессе социализации и на микроуровне под влиянием родителей, родственников, сверстников, неформальных лидеров. Индивид усваивает социальные нормы, и они становятся частью его личности. В процессе социализации растущий ребёнок узнаёт ценности своих групп, а также общества в целом, постигает способы поведения и мышления, которые расцениваются как правильные и неправильные.

Социальный контроль преследует следующие цели:

1. восстановление целостности и стабильности социальной системы. Речь идёт о том, что общество стремится найти баланс между традиционными и инновационными формами существования. Первоначально любые новации воспринимаются как угроза существующему порядку и стабильности. Проявляется стремление общества заставить своих членов жить так, как жили их предки. В реализации этой цели активно участвуют семья, церковь, старейшины, которые имеют значительную неформальную власть над членами семей и других социальных групп. И хотя соблюдение старого порядка в меняющемся обществе может препятствовать социальному прогрессу, все же большинство считает, что необходимо поддерживать преемственность и единообразие в обществе.

2. Регулирование индивидуального поведения. Социальный контроль необходим для того, чтобы регулировать индивидуальное поведение в соответствии с социальными целями и социальными ценностями. Это помогает поддерживать общественный порядок. Если индивиды не будут жить согласно предписанным нормам поведения и если их корыстные побуждения не будут подчинены благосостоянию целого, будет довольно сложно эффективно поддерживать социальную организацию.

3. *Подчинение социальным решениям.* Общество принимает определённые решения. Эти решения принимаются для того, чтобы поддерживать ценности общества и не всегда разделяются всеми его членами. Посредством социального контроля делается попытка заставить подчиняться социальному решению.

4. *Установление социального единства.* Единство невозможно без социального контроля. Социальный контроль регулирует поведение людей в соответствии с установленными нормами, что обеспечивает единообразие поведения и единство людей.

5. *Поддержка социальной солидарности.* Социальный контроль призван вызывать чувство солидарности в умах людей. В конкурентном мире существует разделение людей по имущественному, образовательному, расовому, гендерному и иным критериям. Зачастую преодолеть эти различия просто невозможно. Это влияет на социальную гармонию и общественный порядок. В этих условиях социальный контроль призван нивелировать наиболее неприемлемые формы поведения, провоцирующие социальные антагонизмы.

6. *Для наложения социальных санкций.* Любое заметное отклонение от принятых норм считается угрозой благополучию группы в целом. Поэтому группа применяет санкции, чтобы контролировать поведение отдельных лиц. Социальный контроль обеспечивает социальную санкцию к социальным способам поведения. Социальные санкции можно разделить на две категории - первичные и вторичные. Первичные социальные санкции - это непосредственные санкции, адресуемые индивиду. Первичные санкции бывают двух типов - позитивные санкции, т.е. одобряемое поведение, и негативные санкции, неодобряемое поведение. И позитивные, и негативные санкции можно разделить на две группы - организованные и диффузные. Некоторые из социальных санкций, независимо от того, являются ли они позитивными или негативными, осуществляются в соответствии с традиционной и признанной процедурой. Они относятся к "организованной группе". С другой стороны, иногда общество выражает одобрение или неодобрение поведения совершенно спонтанно. Они составляют "диффузную группу". Организованные и диффузные санкции в конечном итоге оказывают общее кумулятивное воздействие на общество в целом и помогают в восстановлении равновесия, обеспечивая коллективное выражение социального одобрения.

7. *Содействие культурной адаптации.* Общество подвержено изменениям. В нём по-прежнему рождаются новые изобретения, новые философские и религиозные учения, новые формы семьи, новые культурные стандарты. Человек должен приспосабливать своё поведение к изменениям, происходящим в обществе. Но все люди не могут одинаково приспособиться к новым условиям. Одни становятся прогрессивными, другие остаются на консервативных позициях. В субкультурах нарушение норм порой становится трендом, своеобразной модой. Получают распространение, а порой и одобрение, девиантные формы поведения. Причиной тому – неправильная

культурная адаптация. В этих условиях возрастает значение социального контроля как механизма, препятствующего культурной дезадаптации.

Наиболее мощными нормативными регуляторами в системе социального контроля являются право, мораль, религия, политика, корпоративные нормы. Среди них право занимает доминирующее положение, которое обусловлено двумя факторами. С одной стороны, правовые предписания обеспечиваются принудительной силой государства. Выполнение предписаний иных социальных регуляторов реализуется за счет таких факторов как совесть, общественное мнение, религиозные убеждения. Во-вторых, именно право определяет место иных социальных регуляторов в системе нормативного регулирования.

Список использованных источников

1. Философский энциклопедический словарь / глав. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Норма, 1983. – 840 с.
2. Пестов, Р.А., Соколов, В.А., Чернобровкина, Н.И. Социально-философская концепция легитимации социального контроля / Р.А. Пестов [и др.] // Философия права. – №4 (87). – 2018. – С.54-59.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА МОДЕРНИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.А. Янчук

Ключевые слова: Конституция, государственная идеология, социальная ориентация, социальное государство, социалистическое государство.

Актуальность исследования состоит в том, что в современных условиях неуклонно возрастает роль социального развития человека как фактора качества экономического роста. Социально-экономическая активность отдельного человека и общества в целом, прежде всего, определяется степенью социальной ориентации национальной экономики. Поэтому целью исследования является выяснение содержания и признаков перспективной белорусской экономической системы.

В статье анализируется соотношение категорий «социальное государство» и «социалистически ориентированное государство». С этой целью на основе матрицы социальных индикаторов определяется классификация государств по признаку социальной ориентации национальных экономических систем. Ее образуют либеральные капиталистические, социализированные капиталистические и социалистически ориентированные государства.

Для стран с переходной экономикой важно определить содержание и качество социальных отношений, понять законы и тенденции развития общества и на этой основе конструировать правовые механизмы государственного регулирования и управления. Для анализа этой проблемы необходим

соответствующий категориальный аппарат. Многие обществоведы из постсоветских республик, на наш взгляд, не вполне четко представляют, в каком соотношении находятся такие категории, как «социальный» и «социалистический». На это, в частности, справедливо указывает Г.А. Василевич – видный белорусский юрист, профессор. В конституциях, например, Республики Беларусь и Российской Федерации, в качестве сущностной характеристики государства используется категория «социальное государство», но при этом ее содержание в достаточной мере не раскрывается. И с этой точки зрения вряд ли можно согласиться с мнением Г. А. Василевича о том, что социальное государство принципиально отличается от социалистического [1, с. 98-99]. Любое государство по своей сущности является социальным. Сама государственность возникает только на определенном уровне развития социальных отношений и выражает либо национальный интерес, либо интересы какого-либо класса. Категория же «социальный» в свой объем включает, на наш взгляд, и категорию «социалистический» в качестве подчиненного элемента.

Изучение ныне ещё действующей Конституции Республики Беларусь показывает, что это в целом добротный документ, обладающий высшей юридической силой. У нас президентская республика во главе с сильным Президентом А. Лукашенко. И сравнивать институты президентской власти в Беларуси и в странах на Западе, например, в США, как это нередко делается, не совсем корректно. В США и в некоторых других развитых странах президенты занимаются главным образом внешней политикой. Наш же Президент отвечает за проведение как внешней, так и внутренней политики. Почему в настоящее время нам нужен такой сильный Президент, как А. Лукашенко? *Во-первых*, у нас компактная страна средних размеров, хорошо управляемая. *Во-вторых*, вряд ли в настоящее время в Беларуси есть ещё один человек, вышедший из народа, управленец высшей категории, обладающий такими компетенциями. *В-третьих*, коллективный Запад с его тоталитарной буржуазной демократией ведет против нас не объявленную гибридную войну, а коней на переправе не меняют. *В-четвертых*, нам надо выдержать и испытание коронавирусом, который проверяет власть, здравоохранение и наш строй вообще на прочность.

По инициативе нашего Президента А. Лукашенко была введена, апробирована на практике и доказала свою состоятельность такая форма народовластия, как Всебелорусское народное собрание. Таким образом продолжается восточнославянская традиция принимать важнейшие решения на всенародных собраниях. Вспомним Новгородские Вече. В СССР проекты пятилеток экономического и социального развития страны обсуждались во всех трудовых коллективах, министерствах и ведомствах, съездах КПСС и принимали силу закона на сессиях Верховного Совета СССР. Эта традиция нашла в Беларуси свое продолжение. Ценность таких собраний состоит в том, что на них представлены все социальные слои нашего общества и, следовательно, их представители не только принимают решения по вопросам социального и экономического развития Беларуси, но и обязаны их

выполнять и несут за это ответственность. Именно поэтому статус Всебелорусского народного собрания должен быть закреплён в Конституции. И при этом, как отметил Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, важно перераспределить властные полномочия так, чтобы между различными органами государственной власти была сохранена сбалансированность.

Вместе с тем ясно, что у Конституции Республики Беларусь есть и родимые пятна, наследство С. Шушкевича, Председателя Верховного Совета Республики Беларусь (1991-1994), незаконно подписавшего Беловежское соглашение. В чем они состоят? Важной задачей любой конституции является сплочение народа, его единство. При этом будем иметь в виду, что качество конституции прежде всего зависит от идеологии, которая положена в её основу. Для Беларуси это особенно важно, поскольку она находится в переходном состоянии. Поэтому надо определить содержание и качество социальных отношений, понять законы и тенденции развития общества и на этой основе конструировать правовые механизмы государственного регулирования и управления.

В современных условиях Республике Беларусь выбирать приходится из трех базовых идеологий: либеральной капиталистической, социализированной капиталистической и социалистически ориентированной. В Конституции Беларуси представлены все три идеологии.

Либеральным является атомистический взгляд на общество, когда основное внимание уделяется индивиду, личности, но почти полностью игнорируются коллективы людей, объединенных в различные организации. Модель либерального капиталистического государства предполагает ориентацию Правительств стран в первую очередь на капиталистов-предпринимателей. В этой модели высока дифференциация населения по доходам и по величине личного имущества. Джозеф Стиглиц, Лауреат Нобелевской премии, американский экономист, например, указывает на то, что в США 1% населения принадлежит до четверти национального дохода [2]. Поэтому в разделе II ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО следует описать не только права человека, но и такие государствообразующие организации, как профсоюзная, молодежная (БРСМ), трудовые коллективы государственных предприятий и посвятить им ряд статей Конституции. Важно, как показали события августа-декабря прошлого года, больше внимания уделить трудовым коллективам, прежде всего, крупных государственных предприятий и посвятить им, по опыту СССР, отдельную статью, например, такую: «Трудовые коллективы государственных предприятий участвуют в обсуждении важных событий на уровне предприятия и государства и принятии решений, в планировании производства и социального развития, использовании средств, предназначенных для развития производства и на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение». Это позволит на практике реализовать одно из направлений укрепления народного единства в стране.

Вряд ли можно согласиться со статьёй 4 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов и мнений».

Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан».

Аналогичная статья, но более определенная, есть и в Конституции Российской Федерации (12.3), где сказано о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но, в связи с этим возникает естественный вопрос: какое единство народа может быть в этом случае, если государственная идеология не определена? Такой идеологией, объединяющей большинство народа в единое целое, на мой взгляд, является идеология социальной справедливости, социалистическая идеология, в основе которой лежат принципы равноправия и сотрудничества, взаимопомощи и единства народа, а государство выражает национальные интересы.

Во втором разделе Конституции Республики Беларусь, на мой взгляд, абсолютизируются права отдельного абстрактного человека, но недооцениваются права общественных организаций и национальные интересы в целом. В ст. 2 говорится о том, что «высшей ценностью и целью общества и государства» являются права и свободы человека и гарантии их реализации. При этом неясно, о каких правах и свобода человека идет речь прежде всего. Перед нами типичный либеральный штамп, с которым трудно согласиться. Высшей целью общества и государства, на мой взгляд, является создание предпосылок для обеспечения безопасности и расширенного воспроизводства здорового и нравственно развитого населения страны и личности. Кроме того, не принимается в расчет и то обстоятельство, что права отдельного человека, должны быть сбалансированы с его обязанностями и ответственностью. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Предприниматель, например, имеет право заниматься хозяйственной деятельностью, не запрещенной законодательством Республики Беларусь. Вместе с тем он обязан выполнять все обязательства, вытекающие из действующего законодательства и заключенных им договоров (контрактов). В противном случае он несет имущественную ответственность.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что в Конституции Республики Беларусь следовало в большей мере отражена модель общества, основанная на принципах равноправия, сотрудничества, взаимопомощи и единства народа. В этой модели государство выражает национальные интересы и, следовательно, является подлинно демократическим.

Список использованных источников:

1. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г.А. Василевич. – Минск: Вышэйшая школа, 2016. – 399 с.
2. Стиглиц, Джозеф. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Джозеф Стиглиц ; [перевод с английского Ф. А. Исрафилова]. – Москва: Эксмо, 2016. – 480 с. (Top Economics Awards).

РАЗДЕЛ 2

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЕГО ОХРАНА

В.А. Барышев

Ключевые слова: культурные ценности, собственность, возврат, охрана реституция, конвенция.

В октябре этого года решением Амстердамского апелляционного суда скифское золото, принадлежавшее четырем музеям Крыма, находившееся на временной выставке в Нидерландах по договору культурного обмена, признано собственностью Украины, куда оно и должно быть возвращено. Около двух тысяч артефактов были предоставлены крымскими музеями для экспонирования в Германии, а затем в Нидерландах в феврале 2014 года, когда Крым находился в составе Украины. Фактическое изменение статуса Крыма, не признанное большинством государств мира, привело к спору между Украиной и Россией: в какую страну должны быть возвращены культурные ценности крымских музеев. Это судебное решение, несмотря на то, что имеется процессуальная возможность обжаловать его в Верховном суде Нидерландов, которая, очевидно, будет использована российской стороной, привлекло широкое международное внимание к проблеме права собственности государств на культурные ценности.

Цель статьи: анализ международных и национальных актов по охране культурных ценностей.

Материалом исследования послужили международные и национальные акты по охране права собственности на культурные ценности. В качестве методологии статьи использованы анализ, синтез, сравнительное правоведение.

Впервые определение понятия «культурная ценность» было сформулировано в Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года.

В Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года (для Республики Беларусь действует с 28 июля 1988 года), культурными ценностями определены: ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки [1].

Под культурными ценностями в Конвенции УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 года

понимаются ценности, которые с точки зрения религиозной или светской обладают важностью для археологии, предистории (антропологии), истории, литературы, искусства или науки.

В настоящее время в каждом государстве имеется свое, национальное определение этого понятия, при этом, в одной и той же стране в различных отраслях права могут применяться разные определения. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 года №98-З «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» содержит следующее определение историко-культурных ценностей: материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человека (нематериальная историко-культурные ценности), которые имеют уникальные духовные, художественные и (или) документальные ценности и, которым придан статус историко-культурной ценности (ст.1) [2].

Вопрос охраны культурных ценностей относится к сфере деятельности Организации Объединенных Наций по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО), под эгидой которой были приняты Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. и рекомендации по ее выполнению.

Конвенция ЮНЕСКО 1970 года содержит следующие обязательства для государств-участников:

а) учредить соответствующее свидетельство, которым государство-экспортер удостоверяет, что оно дало разрешение на вывоз одной или нескольких культурных ценностей. Это свидетельство должно прилагаться к одной или нескольким культурным ценностям, вывозимым в соответствии с существующими правилами;

б) запретить вывоз со своей территории культурных ценностей, к которым не приложено вышеупомянутое свидетельство;

с) соответствующим образом довести настоящее запрещение до сведения общественности и, в частности, лиц, которые могут вывозить или ввозить культурные ценности (ст. 6). Также в Конвенции признаны незаконными действия по принудительному вывозу и передаче права собственности на культурные ценности, являющиеся прямым или косвенным результатом оккупации страны иностранной державой.

Несмотря на принимаемые меры по охране культурных ценностей, они часто похищаются из музеев, картинных галерей, а затем переправляются в другие страны, где их можно легче продать или незаконно хранить. Для борьбы с этим явлением Комиссия ООН по праву международной торговли разработала Конвенцию УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям, принятую в 1995 году на дипломатической конференции в Риме.

В преамбуле отмечалось, что Конвенция сама по себе не является решением проблем, связанных с незаконной перевозкой и торговлей, но что она положит начало процессам по укреплению международного культурного сотрудничества и по непосредственной поддержке законной торговли

и межгосударственных соглашений по культурным обменам. Областью применения Конвенции является реституция похищенных культурных ценностей, а также возврат незаконно вывезенных культурных ценностей.

Владелец похищенной культурной ценности должен ее вернуть (реституцировать). Любая просьба о реституции должна быть внесена в трехлетний срок, считая с момента, когда истец узнал место, где находится культурная ценность, и во всех случаях, в пятилетний срок, считая с момента похищения. При этом реституция культурной ценности, являющейся неотъемлемой частью определенного (установленного) памятника или археологического заповедника (ландшафта), или являющаяся частью общественной коллекции, не подлежит никаким срокам давности, кроме трехлетнего срока считая с момента, когда истец узнал место, где находится культурная ценность и личность ее нового владельца (ст.3).

В то же время новый владелец похищенной культурной ценности, который должен ее вернуть (реституцировать), имеет право в момент реституции на справедливое возмещение затрат на ее приобретение при условии, что он не знал или не должен был знать, что ценность могла быть похищена и при этом он может доказать путем предоставления документов законность ее приобретения (ст.4).

При этом Конвенция 1995 года не препятствует Договаривающемуся государству применять любые более благоприятные правила для реституции или возврата культурных ценностей, похищенных или незаконно вывезенных, которые не предусмотрены в Конвенции (ст.9).

19 мая 2017 г. в рамках Совета Европы в Никосии (Кипр) была принята Конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей (Convention on Offences relating to Cultural Property) [3].

Цель принятия конвенции – борьба с терроризмом, а также с преступлениями, направленными на разрушение культурных ценностей. Конвенцию было решено разработать после актов вандализма, совершенных представителями ИГИЛ во время вооруженного конфликта в Сирии и Ираке. Это первый документ, который предусматривает уголовную ответственность за уничтожение культурных ценностей. Также в число преступлений входят хищение произведений искусства и их порча. Конвенция призвана предотвратить продажу и разграбление древних произведений искусства. Незаконные раскопки, ввоз и вывоз культурных ценностей, а также подделка документов, относящихся к произведениям искусства, согласно конвенции, являются уголовно наказуемыми преступлениями. На данный момент Никосийскую конвенцию подписали 10 стран, далее должна происходить ее ратификация.

В рамках СНГ принято ряд соглашений по регулированию перемещения и возврата культурных ценностей: 1) Соглашение о возврате культурных и исторических ценностей государствам их происхождения от 14 февраля 1992 года; 2) Соглашение о сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей от 15 апреля 1994 года; 3) Положение о порядке возврата незаконно вывозимых

и ввозимых культурных ценностей от 9 октября 1997 года 4) Соглашение и вывозе и ввозе культурных ценностей от 28 сентября 2001 года.

Межправительственное Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей 2001 года регламентирует транзитный и временный вывоз и ввоз культурных ценностей в государствах СНГ. Транзит культурных ценностей через территорию государства производится оформлением таможенной декларации с описанием провозимых культурных ценностей и указанием транзита как цели ввоза, а также необходимо наличие разрешения на вывоз культурных ценностей, выданного государством вывоза (ст.3). Вывоз культурных ценностей с территорий государств-участников производится по разрешениям, форма которых утверждается в установленном законодательством государства порядке и доводится до сведения других государств. Разрешения заполняются на государственном языке государства вывоза, а также на русском языке и выдаются уполномоченными государственными органами государств-участников (ст. 4).

Законодательство Республики Беларусь по охране культурного наследия разработано в соответствии с международными обязательствами и рекомендуемыми международными нормами. Центральное место принадлежит Закону Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» от 9 января 2006 года, №98-З в редакции последующих Законов (последняя редакция – Закон Республики Беларусь от 8 мая 2012 года №374-З). Вопросы собственности регулируются в главе 9 Закона «Право собственности на историко-культурную ценность». В п.2 ст.49 установлено норма: «При придании материальным объектам и нематериальным проявлениям творчества человека статуса историко-культурной ценности право собственности на них сохраняется». Субъектами права собственности на историко-культурную ценность могут быть: Республика Беларусь, административно-территориальные единицы, юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели.

С образованием Евразийского экономического союза вывоз и ввоз культурных ценностей на единую таможенную территорию регулируется актами, принятыми Евразийской экономической комиссией.

Порядок вывоза культурных ценностей с территории ЕАЭС установлен в Приложении № 8 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 года №30 «О мерах нетарифного регулирования». Полный перечень культурных ценностей, требующий получения разрешения на вывоз, содержится в Приложении № 2 к указанному Решению (пункт 2.20).

При вывозе культурных ценностей с таможенной территории Евразийского экономического союза необходимо разрешение, которое выдает уполномоченный орган государства-члена ЕАЭС. В Республике Беларусь заключения и разрешения на вывоз культурных ценностей выдает Сектор искусствоведов-экспертов по вывозу культурных ценностей с территории Республики Беларусь при Министерстве культуры. Для получения разрешения на вывоз культурных ценностей необходим следующий

пакет документов: заявление, квитанция об оплате госпошлины, две цветные фотографии размером 10 на 15, паспортные данные лица, которое будет вывозить предметы искусства. При вывозе культурных ценностей нужно следовать по «красному» коридору и представить должностному лицу таможи пассажирскую декларацию, в которую внесены сведения о перемещаемых ценностях, а также разрешение на их вывоз.

При ввозе на таможенную территорию ЕАЭС культурные ценности не подлежат обязательному декларированию и рассматриваются как обычный товар, т.е. вес и стоимость таких товаров включается в весовые и стоимостные нормы, установленные Евразийской экономической комиссией: с 1 января 2021 года – стоимость до 500 евро и вес – не более 25 кг. Если лицо представит заключение о том, что ввозимые предметы относятся к культурным ценностям, они не будут включаться в указанные стоимостные и весовые нормы и пошлина за них уплачиваться не будет.

Как следует из проведенного исследования, в настоящее время существуют общемировая и региональные системы в СНГ и ЕАЭС по охране культурный ценностей. Однако спор между Украиной и Россией по поводу принадлежности культурных ценностей крымских музеев показал, что не все ситуации, которые могут возникать по поводу права собственности в отношении культурных ценностей разрешены в международном праве. Очевидно, что в споре Украины и России российская сторона доказывает факт принадлежности культурных ценности крымским музеям, а украинская сторона настаивает на принадлежности их государству. Окончательное судебное решение Верховного суда Нидерландов станет важным прецедентом в разрешении названной правовой проблемы.

Список использованных источников:

1. Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.10.2021.

2. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 года №98-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3941&p0=2016049023>. – Дата доступа: 10.10.2021.

3. Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей 2017 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.10.2021.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Бочков

Ключевые слова: государство, право, правовое государство, гражданское общество.

Развитие производительных сил, появление прибавочного продукта, частной собственности, личности, которая заменила «группового человека» первобытного общества, способствовали формированию зачатков гражданского общества в догосударственный период создания «замыренной» среды. С возникновением государства, несмотря на его попытки ограничения гражданского общества, происходит рост частного интереса, частной собственности, борьбы населения за свои права и свободы.

С одной стороны, только в государстве, благодаря государству, в противостоянии и сотрудничестве с ним, постепенно оформляется и развивается гражданское общество, получая свое юридическое завершение в период капитализма. С другой стороны, именно гражданское общество, объективно помогает государству выполнять свои функции, развиваться и совершенствоваться.

Общество, государство и личность находятся друг с другом в диалектической взаимосвязи. Ведущим элементом этой триады, исходя из либеральной концепции, выступает личность. Либеральная модель отдает предпочтение гражданскому обществу перед государством. Государство действует с его одобрения и защищает частные интересы. Это индивидуалистическое общество, основанное на правовых началах. Это сфера проявления, сублимации индивида, прежде всего, в частной области.

Следует согласиться с мнением проф. А.Ф. Черданцева, что в демократическом обществе государство подчинено обществу, служит ему, выполняет только те функции, которые вытекают из его природы [1, с.156]. Противопоставление общества и государства, подавление общества вызывает негативное отношение к государственной власти. Оптимальным вариантом вмешательства государства в общественную жизнь выступают интересы общества, его регулирование, охрана, функционирование, развитие и в конечном итоге процветание. Полного разделения между правовым государством и гражданским обществом, по крайней мере, в обозримом будущем, не предвидится.

Гражданское общество и государство, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Если гражданское общество не дает государству узурпировать политическую власть, то государство, с помощью права, не позволяет победить индивидуальному, групповому эгоистическому интересу в гражданском обществе.

Их можно рассматривать как единство прямой и обратной связи в системе управления. Нерасторжимость и взаимопроникновение олицетворяют целостность общества. Если К. Маркс отдавал пальму первенства гражданскому обществу, то Г. Гегель – правовому государству. Противопоставление приводит к негативным последствиям в экономической и политической сферах.

Государство выступает в качестве субъекта управления по отношению к гражданскому обществу. Государственность имеет тенденцию приобретать те формы и методы управления, которые соответствуют уровню развития и характеру гражданского общества. Государство обслуживает гражданское общество, а не наоборот [2, с.198].

Правовое государство – это политико-правовая форма организации общества, а гражданское общество – это ядро правового государства. Чем более демократично и цивилизованно государство, тем более развито гражданское общество.

Гражданское общество характеризуется не полной, а относительной независимостью от государства. Нельзя сбрасывать со счетов монополию государства в выполнении некоторых функций (оборонной, социальной, экологической и т.д.).

Если в государстве существует вертикальная структура государственных органов, управления, основанная на жесткой иерархии, субординации и публичном праве, то в гражданском обществе – действует горизонтальная структура, построенная на равноправии форм собственности, равенстве, свободе договора, координации, добровольности, самостоятельности и личной инициативе, частном праве [3, с. 62–64].

В классическом понимании гражданское общество складывалось помимо государства, заполняя его свободные от государственно-властного воздействия ниши. С усилением государственного влияния, в условиях тоталитарного режима, развитие гражданского общества возможно лишь как результат государственного воздействия. Парадокс взаимодействия правового государства и гражданского общества заключается в том, что государство должно помочь создать те структуры, которые в будущем ограничат и возьмут под контроль его власть, т.е. осуществят процесс саморазгосударствления. Это объективная тенденция развития.

Тоталитаризм – это огосударствление общественной жизни. В тоталитарном обществе гражданское общество подменяется государством, права и свободы граждан подавляются либо игнорируются, а все институты власти носят государственный характер. Тоталитаризм, авторитаризм, экстремизм, терроризм, люмпенизация уничтожают гражданское общество, предлагая быстрые и простые пути решения проблем, насаждая атмосферу страха и пассивности. Опасность для гражданского общества также представляет коммерциализация и бюрократизация его структур. Само же гражданское общество должно действовать в рамках строгой правовой законности, иначе – опасность произвола, «цветных революций» и государственных переворотов.

Гражданское общество составляет фундамент демократии. Оно осуществляет контроль над властью, аккумулируя и транслируя общественные интересы и потребности через его институты. Гласность и прозрачность в деятельности государственного аппарата, свобода средств массовой информации, отсутствие цензуры – необходимые условия организации контроля общества над государством.

Все основные положения гражданского общества вытекают из ст. 2 Конституции Республики Беларусь, провозглашающей человека, его права, свободы и гарантии высшей ценностью и целью общества и государства. Это накладывает особую ответственность на государство перед гражданами на обеспечение их жизни, здоровья, безопасности, чести и достоинства. Ст. 3 Конституции Республики Беларусь гласит, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, что конституирует первенство, самостоятельность общества в отношении политической системы.

Формирование гражданского общества связано с ростом политического плюрализма, гарантированностью индивидуальной свободы человека, установлением консенсуса, солидарности, социального партнерства между государством, классами, социальными группами и личностями. Оно основано на выражении интересов и потребностей граждан, смягчении противоречий, поиске гражданского мира и согласия, объединении общества.

Объединяющей формой правового государства и гражданского общества служит социальное государство, означающее высокую степень ответственности государства перед обществом за благосостояние, мир и общественный порядок.

Повышение роли гражданского общества связано с созданием форм и институтов, вызванных потребностью времени: организация новых профсоюзов и предпринимательских объединений, государственная поддержка малого и среднего бизнеса, создание новых субъектов поддержки предпринимательства, появление новых форм массовой политической деятельности, взаимосвязь политических и гражданских ассоциаций.

Можно говорить о возрастании контроля гражданского общества над государственной властью. Расширение гражданского общества связано с созданием общественных, наднациональных структур (общественные палаты, общественные комитеты и комиссии, омбудсмены и т.д.). Государство устанавливает организационно-правовые формы усиления гражданского воздействия на государственное управление через практику запросов, обращений, отчетов депутатов, их отзывов избирателями и т.д. Развитому гражданскому обществу имманентно присуща правовая форма государственности.

Инициатива, предприимчивость, креативность, готовность рисковать, самодостаточность личности – характерные черты гражданского общества. Гражданское общество предъявляет к личности особые требования: быть

гражданином государства, обладать высоким профессиональным, общеобразовательным, культурным, нравственным уровнем.

Развитость и стабильность гражданского общества зависит от наличия в нем многочисленного среднего класса, составляющего большинство населения. Это общество свободных, обеспеченных, самодостаточных людей, главная цель которых хорошо жить. Задача государства создать для этого условия, обеспечить, гарантировать это право. Однако это не должно привести к индивидуалистическому эгоизму, игнорированию интересов группы, класса и общества в целом.

По мнению М.Т. Цицерона, «государство есть состояние народа, а народ ... есть соединение людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов» [4, с.20]. Общие интересы, совместная деятельность, общая история, общая опасность объединяют людей. Вместе с тем, народ можно запугивать, пугать, зомбировать, манипулировать, управлять, воздействуя на сознательные и подсознательные структуры. По справедливому замечанию российского правоведа, профессора О.Э. Лейста, тоталитарная власть, манипулируя общественным мнением, способна переформировать народ на новой, идейной основе (война за «место под солнцем» и т.п.). В результате народ может долгое время оставаться опорой тоталитарного режима, насаждающего неравенство, единомыслие и психологию полной зависимости человека от государства [5, с. 80–81].

В процессе упрочения демократических ценностей, принципов и институтов гражданского общества в XXI в. произошло возрождение интереса к его проблемам. Гражданское общество добивается демократизации власти государства за счет ее передачи органам самоуправления, взаимодействия большинства и меньшинства на основе согласования позиций государственных и общественных институтов. Его развитие протекает более успешно, если государство создает для этого благоприятные условия. Для формирования гражданского общества необходима сильная государственная власть, которая основывается на демократизме, признании верховенства права и других принципах, лежащих в основе правового государства.

Профессор С.С. Алексеев характеризовал правовое гражданское общество как более высокую, чем правовое государство, общечеловеческую ценность, основанную на росте частного права, где центральное место занимают общепризнанные права и свободы человека и резко повышена роль суда [6, с. 308–309].

Задача гражданского общества – создать оптимальные условия для жизнедеятельности граждан, защиты и удовлетворения их интересов, в том числе с помощью государства, бороться с злоупотреблениями государственной власти, контролировать и совершенствовать ее деятельность.

Задача государства, как политической формы организации публичной власти, заключается в том, чтобы удовлетворять не только классовые, групповые, интересы элиты, но и общесоциальные, народные интересы.

Цель правового государства – служить благу народа, быть государством народа, действовать в интересах народа и для народа. Государственная власть должна ограничить анархию, произвол гражданского общества, юридически оформить правовой статус субъектов, структуру, направить их движение в правовые рамки, содействовать реализации частного интереса в цивилизованных пределах, не ущемляя права других индивидов, социальных групп, классов и общества в целом.

IT-технологии способствуют деbüroкратизации государственного аппарата, ведут к сокращению численности, расширяют открытость, подконтрольность его гражданскому обществу, делают государственные услуги более доступными и, в конечном счете, повышают эффективность и легитимность. Электронная демократия повышает возможности гражданского общества в области установления контактов, мобилизации, сплочению населения с помощью сети Интернет, выражения общественного мнения, контроля за действиями правительства. Технологическая революция делает демократию непосредственной, прямой, помогает реализовать ее. Однако это может вести и к негативным последствиям, связанными с нарушением закона путем использования «народного права», «уличной демократии», «цветных революций», незаконных переворотов, пиар компаний [6, с.7].

Нельзя абсолютизировать (преувеличивать или преуменьшать) роль гражданского общества и правового государства. Это исторически обусловленные формы жизнедеятельности людей, стремящихся к лучшей жизни. Они не могут существовать друг без друга. В противном случае, это приведет к тоталитаризму, авторитаризму, экстремизму, подавлению, эгоизму, охлократии (власти черни, толпы) и правовому беспределу.

Тенденция развития правового государства и гражданского общества ведут к интегративному образованию правового гражданского общества [7, с. 219–223].

Список использованных источников:

1. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 1999. – 432 с.
2. Шагиева, Р.В., Федорченко, А.А. Правовое государство: понятие и проблемы формирования в современной России / Р.В. Шагиева, А.А. Федорченко // Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. – 2-е изд., пересм. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – С. 176–210.
3. Лейст, О.Э. Общество, право и государство / О.Э. Лейст // Проблемы теории государства и права: учебник / под. ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – С. 50–81.
4. Цицерон. Диалоги о государстве, о законах / Цицерон. – М., 1969. – 224 с.
5. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.

6. Бочков, А.А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. – 2019. – №1(13). – С. 3–8.

7. Демичев, Д.М. Общая теория права: учебное пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – Минск: Высшая школа, 2019. – 480 с.

ИЗБЕЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РАМКАХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПУТЕМ РАЗВИТИЯ И ГАРМОНИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СТРАН-УЧАСТНИЦ

Д.М. Воронов

Ключевые слова: двойное налогообложение, избежание двойного налогообложения, налоговая нагрузка, гармонизация национальных правовых систем, налоговый кодекс, экономический союз.

Одним из основных современных вопросов налогового права является международное двойное налогообложение, которое возникает по итогам введения в отношении одного и того же дохода (капитала) сопоставимых налогов несколькими государствами с одного и того же налогоплательщика [1].

Данная ситуация является следствием несогласованности налоговых механизмов государств, которые претендуют на распространение своей юрисдикции на один и тот же объект налогообложения, в связи с одновременным наличием у субъекта юридических отношений с государством резидентства и экономических отношений в стране, являющейся источником дохода.

При этом общая налоговая нагрузка субъекта, может существенно превысить размер налогов, подлежащих исчислению с аналогичных финансово-хозяйственных операций на территории отдельного государства, что является весомым сдерживающим фактором при осуществлении внешне-экономической деятельности.

Устранение данного негативного явления является одним из значимых направлений развития как национальных, так и наднациональных правовых систем в целях создания благоприятных условий для ведения международного бизнеса и притока инвестиций в национальные экономики.

В современных условиях глобализации принятие отдельными государствами односторонних мер, направленных на избежание двойного налогообложения, зачастую не способно в полной мере исключить данное негативное явление.

Наиболее эффективное устранение проблемных вопросов, в том числе, в сфере налогообложения, возможно на наднациональном уровне путем

создания объединений государств на основе их общих интересов, которому сопутствует гармонизация и унификация национального законодательства.

Основополагающим базисом для такого объединения является экономика, в связи с чем, на настоящий момент, большинство государств входит в состав различных экономических образований.

Примерами наиболее известных экономических объединений являются: Европейский союз (ЕС), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Европейская Ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), МЕРКОСУР – экономическое объединение стран Латинской Америки, Сообщество развития Юга Африки (САДК), Западноафриканский экономический и валютный союз (ЮЭМОА), Южно-азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), Андское сообщество.

Рассматривая интеграционные процессы на постсоветском пространстве необходимо отметить такие объединения как Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации (далее – Союзное государство) и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), включающий Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию.

Создание единого экономического пространства, а также единой правовой системы, является ключевой целью Союзного государства, для достижения которой, необходимо, в том числе, сближение налогового законодательства, переход к единой налоговой политике и, в последующем, принятие Налогового кодекса Союзного государства.

Существенным стимулом к дальнейшему совместному развитию и сближению налогового законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации является принятие 4 ноября текущего года Высшим государственным советом Союзного государства 28 интеграционных программ.

В целях реализации достигнутых договоренностей в рамках Союзного государства в ближайшей перспективе подлежит рассмотрению и принятию более 400 нормативных правовых актов и соглашений между государствами, среди которых запланировано заключение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией международных договоров для установления общих принципов обложения косвенными налогами, а также внедрения системы их администрирования [2].

Одной из основных целей ЕАЭС является формирование единого рынка, для достижения которой необходимо устранить барьеры между государствами, в том числе, связанные с вопросами излишнего налогообложения.

Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (далее – Соглашение) установлено, что страны-участницы определяют направления, формы, а также порядок осуществления гармонизации законодательства в отношении налогов, оказывающих влияние на взаимную торговлю, включая сближение ставок акцизов и совершенствование системы взимания налога на добавленную стоимость во взаимной торговле [3].

Консультативным комитетом по налоговой политике и администрированию при Евразийской экономической комиссии осуществляется на постоянной основе мониторинг налогового законодательства стран – участниц, по итогам которого в Соглашение и национальное законодательство государств – членов внесен ряд изменений.

В рамках ЕАЭС достигнут достаточно высокий уровень согласованности налогового законодательства стран-участниц по вопросу взимания на территории ЕАЭС косвенных налогов. Ведется активная работа для нормативного разрешения проблемных вопросов также и в части избежания двойного налогообложения прямыми налогами.

Таким образом согласованное поступательное развитие правовых систем государств, являющихся членами экономических объединений, в направлении гармонизации и унификации является одним из наиболее эффективных способов устранения двойного налогообложения субъектов хозяйствования в ходе осуществления ими внешнеэкономической деятельности.

Список использованных источников:

1. Glossary of tax terms [Electronic resource]: OECD. - Mode of access: <http://www.oecd.org>. - Date of access: 01.11.2021.
2. Латухина, К. Союз России и Беларуси: утверждены 28 союзных программ / К. Латухина // Российская газета [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://www.rg.ru> – Дата доступа: 05.11.2021.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СУТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М.Н. Гуминский

Ключевые слова: правовые средства, административно-правовые средства, особенности, незаконный оборот наркотиков.

Исследование особенностей содержания административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков должно базироваться на устоявшихся в общей теории права концепциях о понимании «правового средства». Так, согласно подходу С.С. Алексеева, «правовые средства представляют собой нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них

содержания и формы» [1, с. 12]. А.В. Малько акцентирует внимание на целенаправленности характера правовых средств, в связи с чем делается вывод об их важности в предупреждении и пресечении правонарушений [2, с. 66]. Б.И. Пугинский отмечает, что правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества [3, с. 87].

В теории административного права выработан единый подход к пониманию сущности административно-правовых средств, которые реализуются посредством деятельности специальных органов или организаций. Административно-правовые средства являются институтом административного права, содержание которого определяется через совокупность правовых норм, регламентирующих порядок реализации действий либо принятия актов, направленных на реализацию административно-правовых норм.

Так, А.В. Лубенков определяет административно-правовые средства как строго установленные административным законодательством определенные способы воздействия принуждающего субъекта на волю и сознание принуждаемого лица, главной целью которых является обеспечить поведение лица согласно установленным в государстве нормам и правилам. При этом воля и желание лица, в отношении которого применяется определенное административно-правовое средство, не принимается во внимание [4, с. 117].

Проводя анализ административно-правовых средств с позиции методологического подхода, В.В. Игнатенко определил следующие их признаки:

- целевой характер;
- применяются при наличии конкретного основания;
- применяются при определенных условиях;
- право на применение принадлежит уполномоченным субъектам;
- наличие собственного объекта;
- выражены в процессуальной форме [5, с. 163].

Анализируя содержание административно-правовых средств, как элементов системы административно-правового регулирования, С.С. Бойко отмечает, что такие средства являются разновидностью правовых средств, обладают их основными признаками, а также специфическими особенностями в силу предмета и метода административного права (публичный характер, императивность в применении, реализуются органами государственного управления) [6, с. 25].

Административно-правовые средства, направленные на борьбу с правонарушениями в области оборота наркотиков, имеют свои особенности. Это обусловлено различными факторами, к числу которых можно отнести следующие:

1. Применение данной группы административно-правовых средств осуществляется специально уполномоченными субъектами. При этом на первое место выходит сущность прилагательного «административно-правовые», в результате чего можно сделать вывод об их применении органами

государственного управления. Центральное место среди органов государственного управления занимают правоохранительные органы, как правило, органы внутренних дел. При этом четкий перечень полномочий на их применение строго определен действующим административным и административно-процессуальным законодательством.

2. Назначение административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков заключается в их применении для обеспечения социально значимой для государства цели – защиты здоровья населения, которая признана в Республике Беларусь конституционной ценностью.

3. Могут носить как принудительный, так и профилактический характер и быть направлены на предупреждение совершения лицами правонарушений или преступлений в области оборота наркотических средств. Здесь уместно говорить о проявлениях как общей, так и частной превенции.

Согласно подходу А.В. Корнева, под административно-правовыми мерами, направленными на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, понимаются как действия принудительного или не принудительного характера, осуществляемые уполномоченными государственными органами, должностными лицами и общественными организациями в целях защиты от противоправных посягательств на общественные отношения в области охраны здоровья, обеспечения внутригосударственного контроля над наркотическими средствами, предупреждения и пресечения их незаконного распространения и потребления и возникающих в связи с этим социально опасных последствий, наказания за совершение правонарушений, связанных с ними и перевоспитания лиц, нарушающих нормы административного законодательства в сфере оборота наркотических средств.

Таким образом, под административно-правовыми средствами предупреждения совершения административных правонарушений в сфере борьбы с оборотом наркотиков понимаются установленные законодательством Республики Беларусь способы воздействия уполномоченных органов на поведение субъектов, предшествующее совершению ими административных правонарушений либо преступлений, сущность которых заключается в установлении запретов либо ограничений (как правило, личного характера), направленных на недопущение нарушений в области оборота наркотических средств и применяемые под угрозой административного наказания.

По своему содержанию административно-правовые средства могут быть различного характера. Это зависит от функции либо определенной задачи, которую реализует субъект, уполномоченный на применение административно-правовых средств воздействия. Как отмечает А.А. Корнев, административно-правовые средства могут быть как принудительного, так и непринудительного характера. Первые из них направлены на установление ограничений личного либо организационного характера и являются результатом поведения человека, связанного, как правило, с нарушением установленного в государстве правопорядка. Если вести речь о сущности непринудительных

административно-правовых средств, то их главное назначение состоит в позитивном стимулировании субъекта права на выполнение социально значимых либо социально полезных действий. В то же время независимо от вида административно-правового средства цель их применения состоит в воздействии на поведенческие аспекты либо на сознание или волю человека.

Согласно подходу А.Н. Бондаря, все административно-правовые средства в сфере борьбы с оборотом наркотиков подразделяются на следующие виды:

1. Административно-правовые средства в области незаконного употребления и распространения наркотических средств;
2. Административно-правовые средства в сфере устранения социально-опасных последствий, наступивших в результате нарушения правил оборота наркотиков [7, с. 295].

Анализ имеющихся административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показал, что отдельные из них применяются в обязательном порядке, а вторые могут быть применены в диспозитивном (альтернативном) порядке. Зачастую перед уполномоченным органом стоит выбор об использовании того или иного административно-правового средства. Следовательно, в зависимости от обязательности применения административно-правовых средств предлагаем их классификацию на императивные и диспозитивные.

Список использованных источников:

1. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 11–17.
2. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
3. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М.: Юридическая литература, 1984. – 224 с.
4. Лубенков, А.В. Система административно-правовых средств принуждения, реализуемых органами внутренних дел Республики Беларусь / А.В. Лубенков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4. – С. 117–121.
5. Игнатенко, В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях (теоретические и прикладные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В.В. Игнатенко. – Екатеринбург, 1999. – 343 л.
6. Бойко, С.С. Административно-правовые средства защиты прав и законных интересов несовершеннолетних: автореф... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.С. Бойко. – Ростов/н Д, 2011. – 27 с.
7. Бондарь, А.Н. Актуальные вопросы формирования системы административно-правовых средств противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / А.Н. Бондарь // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – №2. – С. 293–297.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П.В. Гурщенков, Д.А. Лаппо

Ключевые слова: уголовная ответственность, невозвращение историко-культурных ценностей, коммерческий подкуп, экономическая деятельность, подкуп участников и организаторов спортивных соревнований, предпринимательская деятельность.

Законодательство об уголовной ответственности неоднократно менялось в части противодействия экономическим правонарушениям, обеспечивая баланс задач предпринимательской деятельности и интересов государства.

Преступления, совершаемые в экономической сфере, главным образом закреплены в главе 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», которая включает в себя 37 статей. Однако не все статьи данной главы направлены на защиту интересов в сфере экономической деятельности и вопрос отнесения их к 25 главе УК является спорным.

Так, например, УК содержит норму, устанавливающую ответственность за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230), которая представлена в форме уголовно-правового запрета: «Умышленное невозвращение в установленный срок на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством Республики Беларусь».

Ст. 230 УК имеет своей целью сохранение культурного наследия нашего государства. Преступные посягательства на историко-культурные ценности обладают повышенной общественной опасностью, поскольку вероятная утрата самобытных произведений искусства и вызванный в результате этого ущерб носит невосполнимый характер для общества и государства.

Однако отнесение данного преступления к главе 25 УК «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», то есть к разряду «экономических» едва ли возможно. Общественная опасность невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей связана не с нарушением порядка осуществления экономической деятельности, а с невозможностью дальнейшего использования историко-культурных ценностей, разрыва исторической преемственности в формировании белорусской культуры и мировоззрения.

Совершая преступление, предусмотренное ст. 230 УК, лицо не преследует напрямую получение имущественной выгоды, об этом прямо диспозиция статьи ничего не говорит, поэтому в такой ситуации имущественная выгода может быть извлечена косвенным путем.

Скорее в данной ситуации объектом невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей является государственный и общественный интерес, заключающийся в состоянии защищенности историко-культурных ценностей, временно вывезенных за пределы территории страны [3, с. 32], установленный порядок возвращения историко-культурных ценностей, нежели нарушение принципов экономической деятельности.

Очевидна схожесть данного преступного деяния (ст. 230 УК) с уголовным запретом, связанным с уничтожением, повреждением или надругательством над историко-культурными ценностями (ст.ст. 344, 345, 346 УК). Невозвращение на территорию Республики Беларусь культурного наследия имеет социально-правовую связь с преступлениями, предусмотренными главой 30 УК против общественного порядка и общественной нравственности, чем с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности.

С возникновением различных форм собственности в стране образовались коммерческие и иные организации, следствием чего стало возникновение новых видов преступлений. В связи с этим стала актуальной и проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных деяний служащих, работающих в коммерческих и иных организациях. Подкуп различных участников экономических отношений представляет серьезную опасность для осуществления предпринимательской деятельности.

В статье 252 УК криминализированы следующие общественно опасные действия: «Получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, материальных ценностей или услуг имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиентам, либо предоставление такого вознаграждения (коммерческий подкуп)».

Анализируя ст. 252 «Коммерческий подкуп» УК, а также ст. 253 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» УК нередко встает вопрос, что охраняют данные нормы? Общественные отношения, обеспечивающие порядок экономической деятельности или интересы службы в коммерческих и иных организациях?

Примечательно, что комментаторы уголовного закона объектом данных преступлений признают: а) порядок осуществления функций лицами, не являющимися должностными, работниками индивидуальных предпринимателей (ст. 252 УК); б) порядок проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК) [1, с. 540]. Таким образом, статьи, содержащиеся в главе 25 «О преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности» призваны охранять не экономическую деятельность, а совсем иной порядок.

Получается, говоря о коммерческом подкупе (ст. 252 УК) или подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных конкурсов (ст. 253 УК), следует обратить внимание на то, что вовсе не экономические отношения являются здесь объектом посягательств, а иные отношения – против интересов службы. Ответственность за совершение преступлений против интересов службы установлена в главе 35 УК.

В то же время, существенным признаком коммерческого подкупа является получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица вознаграждения за уже совершенное или планируемое не любое деяние, а за действие или бездействие, связанное с исполняемой им работой.

Считаем, что «Коммерческий подкуп» (ст. 252 УК) посягает не столько на отношения экономического характера, сколько на иные отношения, характеризующие интересы службы в коммерческих и иных организациях (у индивидуального предпринимателя), которые далеко не всегда имеют выраженный экономический характер. Интересы службы в данном случае заключаются в правильном и надлежащем исполнении лицами, не являющимися должностными, в соответствии с возлагаемыми на них задачами своих обязанностей на благо этих организаций (индивидуального предпринимателя), но не в ущерб законным интересам собственника или его клиента. Опасность коммерческого подкупа состоит не в том, что кому-то причиняется вред, а в том, что лицо использует предоставленные ему возможности по службе для незаконного обогащения.

Полагаем, что «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» (ст. 253 УК) не может быть в полной мере также отнесен к разряду деяний, посягающих против порядка осуществления экономической деятельности (гл. 25 УК).

Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК) предполагает «Получение денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера спортсменом, тренером, медицинским работником, судьей по спорту, спортивным агентом, организатором спортивных соревнований, организатором или членом жюри зрелищного коммерческого конкурса за оказание влияния на результаты соревнования или конкурса либо предоставление такого вознаграждения».

С точки зрения нравственных начал, общественная опасность подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов проявляется в том, что такое поведение виновных лиц деформирует общественное сознание, нивелирует представления о справедливой честной борьбе в ходе зрелищных состязаний.

Мнение общественности о необходимости честной игры получает свое выражение в нормативных актах, в иных документах либо фактах. Признание обществом опасности коррупции в области спорта и шоу бизнеса следует рассматривать в качестве социально-политического основания уголовно-правового запрета подкупа участников и организаторов

профессиональных спортивных соревнований. Об этом могут свидетельствовать данные социологических исследований, негативные оценки фактов подкупа в сфере спорта и шоу-бизнеса в средствах массовой информации, исследования деятельности преступных структур в сфере профессионального спорта и шоу-бизнеса и т. д.

Профессиональный спорт и шоу-бизнес можно в какой-то степени отнести к сфере экономики (сфера экономики и порядок осуществления экономической деятельности не равнозначные понятия), но в большей степени это противоправное деяние посягает на отношения, содержание которых составляет служба в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы [5, с. 446].

Вред объекту данного преступления причиняется не столько нарушением порядка проведения экономической деятельности, сколько фактом получения спортсменами, судьями и иными лицами незаконного вознаграждения. Данное преступное деяние имеет коррупционную направленность. Сам по себе коммерческий конкурс или спортивное состязание в отличие от хозяйственной конкуренции не имеют экономического характера. Деятельность участников этих состязаний и отношения, складывающиеся в связи с осуществлением такой деятельности, не являются отношениями экономическими (хозяйственными) и не посягают на порядок их проведения [2, с. 538–539].

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что глава УК «О преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности» должна содержать лишь те составы преступлений, которые устанавливают запрет противоправного поведения субъектов, осуществляющих различные действия или экономические операции, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Считаем, что дальнейшее совершенствование законодательства об уголовной ответственности в сфере экономической деятельности должно быть направлено на установление разумных и достаточных мер, необходимых для противодействия экономической преступности в государстве, причиняющей существенный вред государству, с одновременным созданием благоприятных условий для развития эффективной экономики.

Список использованных источников:

1. Ахраменка, Н.Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
2. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005. – 570 с.
3. Мартыненко, И.Э. Вопросы наступления уголовной ответственности за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей / И.Э. Мартыненко // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 9.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.:

одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

5. Хилюта, В.В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения: моногр. / В.В. Хилюта. – ГрГУ. – Гродно, 2014. – 456 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ИЗОЛИРОВАННЫХ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Л.В. Козлова, В.С. Елисеев

У нового времени есть три главных требования:
скорость, гибкость и творчество.

А.Г. Лукашенко

Ключевые слова: аренда, арендатор, арендодатель, договор аренды (имущественного найма), аукцион по продаже права заключения договоров аренды недвижимого имущества, расторжение договора.

Тема, связанная с арендой изолированных нежилых помещений, актуальна с практической и теоретической точек зрения, поскольку белорусское законодательство в сфере аренды изолированных нежилых помещений несовершенно, разъяснения высших судебных инстанций не всегда дают исчерпывающих ответов на практические вопросы.

Цель – рассмотреть часть проблемных вопросов, возникающих при аренде изолированных нежилых помещений.

Задача – предложить пути решения возникших проблем по теме.

Правовое регулирование отношений, связанных с арендой изолированного нежилого помещения, осуществляется в соответствии с нормами, установленными статьями 621 – 626 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), Указом Президента Республики Беларусь от 29.03.2012 № 150 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом» (далее – Указ № 150), Указом Президента Республики Беларусь от 10.05.2019 № 169 «О распоряжении государственным имуществом» (далее – Указ № 169), Указом Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 143 (ред. от 31.12.2020 № 512) «О поддержке экономики» (в целях минимизации влияния на экономику Республики Беларусь мировой эпидемиологической ситуации), постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.08.2009 № 1049 «О проведении аукционов по продаже права заключения договоров аренды» (далее – постановление № 1049),

Инструкцией о порядке сдачи в аренду капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест, их частей, находящихся в собственности города Витебска, утвержденным решением Витебского городского Совета депутатов от 17.05.2012 № 149 (далее – Инструкция № 149), нормативно-правовыми актами, относящихся к изучаемой теме.

Нормы ГК не дают конкретных определений таким понятиям как «здания», «сооружения», «изолированные помещения», «машино-место». Данные понятия содержатся в Законе Республики Беларусь от 22.07.2002 № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», в Инструкции об основаниях назначения и порядке технической инвентаризации недвижимого имущества, а также проверки характеристик недвижимого имущества при совершении регистрационных действий, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 24.03.2015 № 11.

На примере Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) можно выделить следующее. Отношения, связанные с арендой зданий и сооружений, регулируются нормами статей 650-655 ГК РФ [1]. Правовой статус нежилых помещений как самостоятельный объект гражданских прав ГК РФ не регулирует.

На практике возникают определенные проблемы по вопросам аренды изолированных нежилых помещений. В целях устранения неоднозначного понимания и применения норм ГК, нормативных правовых актов по вопросам аренды предлагается откорректировать их.

1. В целях минимизации (исключения) рисков для арендодателя ввиду неисполнения арендатором обязанности по своевременному внесению арендных платежей предлагается следующее: наделить организатора аукциона по продаже права заключения договоров аренды изолированных помещений, находящихся в государственной собственности, правом (или обязанностью) (например, включением дополнительно в пункт 7 постановления № 1049) не допускать участника до участия в аукционе в случае, если такой участник за последний год до даты проведения аукциона допускал задолженность по арендной плате, например, более 3 месяцев подряд. В этих целях необходимо создание единой базы (государственного сайта) с размещением такой информации.

2. При рассмотрении споров, связанных с правом собственника по распоряжению своим имуществом, экономическим судам необходимо учитывать, что договор аренды, заключенный без согласия собственника, является ничтожным в силу статьи 169 ГК как не соответствующий требованиям статьи 579 ГК [3].

На практике иногда возникают трудности по заключению договора аренды в указанный выше срок, если стороны находятся в разных областных центрах, а обмен документами происходит через почту на бумажном носителе (при отсутствии возможности обмениваться документами в

электронном виде с использованием ЭЦП в целях идентификации стороны договора (п. 2 ст. 404 ГК); при отсутствии уполномоченного лица (по доверенности) на подписание договора), при этом в указанный срок стороны должны достигнуть соглашения по всем существенным условиям договора, к которым относятся предмет договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договора данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (пункт 1 статьи 402 ГК), т.е. дополнительно стороны могут обмениваться протоколами разногласий, протоколами урегулирования разногласий, что может привести к увеличению сроков заключения договора и риску «просрочить» максимальный срок для его заключения, что приведёт к его незаключенности и к штрафным санкциям для «несостоявшегося» арендатора.

На основании вышеизложенного, в целях минимизации рисков для сторон по договору аренды во избежание негативных последствий ввиду незаключенности, полагаем необходимым увеличить установленный срок для заключения договора аренды по итогам вынесенного решения или по итогам проведенного аукциона с «в течение 10 рабочих дней» до, например, «в течение 20 рабочих дней».

3. Место нахождения юридического лица определяется местом нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа - иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности [2].

В случае изменения местонахождения коммерческой, некоммерческой организации такая организация в течение 10 рабочих дней со дня изменения местонахождения обязана направить в регистрирующий орган уведомление по форме, установленной Министерством юстиции одним из способов: личное обращение в регистрирующий орган, отправить уведомление почтой (на бумажном носителе), с помощью веб-портала (<https://egr.gov.by/egrn/index.jsp?content>).

На практике возникают вопросы для арендодателя. Арендатор, возвративший по акту (либо фактически без оформления документов) арендуемое изолированное помещение арендодателю, «не торопится» изменять местонахождение путем подачи уведомления в регистрирующий орган. Фактически арендатор не находится по указанному адресу, соответственно, имеющиеся сведения в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей не соответствуют действительности, являются ложными.

С учетом этого предлагаем в перспективе дополнить пункт 22 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении

деятельности) субъектов хозяйствования» нормой, позволяющей изменять местонахождение юридического лица, являющегося ранее арендатором освободившим арендуемое помещение, но не сменившим на основании этого своё местонахождение, дополнительно по заявлению (уведомлению) арендодателя (с приложением подтверждающих документов (например, договор, акт, переписка)), например, на адрес проживания (нахождения) учредителя, собственника.

4) В целях исключения рисков арендодателя при рассмотрении в экономическом суде искового заявления об освобождении (возврате) арендуемого помещения на основании заявленного арендодателем одностороннего отказа от договора (во внесудебном порядке), в случае если такой отказ предусмотрен договором аренды, по основанию «невнесения арендатором предусмотренных договором платежей (арендной платы)» (например, формулировка в договоре «два раза подряд по истечении установленного срока»), предлагаем ГК дополнить статьей 590-1 «Односторонний отказ арендодателя от исполнения договора аренды капитального строения (здания, сооружения), изолированного помещения или машино-места» в следующей редакции:

«В случае одностороннего отказа от исполнения договора аренды капитального строения (здания, сооружения), изолированного помещения или машино-места, по основанию «невнесения арендатором предусмотренных договором платежей (арендной платы) по истечении установленного срока» полностью или частично, когда такой отказ допускается законодательством или соглашением сторон, договор считается соответственно расторгнутым или измененным.

При этом, в случае направления арендодателем уведомления об одностороннем отказе от исполнения договора (по основанию, указанному в части 1 настоящей статьи) почтой (заказной корреспонденцией) и списанием денежных средств с расчетного счета должника (либо добровольным погашением должником (арендатором) задолженности по арендной плате), частично либо полностью, до момента получения (вручения) соответствующего уведомления, то такое уведомление считается обоснованно направленным, а требования арендодателя подлежащими удовлетворению по иску о возврате капитального строения (здания, сооружения), изолированного помещения или машино-места, за исключением случаев, если будет установлено судом необоснованность направления уведомления по другим причинам».

Таким образом, полагаем, что проведенный анализ позволил выявить часть проблемных вопросов практики применения нормативно-правовых актов (далее-НПА), касающихся аренды изолированных нежилых помещений. Вышеперечисленные вопросы, как представляется, могут стать основой для совершенствования правового законодательства по указанной теме и найти своё отражение в изменении, дополнении в НПА.

Список использованных источников:

1. Гражданский: Кодекс Российской Федерации, 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 01.11.2021.
2. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Республики Беларусь, 16 января 2009 г. № 1 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
3. О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из арендных правоотношений: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 15 февраля 2012 года № 1 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021
4. Бочков, А.А. Что нужно знать будущему юристу: справочник для абитуриентов по подготовке к централизованному тестированию по курсу «Обществоведение» / А.А. Бочков, Т.В. Сафонова. – 2-е изд. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 203 с.

**ПРАВА ИЗОЛИРОВАННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА ОСУЖДЕННЫХ
В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ:
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО
И БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

О.Н. Куликова

Ключевые слова: права осужденных, изоляция от общества, уголовно-исполнительное законодательство, российское законодательство, белорусское законодательство.

Предложенный автором социально-правовой анализ реализации прав осужденных проводится в условиях получившего распространение во всем мире заболевания эпидемиологического масштаба. Целью исследования является правовое регулирование российским и белорусским уголовно-исполнительным законодательством, предоставляемых изолированным от общества осужденных, прав и законных интересов. Новизна материала обусловлена научно-правовым анализом законодательства по вопросам исполнения уголовных наказаний в России и Белоруссии в период эпидемиологической ситуации – распространения SARS-CoV-2.

Актуальность исследования опирается на показатели статистики совершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, изолирующее их от

общества. Согласно официальному обзору ФСИН России по состоянию на 01 июля 2021 года численность таких лиц составила 366 148 человек. При этом отмечается, что за II квартал 2021 года за счет освобождения или перевода указанных лиц на альтернативное отбывание наказания без изоляции от общества их число уменьшилось на 3954 осужденных [1]. Согласно данным, на начало 2021 года показатель Беларуси – 345 заключенных на 100 тысяч человек [2]. При этом за первое полугодие 2021 г. белорусскими судами рассмотрено 16 134 дел с вынесением приговора, где наказание, изолирующее виновных от общества назначено 7 908 лицам, остальным назначены более мягкие наказания, чем лишение свободы, 620 человек составили граждане, дела которых прекращены судом, 24 подсудимых оправдано, в одном случае назначена смертная казнь.

Согласно законодательству Российской Федерации, посвященному предоставляемым осужденным правам в российских местах изоляции их от общества, к ним относится право на получение информации, на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, охрану здоровья, обеспечение личной безопасности, психологическую помощь, на отдельные виды социальных выплат, обращения в любые государственные и международные правозащитные органы и организации, на оказание юридической помощи, на возмещение компенсации при отбывании наказания (ст. 12, 12.1, 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

Согласно действующему в Белоруссии законодательству, регулиующему права осужденных, к ним следует отнести право на получение информации, вежливое обращение при отбывании наказания, обращение к администрации по месту отбывания наказания, а также суд или органы прокуратуры Республики, иные организации, включая индивидуальных предпринимателей, дипломатические представительства и консульские учреждения, на обеспечение личной безопасности, охрану здоровья, социальное обеспечение, на занятие физической культурой и спортом, оказание юридической помощи (ст. 10 и 11 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь).

Распространение в мире опасного для жизни и здоровья людей заболевания инфекционного характера SARS-CoV-2, сопровождающего ухудшение дыхательных процессов в организме человека, повлекло существенное сужение предоставляемых осужденным, изолированным от общества, прав и тесно связанных с ними – законных интересов. Рассмотрим такие ограничения.

Лица, находящиеся в местах изоляции от общества, отбывающие назначенное им наказание, в рамках предоставляемых им прав, ориентированных на поддержание социальных связей осужденных с иными близкими им лицами, имеют право по действующему российскому и белорусскому законодательству на свидания с родственниками (ст. 89 УИК РФ, ст. 83 УИК Республики Беларусь), выезды за пределы исправительного учреждения в установленных законом случаях (ст. 87 УИК РФ, ст. 92 УИК Республики Беларусь), проведение отпуска для работающих граждан при отбывании

лишении свободы (ч. 4 и 5 ст. 104 УИК РФ, ч. 4 и 5 ст. 99 УИК Республики Беларусь). Указанные виды прав лиц, отбывающих изоляцию от общества, претерпели существенные ограничения в виду распространения заболевания, получившего статус эпидемии с декабря 2019 года.

Статистика заболевших SARS-CoV-2 осужденных в белорусском и российском государстве следующая. По данным главы тюремного ведомства ФСИН России А. Калашникова о заболеваемости ковидной инфекцией, в 2020 году ею переболели 4 тыс. осужденных, находившихся в изоляции. Как было сообщено на коллегии: «Всего за период пандемии среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных выявлено менее четырех тысяч, 3 813 по состоянию на 1 января 2021 года, лабораторно подтвержденных случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией» [3]. При этом достоверно определить численность заболевших осужденных, отбывающих лишение свободы в Белоруссии, достаточно затруднено. Например, эксперт правозащитного центра «Весна», юрист П. Сапелко в интервью «Салідарнасці» констатировал: «О ситуации с коронавирусом в колониях и СИЗО можно только догадываться» [4]. Правозащитник констатировал, что данные с октября 2020 года закрыты для пользования, что такая информация имеет гриф служебного пользования и, что за год статистика об этом не стала гласной.

Как сообщает редактор новостного портала «Хайтек»: «Из-за пандемии коронавируса в России из колоний перестали выпускать условно-досрочно. В то же время руководство ФСИН России попросило суды по возможности не направлять в СИЗО обвиняемых в преступлениях средней и небольшой тяжести - и Верховный суд поддержал эту просьбу» [5]. Белорусские правозащитники «Весны» в серии публикаций о распространении коронавирусной инфекции COVID-19 в закрытых учреждениях Республики Беларусь отмечают, что государство принимает ряд мер по уменьшению распространения вируса в местах лишения свободы. В Беларуси в исправительных учреждениях отменили длительные и краткосрочные свидания «в целях профилактики инфекционных заболеваний» [6].

В Беларуси в июне 2021 г., когда произошло снижение количества заболевших осужденных SARS-CoV-2, правоограничения были отменены. Так, по данным департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь возобновились длительные свидания для отбывающих наказание в колонии и находящихся в лечебно-трудовых профилакториях, выезды за пределы колоний поселений, выходы из исправительных учреждений открытого типа в свободное от работы время. Как сообщило МВД: «Возобновляются посещения представителей общественных объединений и священнослужителей для проведения воспитательных и духовно-просветительских мероприятий» [7].

Немаловажным в поддержании социализации и последующей отбыванию наказания адаптации осужденных граждан выступает возможность посещения исправительных учреждений различными государственными и иными органами и организациями: в России – общественная

наблюдательная комиссия, священнослужители храмов при колониях, попечительские советы (ч. 1, 2, 4 ст. 23 УИК РФ), в Белоруссии - наблюдательные комиссии при местных исполнительных и распорядительных органах, а в отношении несовершеннолетних осужденных – комиссии по делам несовершеннолетних (ч. 3 ст. 21 УИК Республики Беларусь). Например, в новостной российской ленте Коммерсанта мы нашли информацию апреля 2020 года, свидетельствующую о подготовке общественной наблюдательной комиссии Москвы во ФСИН России письма, оперирующего данными, что в следственные изоляторы, несмотря на распоряжение санитарного врача ФСИН, продолжают пускать адвокатов и следователей, при этом карантинные меры почему-то распространяются только на членов наблюдательных комиссий [8].

В дни открытых дверей допускается посещение исправительных колоний родственниками осужденных и представителями средств массовой информации, носящее контролирующе-правовое воздействие, позволяющее демонстрировать посетителям условия отбывания наказания, результаты воспитательных мероприятий в колониях, достижения в творческих, художественных, музыкальных, спортивных мероприятиях в период отбывания лишения свободы. Дни открытых дверей проводятся в российских исправительных учреждениях с учетом соответствующей в регионе по месту отбывания лишения свободы эпидемиологической ситуацией. Также, например, за I полугодие 2021 г. в исправительных учреждениях УИС Российской Федерации с участием осужденных проведено 191 773 культурно-массовых мероприятий и 154 576 – спортивных. По данным ряда белорусских интернет-сайтов, осужденных посещали их родственники в период отбывания ими лишения свободы.

В рамках проводимой в исправительных учреждениях воспитательной работы в России и Беларуси актуально проведение песенных конкурсов, в которых непосредственными исполнителями являются осужденные-конкурсанты. В Российской Федерации во Всероссийском конкурсе песни среди осужденных «Калина Красная», проводимом почти 20 лет, приняли участие 150 конкурсных работ из 114 учреждений уголовно-исполнительной системы. Творческий репертуар осужденных 2020 года включал в себя авторские песни, баллады, романсы, песни советских и российских композиторов и поэтов. Конкурсные работы размещены на YouTube-канале «Калины Красной». В реальном формате такой конкурс творческой российской акции проводился в 2018 г. в городе Саратове. Как указывают российские информационные источники, в 2019 - 2021 г. конкурс проходит по изменившимся условиям: в силу законодательных и противоэпидемиологических ограничений невозможно этапирование победителей на финал, и финальный концерт в традиционной форме на концертной площадке не проводится [9]. Творческий фольклор осужденных Республики Беларусь также известен большому кругу почитателей шансона. Так, по данным белорусских интернет сетей, в ночь с 19 на 20 июля 2021 года в Витебске прошел концерт «Шансон ТВ – все звезды». Как отмечает автор информации

источника: «Именно на этом выступлении участковый может встретиться с кровным пацаном с района без повестки» [10].

Наряду с указанным выше, отметим, что правовые государственные меры регулирования прав осужденных российским и белорусским уголовно-исполнительным законодательством, имеющим социально-правовые ограничения для граждан отбывающих наказание, изолирующее от общества, обусловлены не сложившимися политическими и экономическими тенденциями, а выступающие следствием распространения в обществе SARS-CoV-2 – заболевания эпидемиологического масштаба.

Список использованных источников:

1. Обзор информации о деятельности ФСИН России за I полугодие 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php>. – Дата доступа: 04.11.2021.
2. Беларусь – на первом месте в Европе по количеству заключенных на 100 тысяч человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.intexpress.by/2021/07/25/belarus-na-pervom-meste-v-evrope-po-kolichestvu-zaklyuchennyh-na-100-tysyach-chelovek>. – Дата доступа: 06.11.2021.
3. Коронавирус в 2020 г. выявили в России почти у 4 тысяч заключенных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yaplakal.com/forum3/topic2284895.html>. – Дата доступа: 02.11.2021.
4. Условия, способствующие распространению ковида в СИЗО и колониях, в первую очередь, направлены на гражданских активистов. 29.10.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://udf.name/news/main_news/235089-vrach-uslovija-sposobstvujuschie-rasprostraneniya-kovida-v-sizo-i-kolonijah-v-pervuju-ochered-napravleny-na-grazhdanskih-aktivistov.html. – Дата доступа: 04.11.2021.
5. «Серая зона»: что происходит в российских тюрьмах во время пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hightech.fm/2020/05/25/covid-prison-russia>. – Дата доступа: 07.11.2021.
6. Тюрьма и вирус COVID-19 в Беларуси. Яндекс новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spring96.org/ru/news/96351>. – Дата доступа: 07.11.2021.
7. В исправительных учреждениях Беларуси сняли введенные из-за COVID-19 ограничения на посещения. Новости канала ex-press.by от 30.06.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ex-press.by/rubrics/obshchestvo/2021/06/30/v-ispravitelnykh-uchrezhdeniyah-belarusi-snyali-vvedennye-iz-za-covid-19-ogranicheniya-na-poseshheniya>. – Дата доступа: 07.11.2021.
8. Общественные наблюдатели не хотят оставлять коронавирус без присмотра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4320203>. – Дата доступа: 07.11.2021.

9. XVIII конкурс «Калина Красная», 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kalinakrasnaya.ru/activities/contest2021/>. – Дата доступа: 07.11.2021.

10. Славянский базар 2021. Гала-концерт «Шансон ТВ – ВСЕ ЗВЁЗДЫ». Витебск, 19 июля 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MxFCGLJ0aqQ>. – Дата доступа: 07.11.2021.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА

С.С. Лосев

Ключевые слова: авторское право, исключительное право, ограничения исключительного авторского права.

История развития права интеллектуальной собственности представляет собой противостояние правообладателей и общества. Расширение сферы регулирования исключительного права зачастую обосновывается интересами инвесторов, развития экономики, однако это не должно заслонять социальное и культурное назначение результатов интеллектуальной деятельности. Необходимость поиска *баланса интересов* правообладателей и общества, заинтересованного в получении доступа к достижениям культуры, в том числе охраняемым авторским правом, декларируется на уровне основополагающих правовых актов, – Всеобщая декларация прав человека в ст.27 предусматривает, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Как отмечает французский правовед Анн Лепаж, большинство законов об авторском праве создавалось с учетом установления *баланса* между предоставляемой творцам монополией на их произведения, с одной стороны, и потребностью общества в том, чтобы иметь свободный доступ к творческому произведению без помех со стороны исключительных прав авторов – с другой [1, с. 3]. По мнению проф. Д. Липчик в большинстве случаев ограничения обосновываются поиском справедливого, а в случае необходимости – основывающегося на законе компромисса между тремя категориями конкурирующих друг с другом интересов, связанных с интеллектуальным творчеством, а именно: интересов автора, предприятий, которые эксплуатируют произведение, и широкой общественности. При этом ограничения авторского права бывают в основном двух видов: ограничения, разрешающие свободное и бесплатное использование, и ограничения, обусловливаемые выплатой вознаграждения [2, с. 190].

Говоря об ограничениях авторских прав, следует обратить внимание на принципиальное различие в подходах, присущих двум исторически сложившимся концепциям авторского права: концепции «прав автора» (*droit d'auteur*) и концепции «авторского права» (*copyright*). А.Лепаж именует их «открытой» и «закрытой» системами ограничения авторского права [1, с. 4]. Открытое ограничение охраны авторского права основано на заявлении, а не на исчерпывающем перечне действий, не квалифицируемых как нарушение авторского права. Такая система характерна для стран англо-саксонской системы права, следующих традиции *copyright* и наиболее ярким ее примером является *доктрина добросовестного использования*; в упрощенном виде она предусматривает возможность свободного использования объектов авторского права в случае, если такое использование является разумным [3, с.137].

В государствах, принадлежащих к континентальной правовой семье и следующих концепции *droit d'auteur*, ограничения исключительного права на произведение подчиняются принципу *numerous clausus*, т. е. определены исчерпывающим образом и, как правило, толкуются ограничительно. Следствием такого подхода является то, что появление новых технологий использования произведений требует внесения изменений в законодательство для закрепления новых допускаемых ограничений исключительного авторского права, характерных для таких новых способов использования.

Давая свою оценку достоинств и недостатков «открытой» и «закрытой» систем ограничения исключительного авторского права, проф. П. Сиринелли отмечает, что несомненным достоинством открытой системы является ее гибкость, при этом очевидным недостатком – непредсказуемость как для правообладателя, так и для пользователя, обусловленная неочевидностью того, как суд в конкретной ситуации истолкует условия применения правила о добросовестном использовании (цель предполагаемого использования, характер используемого произведения, объем заимствования и влияние, оказываемое свободным использованием на возможное коммерческое использование произведения). «Закрытая» система имеет своим преимуществом предсказуемость, поскольку пределы допускаемого свободного использования определены законодательно. В то же время, она также может создавать проблемы, связанные с возможностью адаптации к новым условиям использования произведений. В этой связи автор отмечает, что «... истина, возможно, находится между двумя подходами», и может выражаться в системе, которая является *a priori* закрытой, но при этом дополнена возможностью проявления определенной гибкости с использованием критерия «добросовестное поведение». Допуская возможность для суда в определенных случаях выходить за рамки, установленные законом, необходимо предложить суду четкий критерий, позволяющий оценивать правомерность не санкционированного использования охраняемого произведения за пределами законодательно определенных границ допускаемого свободного использования [4].

Судебная практика европейских государств, следующих традиции закрытой системы ограничений, свидетельствует о том, что суды все чаще выходят за рамки, жестко определенные законом. Наиболее четко свою позицию сформулировал Верховный суд Нидерландов: «... по логике самого авторского права список изъятий, фигурирующий в авторском законодательстве, не может считаться исчерпывающим» [1, с. 23–24].

При установлении ограничений исключительного авторского права свобода усмотрения национального законодателя существенным образом ограничена нормами многосторонних международных договоров. При этом особую роль играют нормы, получившие название *трехступенчатого теста* (англ. *three-step test*). В общем виде эти нормы позволяют странам помимо прямо предусмотренного международными договорами устанавливать дополнительные ограничения исключительного права 1) в некоторых особых случаях, 2) при условии, что это не наносит ущерба нормальной эксплуатации произведения, и 3) не ущемляет необоснованным образом законные интересы правообладателя. Как отмечает К. Гейгер, именно такая широкая формулировка позволяла решить крайне болезненный вопрос об изъятиях путем отсылки к статье общего характера, связь с которой можно было установить в странах как континентальной традиции, так и традиции общего права [5]. Заключенное в рамках ВТО Соглашение ТРИПС сделало «трехступенчатый тест» *универсальным инструментом*, позволяющим государствам, принадлежащим к различным правовым системам, использовать общие подходы в установлении норм национального законодательства, определяющих основания и пределы ограничения исключительных прав на различные объекты права интеллектуальной собственности. Как отмечает проф. С. Рикетсон, будучи первоначально тестом ограниченного применения согласно Бернской конвенции, трехступенчатый тест был принят в качестве универсального шаблона для ограничений и исключений в соответствии с Соглашением ТРИПС и Договором ВОИС по авторскому праву [6]. При этом особое значение применение «трехступенчатого теста» приобретает в связи с решением вопроса допускаемых ограничений исключительных авторского права *при использовании произведений в цифровой среде*, поскольку действующие в настоящее время международные договоры не содержат специальных норм.

Многие современные исследователи отмечают наметившуюся тенденцию к переходу от разрешительного подхода к компенсационному, что проявляется как в расширении случаев, когда допускается свободное использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности, так и во введении различных случаев принудительных лицензий. Как справедливо отмечает К. Гейгер, «цифровая революция» потребовала переоценки и адаптации авторского права с тем, чтобы сохранить справедливый баланс между заинтересованными сторонами, при этом наиболее адекватным решением является расширение практики замещения исключительного

права справедливой денежной компенсацией [5]. В то же время, установление изъятий из сферы авторского права в формате «без согласия автора (правообладателя), но с выплатой справедливого вознаграждения» порождает проблему реализации права на получение такого вознаграждения, решение которой специалисты видят *в системе принудительного коллективного управления*.

В итоге можно сделать следующие выводы. Ключевым вопросом для законодательства об авторском праве является закрепление справедливого баланса между интересами автора (правообладателя), заинтересованного в осуществлении своего исключительного права, и интересами общества в целом или отдельных категорий лиц, заинтересованных в получении свободного и бесплатного доступа к охраняемым произведениям. Основным способом закрепления такого баланса является установление в законодательстве об авторском праве случаев допускаемого свободного использования произведений. Универсальным критерием для решения вопроса о допустимости определенных ограничений исключительного авторского права является «трехступенчатый тест», предусмотренный нормами Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, Договором ВОИС по авторскому праву, а также Соглашением ТРИПС. Особое значение «трехступенчатый тест» приобретает в связи с решением вопроса о допустимых ограничениях исключительного авторского права при использовании произведений в цифровой среде, поскольку действующие международные договоры не содержат норм, специально посвященных таким ограничениям.

В качестве тенденции развития национальных законодательств стран мира, применяющих «закрытую» систему ограничений исключительного авторского права, можно назвать стремление как законодателя, так и суда придать этой системе большую гибкость. Еще одной тенденцией является переход от разрешительного подхода к компенсационному – установление изъятий из сферы авторского права в формате «без согласия автора (правообладателя), но с выплатой справедливого вознаграждения».

Список использованных источников:

1. Лепаж, Анн. Обзор изъятий и ограничений авторского права в цифровой среде / Анн Лепаж // Авторское право. Бюллетень UNESCO. – Т. XXXVII. – 2003. – № 1. – С. 3–26.
2. Липчик, Д. Авторское право и смежные права / Д. Липчик; пер. с фр.; предисл. М. Федотова. – М.: Ладомир, ЮНЕСКО, 2002. – 788 с.
3. Калятин, В.О. О некоторых тенденциях развития концепции «добросовестного использования» в современном авторском праве стран «общего права» / В.О. Калятин. // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С. 136–150.

4. Exceptions and Limits to Copyright and Neighboring Rights /WCT-WPTT/IMP/1 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/wct_wppt_imp/wct_wppt_imp_1.pdf. – Date of access: 15.10.2021.

5. Гейгер, К. Роль трехступенчатого теста в адаптации законодательства об авторском праве к информационному обществу [Электронный ресурс] / К. Гейгер // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. – 2007. – № 1. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001578/157848r.pdf>. Дата доступа: 15.10.2021.

6. WIPO Study on Limitations and Exceptions of Copyright and Related Rights in the Digital Environment / SCCR/9/7. [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_9/sccr_9_7.pdf. – Date of access: 15.10.2021.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Н.В. Мороз

Ключевые слова: трудовое право, коммерческая тайна, работник, наниматель.

Одним из субъектов разглашения информации, составляющей коммерческую тайну, может выступать работник организации, который имеет доступ к такой информации в силу выполняемых им трудовых функций либо из-за отсутствия должных мер по защите такой информации от разглашения. Как показывает практика, работникам достаточно часто приходится сталкиваться с коммерческой тайной как информацией ограниченного доступа.

Самым простым примером могут быть персональные данные сотрудников (включая данные о зарплатах), клиентские базы, технологические схемы и т.д. [1, с. 32].

Согласно ч. 8 ст. 1 Закона о коммерческой тайне от 5 января 2013 г. № 16-З (далее - Закон о коммерческой тайне) под разглашением коммерческой тайны понимаются действия (бездействие), в результате которых сведения, составляющие коммерческую тайну, в любой возможной форме (устной, письменной, иной форме, в том числе с использованием технических средств) становятся известными третьим лицам без согласия владельца коммерческой тайны или иного законного основания [2].

Институт коммерческой тайны играет важную роль в трудовых правоотношениях, поэтому наниматели должны обдуманно осуществлять подход к допуску работников к ценной информации, четко и подробно формулировать в локальных правовых актах сведения, составляющие коммерческую тайну, а также информацию по осуществлению режима коммерческой тайны.

Работники, имеющие доступ к коммерческой тайне, определяются нанимателем. При этом наниматель вправе определить как конкретного работника, так и категории должностей, принятие на которые предполагает доступ к коммерческой тайне.

Обязанность работника не разглашать коммерческую тайну возникает при условии, если работник будет осведомлен о том, что именно составляет коммерческую тайну. В этой связи в соответствии со ст. 15 Закона о коммерческой тайне наниматель должен письменно:

- ознакомить работника с перечнем тех сведений, которые составляют коммерческую тайну и (или) сведений, составляющих коммерческую тайну третьих лиц, к которым наниматель получил доступ (без раскрытия содержания этих сведений);

- информировать работника, получающего доступ к коммерческой тайне, с установленным им режимом коммерческой тайны;

- информировать работника с мерами ответственности за нарушение режима коммерческой тайны, а также за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну нанимателя, и (или) сведений, составляющих коммерческую тайну третьих лиц, к которым наниматель получил доступ [2].

После ознакомления работников о том, что именно составляет коммерческую тайну, в обязанности нанимателя входит создание работникам необходимых условий для соблюдения установленного им режима коммерческой тайны.

Закон о коммерческой тайне не раскрывает, в каких конкретно локальных правовых актах необходимо оформить эту информацию для ознакомления с ней работника. Некоторые авторы, например, Б.С. Вискребцов, считают, что для ознакомления работника с перечнем сведений, которые составляют коммерческую тайну, достаточно разработать дополнительное соглашение к трудовому договору работника [3, с. 77]. Другие авторы, например, А.И. Болгарский, считают, что эти сведения должны присутствовать в должностной инструкции работника, получающего доступ к коммерческой тайне [4, с. 18].

Однако обычно этого недостаточно, так как в трудовом договоре такая обязанность определяется лишь в общем виде, как правило, с отсылкой на должностную инструкцию. А конкретизация перечня сведений, составляющих тайну, в должностной инструкции сильно расширит ее объем. Более того, информация даже о сведениях, составляющих коммерческую тайну, в трудовом договоре или в должностной инструкции нежелательна, т.к. эти акты, как правило, не являются информацией ограниченного доступа. Поэтому, по мнению автора, нанимателю необходимо оформить отдельные локальные правовые акты, направленные на охрану коммерческой тайны.

Необходимо отметить, что с целью охраны конфиденциальной информации Законом о коммерческой тайне предусмотрены меры, вытекающие не только из трудовых, но и из гражданских правоотношений.

К одному из организационных способов охраны коммерческой тайны принято относить обязательство о неразглашении коммерческой тайны,

заключаемое между нанимателем-владельцем коммерческой тайны и работником. Если же доступ к коммерческой тайне имеют лица, выполняющие работы на основании гражданско-правового договора, с ними рекомендуется заключение соглашения о конфиденциальности.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Закона о коммерческой тайне обязательство о неразглашении коммерческой тайны – это гражданско-правовой договор, заключаемый нанимателем с работниками и определяющий обязательства сторон, связанные с соблюдением конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну [2]. Оно может обеспечивать сохранность коммерческой тайны как самого нанимателя, так и иных лиц, передавших конфиденциальные сведения нанимателю.

Обязательство о неразглашении коммерческой тайны должно содержать:

- порядок доступа работника к сведениям, составляющим коммерческую тайну;
- права и обязанности сторон, связанные с соблюдением конфиденциальности сведений;
- срок действия обязательства;
- обязанность и ответственность за ее неисполнение (ненадлежащее исполнение) в письменной форме уведомить работников, включая уволенных работников, в отношении которых действует обязательство о неразглашении коммерческой тайны, о затрагивающих их права и законные интересы изменении или отмене режима коммерческой тайны в целом либо в отношении отдельных сведений, составляющих коммерческую тайну.

После увольнения работника, который имел доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну, и подписал обязательство о неразглашении коммерческой тайны во время трудовых отношений, обязанность соблюдения конфиденциальности таких сведений продолжается в рамках гражданско-правовых отношений на основе данного обязательства (ч. 5 ст. 17 Закона о коммерческой тайне).

Если с работником во время трудовых отношений не заключалось обязательство о неразглашении коммерческой тайны, а меры по защите коммерческой тайны включались только в локальные правовые акты, в том числе в трудовой договор (контракт) с работником, должностную инструкцию, то обязательство о неразглашении коммерческой тайны может быть подписано и после увольнения работника.

При этом во всех случаях работник обязан передать нанимателю при прекращении трудового договора (контракта) находящиеся у него носители коммерческой тайны (ч.4 ст. 16 Закона о коммерческой тайне) [2].

Соблюдение конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну, обязательно в течение срока указанного в соглашении о неразглашении коммерческой тайны либо до момента отмены режима коммерческой тайны в отношении сведений, составляющих коммерческую тайну, к которым работник имел доступ, если этот момент наступит ранее

окончания срока действия обязательства о неразглашении коммерческой тайны (ч. 5 ст. 17 Закона о коммерческой тайне) [2].

Примером охраны коммерческой тайны в организации также может быть заключение с работником соглашения о неконкуренции. Так, в соответствии с подп. 5.6 п. 5 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» резиденты Парка высоких технологий смогут заключать со своими работниками соглашения о неконкуренции, которое должно обязательно содержать обязательное условие о ежемесячной плате после прекращения трудовых отношений с работником за соблюдение взятого им обязательства в размере не менее одной трети среднемесячного заработка работника за последний год работы [5].

Срок такого обязательства – не более одного года после прекращения трудовых отношений с резидентом Парка высоких технологий, с которым заключено соглашение о неконкуренции. Такое соглашение резидент Парка высоких технологий может заключить со своим сотрудником и в период работы [5]. Соглашение о неконкуренции необходимо отличать от обязательства о неразглашении коммерческой тайны. Последнее не ограничивает работника в дальнейшем трудоустройстве, занятии определенным видом деятельности, а только обязывает не разглашать коммерческую тайну определенный срок.

Между тем, следует отметить, что национальным законодательством не определены «переходные периоды» между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями. Более того, достаточно сложно разграничить коммерческую тайну и профессиональные навыки и знания работника, которые он добросовестно приобрел, работая у своего бывшего нанимателя, и которые он может, а в некоторых случаях, – и должен применять у другого нанимателя.

Список использованных источников:

1. Непевная, Н.Т. Коммерческая тайна: опыт регламентации / Н.Т. Непевная // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 7. – С. 32–33.
2. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 132-З) // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Вискребцов, Б.С. Роль коммерческой тайны в трудовых правоотношениях / Б.С. Вискребцов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право»; вып. 21. – № 31 (169). – 2009. – С. 73–77.
4. Кеник, К.И. Трудовые отношения и коммерческая тайна / К.И. Кеник // Промышленно-торговое право. – 2013. – № 5. – С. 18–20.
5. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г., № 8 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ЛОМБАРДЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.В. Мороз, Е.В. Долгая

Ключевые слова: ломбард, коммерческая микрофинансовая организация, залогодатель, залогодержатель, драгоценные металлы, драгоценные камни, лицензирование.

Ломбард – один из старейших существующих финансовых институтов, история которого охватывает не одну сотню лет. Ещё в древнегреческих и древнеримских источниках упоминаются учреждения, занимающиеся выдачей займа под любой залог, а история их китайских аналогов и во все древняя – более 3000 лет. Откуда истоки этого явления? В Венецию и Ломбардию хлынул поток военных трофеев после крестовых походов на Константинополь, что и поспособствовало зарождению ростовщичества и первых банков. В белорусских губерниях начиная с 1796 г. формировались кредитные учреждения, носившие название «приказы общественного призрения» [1].

Принятое современное понимание ломбарда таково – это учреждение для быстрого получения денег под ссуду движимого имущества, например, ювелирных украшений, а также под залог автомобиля или недвижимости.

Преимущество обращения в ломбард заключается в том, что при неблагоприятном развитии ситуации оно грозит лишь потерей залога.

Одним из широко известных в мировой истории примеров неоспоримой пользы от ломбардов может послужить случай с королевой Испании Изабеллой I, которая вынуждена была заложить в ломбард свою бриллиантовую корону, чтобы профинансировать экспедицию Христофора Колумба в Индию, в результате чего была открыта Америка» [1].

Указ Президента Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 394 «О предоставлении и привлечении займов», вступивший в силу с 27 апреля 2020 года (далее – Указ № 394), является основанием для открытия ломбарда в Республике Беларусь [2].

Ломбард – это коммерческая микрофинансовая организация (далее – МФО), открыть которую имеет право только юридическое лицо – хозяйственное общество или унитарное предприятие. Индивидуальный предприниматель этого права лишен.

Коммерческая МФО должна быть внесена в реестр Национального банка Республики Беларусь, при условии её соответствия данным требованиям:

- 1) наличие сайта;
- 2) на банковском счету организации имеется не менее 50 000 рублей (уставной фонд);
- 3) руководитель МФО отвечает квалификационным и репутационным требованиям: имеет высшее экономическое или юридическое образование (или переподготовку с другой специальности).

Требования к репутации следующие: отсутствие судимости за совершение преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности; нарушений Уголовного кодекса Республики Беларусь, административных нарушений по статье 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях; отсутствие решений суда о вине в банкротстве юридического лица; отсутствие записей в трудовой книге за последний год об увольнении за проступок, ведущий к утрате доверия нанимателя.

Основные правила, регулирующие деятельность современных ломбардов, таковы: МФО может не только хранить, но и выкупать предметы для перепродажи или вести комиссионную торговлю (для осуществления розничной торговли необходимо внести юридическое лицо в Торговый реестр Республики Беларусь); если планируется работа с драгоценными металлами и драгоценными камнями, потребуется лицензия Министерства финансов Республики Беларусь.

В режиме работы ломбардов есть свои особенности: приток клиентов приходится в основном на 17-20 часов; чаще всего посетители приносят золотые изделия (кольца, цепочки, крестики); предметы бытовой техники (телевизоры, мониторы, игровые приставки) и рабочий инструмент [3].

Заметим, что для приема ломбардами в залог ценностей, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни, получения лицензии Минфина не требуется согласно Положению о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4].

При этом ломбарды могут принимать в залог только те драгоценные металлы и драгоценные камни, которые указаны в Инструкции об особенностях осуществления ломбардами операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 5 декабря 2014 года № 77 [3].

Помещения ломбардов для приема ценностей должны быть оборудованы весами, прошедшими метрологический контроль в соответствии с законодательством Республики Беларусь об обеспечении единства измерений, пробирными реактивами (химические реактивы для определения проб драгоценных металлов) и (или) иными специальными приборами для качественного и количественного определения пробы. Также должны быть выполнены требования к размерам предельно допускаемой погрешности весов, учета и хранения драгоценных металлов и драгоценных камней, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 15 марта 2004 года № 34. Все операции с ценностями при их приемке совершаются только в присутствии залогодателя.

В обязанности ломбардов входит и обеспечение сбора отходов, образующихся при шабровке и определении пробы ценностей, их сдача на перерабатывающие организации Республики Беларусь для извлечения драгоценных металлов, что производится в порядке, установленном Инструкцией о порядке сдачи и приемки лома и отходов, содержащих драгоценные

металлы, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 31 мая 2004 года № 87. Определение стоимости драгоценных камней в принимаемых в залог ценностях может осуществляться ломбардами при наличии специалистов - геммологов, имеющих документы, подтверждающие их профессиональную квалификацию.

Принятые от граждан ценности подлежат обязательному упаковыванию, описанию в залоговом билете с указанием количества и цвета вставок, наличия видимых дефектов, а также наименования драгоценного металла (и его пробы), количества ценностей, массы, цены за один грамм, наименования драгоценных камней и цены за один карат (при определении их стоимости).

Таким образом, существующие в современном обществе суждения о ломбардах подчас полярны: от абсолютного неприятия, связанного с представлением об этом явлении как о скупках, где принимают вещи по намеренно заниженным ценам, чтобы затем выгодно продать и получить прибыль, до убеждения в том, что ломбарды, может быть, и зло, но необходимое, так как они помогают гражданам разрешить их финансовые проблемы, пусть и временно.

Считаем, что ломбард имеет право на существование в современном обществе, однако прежде чем обращаться к его услугам, необходимо убедиться, что он работает на законном основании.

Более того, одним из самых глобальных изменений, которые произошли со вступлением в силу Указа № 394, можно назвать расширение перечня разрешенных для ломбардов видов деятельности, которые получают право осуществлять комиссионную торговлю, хранить вещи и приобретать их для дальнейшей реализации, предоставлять микрозаймы гражданам под залог транспортных средств без обязанности передачи предмета залога ломбарду.

Список использованных источников

1. История становления ломбардов в Европе, России и Беларуси в XVIII-XIX веках [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/articles/1488.pdf>. – Дата доступа: 05.11.2021.

2. О предоставлении и привлечении займов: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 октября 2019 г., № 394; с изм. и доп.: Указ Президента Республики Беларусь от 24 марта 2021 г., № 116 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Что и за сколько можно сдать в ломбард? [Электронный ресурс] // myfin.by. – Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/11389-chto-i-za-skolko-mozhno-sdat-v-lombard>. – Дата доступа: 09.11.2021.

4. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 01.09.2010, № 405; с изм. и доп.: Указ Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2020 г., № 413 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

О.Л. Мороз

Ключевые слова: гражданский процесс, свидетель, свидетельский иммунитет, родственники.

Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964г. не упоминал о праве каких-либо лиц отказаться от дачи показаний. По мнению ряда авторов это являлось отражением доминирующих в тот период воззрений относительно основополагающих принципов судопроизводства, в частности, принципа объективной истины, в соответствии с которым суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Считалось, что введение в закон норм, предусматривающих освобождение от обязанности свидетельствовать родственников сторон и других лиц, нецелесообразно, поскольку это может затруднить установление объективной истины по делу [1, с. 36, 2, с. 39].

Институт свидетельского иммунитета в национальном законодательстве был возрожден в 1994 г. с принятием Конституции Республики Беларусь, правовая основа которого заложена в ст.27 Конституции и конкретизировано это право в ст. 94 ГПК Республики Беларусь. В соответствии с указанной нормой Конституции «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников». Прежде всего, это право связано с возможностью отказаться от самообвинения.

Что касается близких родственников и членов семьи, то в силу родственных отношений они заинтересованы в исходе дела. С одной стороны, свидетель осознает обязанность говорить правду, а с другой, в силу родства, желает помочь близкому человеку, дать выгодные для него показания. Давление на родственников угрозой привлечения к уголовной ответственности за невыполнение ими обязанностей свидетеля вело бы к нарушению общечеловеческих принципов морали, распаду семьи, разрушению родственных отношений.

Как уже было отмечено выше в основе освобождения от свидетельства лежит принцип свободы от самообвинения из соображений этического характера. Но этим ограничиваться не следует. Такая ситуация возможна, но не типична для гражданского судопроизводства, направленного прежде всего на защиту имущественных, а также некоторых неимущественных прав и законных интересов граждан. Следовательно, свидетельский иммунитет должен распространяться на все сведения, которые могут принести

имущественный вред свидетелю или его близким родственникам, а также повлечь уголовную ответственность для названных лиц.

Таким образом, необходимость существования в законодательстве института свидетельского иммунитета обусловлена его социальной значимостью, проявляющейся в предоставлении гражданину гарантий защиты его права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, в укреплении нравственных основ правосудия. Положение о свидетельском иммунитете имеет и важное прикладное значение, поскольку связано с проблемой предупреждения лжесвидетельства.

Свидетельский иммунитет родственников широко распространен в законодательстве зарубежных стран. Так, согласно Закону о доказательствах 1968 г., в гражданском судопроизводстве Англии считается недопустимым обязывать свидетеля сообщать информацию, если она создает опасность уголовного преследования или возобновления отбытия наказания. Названный закон предоставил привилегию супругу лица, выступающего в качестве свидетеля. Муж имеет право протестовать против вопроса, если честный ответ нанесет вред его жене.

ГПК Болгарии относит к субъектам свидетельского иммунитета родственников по прямой линии, братьев, сестер, супруга стороны. Венгерское законодательство распространяет указанное право на родственников по прямой восходящей или нисходящей линии, его (ее) брата и сестру, супруга брата или сестры. В Румынии освобождены от свидетельства родственники стороны до третьей степени родства, включая разведенного супруга. В бракоразводных процессах и процессах, касающихся гражданского состояния, можно заслушивать родственников и близких сторон, за исключением детей разводящихся супругов.

Немецкое законодательство предусматривает право свидетеля отказаться от дачи свидетельских показаний по двум основаниям: по личным причинам и по предметным причинам. В первом случае свидетель вправе не давать показания по личным причинам, если он имеет родственные связи с одной из сторон, либо ему в силу служебного или профессионального положения были доверены факты, которые требуют сохранения тайны, а также в некоторых других случаях, предусмотренных § 383 ГПК ФРГ. По предметным причинам свидетель может отказаться от дачи свидетельских показаний, например, по вопросам, ответы на которые могут привести к прямому правовому ущербу, обесчестить или создать угрозу преследования для свидетеля, его родственников или близких, а также в других случаях, предусмотренных § 384 ГПК ФРГ.

Как было указано ранее, право отказа от дачи свидетельских показаний в случаях, предусмотренных ст. 94 ГПК Республики Беларусь предоставлено с целью сохранения родственных и семейных отношений.

Однако, необходимо отметить, что человеческие отношения весьма многообразны. Как правило, не только между супругами, близкими

родственникам, но и свойственниками имеется особая моральная и материальная общность, отмечается стремление оказывать содействие друг другу в удовлетворении материальных и нематериальных потребностей. Следует согласиться с Д.И. Мейером, который полагал, что «брак производит сближение не только между супругами, но и между их родственниками...» [3].

Еще в римских Дигестах императора Юстиниана, составленных в 533 году н. э., титул № 2 книги № 22 запрещал принудительный вызов для свидетельствования против тестя, зятя, отчима, пасынка, двоюродного брата, двоюродной сестры, двоюродного племянника и тех, кто находится в более близкой степени родства или свойства [4, с. 14].

И в наше время отношения родства, супружества и свойства во многом определяют этически допустимые способы реализации задач правосудия. Таким образом, исходя из этических и нравственных соображений полагаем, что к числу лиц, в отношении которых можно отказаться от дачи показаний необходимо отнести свойственников (т.е. близких родственников одного из супругов). Причем полагаем, что свидетельский иммунитет должен действовать и в «обратном направлении»: близким родственникам супруга (супруги) также должно быть предоставлено право отказаться от дачи показаний против невестки (зятя).

На основании вышеизложенного предлагается внести изменения в ст. 94 ГПК Республики Беларусь и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 94. Право свидетеля отказаться от дачи показаний

Свидетель вправе отказаться от дачи показаний против самого себя, членов своей семьи, близких родственников, свойственников, супруга (супруги)».

Список использованных источников:

1. Ратинов, А. Лжесвидетельство и борьба с ним / А. Ратинов // Социалистическая законность. – 1974. – №5. – С. 36.
2. Карнеева, Л., Кертес И. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству / Л. Карнеева, И. Кертес. – М., 1985. – С. 39.
3. Мейер, Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. – Изд. 3-е, испр. / Д.И. Мейер. – М.: «Статут», 2003. – 831 с.
4. Дежнев, А.С. Отношения родства, супружества и свойства в уголовном процессе: автореф дисс. на соискание ученой степени канд юрид. наук. Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс; Криминалистика и судебная экспертиза; Оперативно-розыскная деятельность / А.С. Дежнев; Науч. рук. В.В. Кальницкий; Министерство внутренних дел РФ. Омская академия. – Омск, 2002. – С.14.

УПРАВЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВОМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ ЗАВЕЩАНИЯ, ДУШЕПРИКАЗЧИКОМ

Д.Н. Николичев

Ключевые слова: сделка, исполнитель завещания, наследство, завещание, душеприказчик.

Статья 1053 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предоставляет завещателю право назначить специально уполномоченное лицо, поручив ему исполнение завещания. Правовой режим деятельности исполнителя завещания, душеприказчика закреплен практически во всех кодифицированных актах современных государств. Несмотря на свою давнюю традицию, институт исполнения завещания сохраняет поставленные временем и нерешенные законодателем вопросы, связанные с обеспечением интереса наследников. В подтверждение проблемы можно привести высказывание известного российского правоведа Г.Ф. Шершеневича, сохранившее свою актуальность и сегодня. Ученый писал: «Душеприказничество соединимо только с таким представлением о наследовании, по которому момент приобретения права наследования отличается от момента вступления наследника во все юридические отношения, составляющие в совокупности наследство. С точки зрения теории, сливающей эти два момента, которые относятся к открытию наследства и приобретения наследником прав собственности и других прав, остается непонятным, каким образом постороннее лицо помимо собственника распоряжается его вещами» [1].

Современное состояние национального законодательства не значительно продвинулось в этом вопросе. Очевидно, что закрепленная в ГК и предоставленная исполнителю завещания, душеприказчику свобода усмотрения в делах наследства создают определенные предпосылки для его недобросовестного поведения, злоупотребления правом. Такое утверждение основано рядом объективных причин и положениями действующего законодательства.

Так на момент исполнения завещания лица, обладавшего правом на имущество (наследство) и выдавшего завещательное распоряжение о назначении исполнителя завещания, уже нет в живых, а наследники, другие заинтересованные в наследстве лица не приобрели каких-либо реальных прав в отношении такого имущества. Исполняя волю завещателя, исполнитель завещания, душеприказчик наделен широким объемом правомочий. Он вправе совершать не только фактические действия (обеспечить переход к наследникам причитающегося им имущества (п. 2 ст. 1053 ГК), но и осуществлять от своего имени юридически значимые действия, сделки связанные с управлением наследством (п. 3 ст. 1053 ГК).

Исполнение завещания сопряженное с управлением наследством является не простым делом, требует не только временных затрат, но и необходимых навыков, умений подкрепленных документами подтверждающими специальное полномочие. В свою очередь неразумное, недобросовестное управление, злоупотребление правом исполнителем завещания в делах наследства могут привести к негативным для наследников последствиям, утрате имущества, права на него, возникновению обременительных обязательств и т.п. В результате неизбежен конфликт интересов и переход правового отношения в режим охранительного порядка. В цивилистической литературе отмечается, что негативное поведение может выражаться в действиях лиц, направленных на создание необоснованных преимуществ для одной из сторон, создание условий для неисполнения либо ненадлежащего исполнения своих обязанностей недобросовестной стороной [2, с. 105].

При наступлении негативных последствий наследники, лица заинтересованные в наследстве ограничены в выборе способа защиты нарушенного права, поскольку сделки и другие юридические действия исполнителя завещания совершены в силу поручения, а его полномочия основаны на законе. Такие лица могут обратиться к нотариусу или суду с требованием об устранении недобросовестного исполнителя завещания, душеприказчика, если для этого имеются достаточные основания. Оспорить же сделки совершенные в ущерб интересам наследников, лицам заинтересованным в наследстве довольно сложно. Законодательством не предусмотрено право наследников отказаться от исполненного или оспорить сделки, которые совершены исполнителем завещания, душеприказчиком в пределах полномочий, правомочий, но в ущерб их интересам ввиду наличия у таких лиц только интереса при отсутствии права (наследники еще не приобрели права собственности на наследство). Проблематичность ситуации дополняется неопределенностью правового режима, в котором действует исполнитель завещания, душеприказчик. В контексте сказанного и существует не обеспеченный законодательством интерес наследников связанный с сохранением и приумножением наследства.

Институт душеприказничества встречается практически во всех современных законодательствах, но лишь некоторые из них достаточно четко устанавливают правовой режим, в котором действует исполнитель завещания, душеприказчик. Такая определенность предусмотрена наследственным законодательством Германии и с недавнего времени законодательством Российской Федерации (с учетом изменений, внесенных в ГК РФ в 2018 году). Согласно § 2218 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) к отношениям с участием душеприказчика применяются правила о договоре поручения, а п. 4 ст. 1135 ГК РФ закреплено, что исполнитель завещания приравнивается к статусу доверительного управляющего. Такой подход в определении правового статуса исполнителя завещания, душеприказчика сориентировал правоприменителя на режим деятельности лица в

чужом интересе, что позволяет (во всяком случае путем аналогии) конкретизировать его права и обязанности.

Обращает на себя не только общий подход, но и степень нормативной детализации действий исполнителя завещания, душеприказчика при управлении наследством. Наиболее четко и последовательно в этой части наследственное законодательство Германии. Деятельность душеприказчика урегулирована § 2197–2228 в книге 5 раздела 3 «Наследственное право» ГГУ. На самостоятельность душеприказчика в форме конкретных прав и обязанностей указывают положения § 2205, 2207, 2211 ГГУ. Такое лицо наделяется правом управления наследственной массой, неограниченным правом устанавливать обязательства за счет наследства, распоряжаться наследственным предметом, подлежащим управлению, вплоть до неограниченного права устанавливать обязательства за счет наследства (§ 2207). Срок такого управления, в отличие от сроков установленных законодательством других государств, может осуществляться в течение 30 лет с момента открытия наследства. При этом он «обязан к правильному управлению» (§ 2216). В случае, если указания наследодателя сопряжены со значительной опасностью для наследства, полномочия наследодателя могут быть отменены.

Более сдержано в вопросах определения судьбы наследственного имущества душеприказчиком законодательство Франции и Швейцарии. Так, в ст. 1025–1034 ФГК для целей исполнения завещания предусмотрена передача наследственного имущества во владение исполнителю завещания на срок до одного года и одного дня с момента (даты) смерти завещателя, его полномочия не могут быть переданы наследникам. Швейцарский закон определяет, что если временный наследник не может обеспечить безопасность или угрожает ожиданию оставшегося лица, то наследование должно быть помещено под управление завещанием (п. 3 ст. 490 ГК Швейцарии). В ст. 986–990 главы 4 ГК Польши закреплён обязательственно-правовой режим деятельности исполнителя завещания: такое лицо обязано управлять имуществом, выплачивать долги, в частности, делать записи и инструкции, а затем выдать имущество наследникам в соответствии с волей наследодателя и законом.

При оценке норм наследственного законодательства на предмет свободы в волеизъявлении исполнителя завещания, душеприказчика обращает на себя внимание содержащаяся в норме формулировка: в одних случаях он «должен», в других «обязан» совершить определенные в законе действия. На основании долженствования построены нормы наследственного законодательства Республики Беларусь (п. 2 ст. 1053 ГК), Республики Казахстан (п. 2 ст. 1059 ГК), Российской Федерации (п. 2 ст. 1135 ГК), Республики Таджикистан (п. 3 ст. 1164 ГК), Республики Польша (п. 1 ст. 988 ГК), Французской Республики (ст. 1031 ГК). Исполнение поручения душеприказчиком в форме обязанности предусмотрено гражданскими кодексами

Республики Украина (п. 1 ст. 1290); Республики Молдова (ст. 1480); Республики Туркменистан (ст. 1232).

Вместе с тем в научной литературе справедливо отмечается, что в гражданском законодательстве сложно четко определить круг обязанностей управляющего, их можно представить как совершение в отношении переданного в управление имущества любых фактических и юридических действий [2, с. 46,], [3].

Рассмотренные вопросы национального законодательства и законодательства других государств, в области управления наследством исполнителем завещания, душеприказчиком, обеспечения интересов наследников, являются звеном более общей проблемы связанной с урегулированием особой группы сделок. Сделок совершаемых в чужих интересах в силу поручения, когда уполномоченное, управомоченное лицо, в силу закона, договора иной сделки наделено свободой усмотрения принимать юридически значимые решения. На наш взгляд для формирования правового режима такого рода сделок, необходимо предусмотреть сочетание регулятивных и охранительных начал. Задача регулятивного блока закрепить позитивное поведение лиц, в форме положения (нормы) закрепляющего факт свободы усмотрения в действиях уполномоченного, управомоченного лица. Задача охранительного блока не только превентивная, сдерживание и подавление негативного поведения уполномоченного, управомоченного лица, но и в развитие принципиального положения (ст. 9 ГК), закрепить специальную норму, предусмотрев обстоятельства, дающие основание для оспаривания сделок совершенных в ущерб интересам представляемых лиц. Такой подход позволит:

- обеспечить гарантии практической реализации гражданско-правовых принципов в рассмотренной области отношений (осуществления гражданских прав по своему усмотрению и не злоупотребления правом);
- сформировать целостное и системное представление об особой группе сделок, где уполномоченное, управомоченное лицо (управляющий, поверенный, комиссионер, доверительный управляющий, агент, исполнитель завещания, душеприказчик), в силу закона, договора иной сделки наделено свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в чужих интересах;
- предоставить собственнику дополнительный механизм обеспечения его прав и интересов на случай совершения уполномоченным, управомоченным лицом сделок в ущерб его интересам.

Список использованных источников:

1. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права [Электронный ресурс] / Г. Ф. Шершеневич // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1557.html. – Дата доступа: 13.01.2017.

2. Елисеев, В.С. Теория экономических обязательств: обеспечение и защита имущественного интереса / В.С. Елисеев. – М.: Элит, 2009. – 552 с.
3. Аксенова, Е.И. Доверительное управление наследственным имуществом / Е.И. Аксенова // Наследств. право. – 2006. – № 1. – С. 45–47.
4. Палшкова, А.М. Наследственно-правовой статус душеприказчика: история и современное состояние / А.М. Палшкова // Наследственное право. – 2009. – № 2. – С. 3–8.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

А.П. Петров

Ключевые слова: права человека, международные стандарты в области прав человека, равноправие, правовые гарантии, международно-правовые механизмы защиты.

У Организации Объединенных Наций нет цели, с которой она отождествляла бы себя так тесно, как цель защиты прав человека. Защита достоинства человека вписано в ее Устав и является составной частью деятельности функциональных структур ООН.

В преамбуле Устава подтверждается вера народов Объединенных Наций «в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправии мужчин и женщин...» и провозглашается решимость «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе» [1, с. 9]

В деятельности ООН в области прав человека Экономическому и Социальному совету принадлежит заметная роль. Наделенной правом, как и Генеральная Ассамблея, вносить рекомендации по вопросу соблюдения прав человека, Совет должен также готовить проекты конвенций по вопросам входящим в его компетенцию.

Свидетельствованием глубокой приверженности Организации Объединенных Наций делу защиты человеческого достоинства является то, что в качестве одного из своих первых начинаний Комиссия по правам человека (в последующим переименована в Комитет по правам человека) взяла на себя задачу разработки «международного билля о правах человека», который мог бы служить эталоном и по которому государства могли бы оценивать свое достижения в области защиты прав человека. Первый раздел такого билля – Всеобщая декларация прав человека – была принята 10 декабря 1948 года. Через несколько лет остальные документы, составляющие Международный билль были одобрены Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1966 году. Они были разработаны в виде двух международных пактов. Эти пакты имеют характер юридически обязательных договоров, и

подписавшие их государства берут на себя обязательство соблюдать конкретные права, перечисленные в этих документах.

С этого момента начался новый этап в истории прав человека. Впервые государства взяли на себя обязательство перед международным сообществом содействовать осуществлению прав своих граждан и, впервые государства наделили международный орган правом проверять их честность в выполнении обязательств уважать эти права. Впервые жертвы нарушений прав человека получили возможность обращаться за помощью в орган, неподведомственный притесняющим их властям.

ООН ныне смотрит в такое будущее, когда все государства будут соблюдать различные договоры в области прав человека, в силу чего на все государства будет распространяться всеобъемлющая система наблюдения за выполнением обязательств в области прав человека. В то же время она стремится к тому, чтобы способствовать совершенствованию национальных законодательств и административной и судебной практики, относящейся к области прав человека, а также заставить правительства покончить с нарушениями прав человека и обеспечить средства судебной защиты в каждом отдельном случае.

В общих чертах права человека можно определить как права, присущие природе человека, без которых он не может существовать как человеческое существо.

Права человека и основные свободы дают нам возможность полного развития и использования наших человеческих качеств, нашего интеллекта, наших талантов и совести и удовлетворять наши духовные и иные запросы. Они основаны на растущей потребности человечества в такой жизни, при которой неотъемлемое достоинство и ценность каждой человеческой личности пользовались бы уважением и защитой.

Отказ в предоставлении человеку прав и основных свобод является не только отдельной и личной трагедией, но и создает условия для социальных и политических беспорядков, сеет семена насилия и конфликтов в самом обществе и между обществами и государствами. Как указывается в первом положении Всеобщей декларации прав человека, человеческое достоинство «является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [1, с. 78–79]

Всеобщая декларация прав человека является главным международным документом, провозглашающим неотъемлемость и неприкосновенность прав всех членов человеческого общества. В Декларации перечисляются многочисленные права – граждански, политические, экономические, социальные и культурные – которыми наделены люди во всем мире [1, с. 79–81]

В начале Всеобщая декларация была задумана как заявление о целях, к достижению которых должны стремиться правительства и как таковая, она не являлась бы составной частью обязательного международного права. Однако то обстоятельство, что она была принята столь большим количеством государств, придало ей значительный моральный вес. На ее положения

ссылались при обосновании многих акций ООН; она явилась толчком к принятию многих международных конвенций либо была использована в них.

Международная конференция по правам человека, собравшись в Тегеране 22 апреля – 13 мая 1968 года для обзора работы, проделанной за двадцать лет со времени принятия Всеобщей декларации прав человека провозгласила, в частности, что она «является обязательством для членов международного сообщества» [1].

Декларация также оказывает значительное воздействие на конституции государства и на национальное законодательство, в том числе и на белорусское.

Всеобщая декларация прав человека является первым разделом Международного билля о правах человека, который включает Международный пакт о гражданских и политических правах [2, с. 82–94] и Международный пакт об экономических, культурных и социальных правах [2, с. 99–105], принятых 16 декабря 1966 года и факультативный протокол к международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года) [2, с. 94–96].

Международные пакты о правах человека – это договоры, государств – участники которых – т.е. государства, которые официально согласились придерживаться их положений – заключили с тем, чтобы уважать, гарантировать и принимать меры для полного осуществления широкого спектра прав.

Пакты признают и более подробно определяют большинство прав, изложенных во Всеобщей декларации, а также, затрагивают некоторые дополнительные права. В каждом Пакте учреждается, кроме того, механизм, с помощью которого орган ООН осуществляют контроль за государствами – участниками прав, находящихся под защитой. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам создан Экономическим и Социальным Советам для обзора результатов, достигнутых государствами – участниками в деле осуществления Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Выполнение Пакта о гражданских и политических правах находятся в ведении другого органа независимых экспертов – комитета по права человека.

Список использованных источников:

1. Воззвание Тегеранской конференции. Принято 13 мая 1968 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml. – Дата доступа: 15.11.2021.

2. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. – Т. 1 / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – 816 с.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ДРЕВНЕРУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В.А. Петров

Ключевые слова: источники права, обычаи, письменные источники права, Древнерусское государство, обычное право, каноническое право.

История человеческого общества представляет собой сложное, многогранное и противоречивое явление.

Характерной, отличительной от других социальных норм, чертой права выступает, то, что оно возникает с момента становления государственности. Следовательно, государство и право возникает одновременно и развивается в диалектической связи и взаимозависимости.

Главным источником Древнерусского феодального права было обычное неписанное право, складывающиеся из древних обычаев – способа передачи нормативной информации от поколения к поколению. Обычаи и другие виды социальных норм (образы, ритуалы, традиции, этикет и т.д.) глубоко уходят корнями в историю народа.

Обычное право представляло собой систему правовых норм, опирающихся на общепринятость и давность существования и санкционированное государством.

По мере усиления социального напряжения в обществе, развития государства, имущественной дифференциации населения, расширением гражданских правоотношений, а также преступных деяний возникла необходимость в более четкой реализации всех сторон общественной жизни, обычное право перестало удовлетворять общество. Возросло значение письменных источников права.

Первым письменным источником Древнерусского права были договоры Руси с Византией. С греками было заключено четыре договора: в 907 и 911 годах Олегом, в 945 году Игорем и в 972 году Святославом, закрепившим военные, политические и торговые отношения. «Они регулировали отношения между сторонами в случае убийств, краж, иных преступлений, устанавливали процедуру возмещения убытков, правила торговли, наследования, выкупа пленных» [1, с. 19].

С принятием христианства (988-989 годы) на Руси стало складываться каноническое право, основанное на византийском законодательстве. Распространялись сборники византийских церковных норм, применявшихся главным образом духовенством. Церковные и гражданские постановления во многих сборниках объединялись между собой по сходству содержания – такие книги получили названия Номоканонов, называвшиеся на Руси «Кормчими книгами».

С христианством появилась церковь, как учреждение внешнее, имевшее свои канонические законы. Обычное русское право во многом противоречило христианской морали и церковным канонам. Однако оно повлияло на развитие права в целом, так как многие важные сферы общественных отношений регулировались церковными законами.

В X веке появилось древнерусское великокняжеское законодательство. Особое место занимал Устав Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях» [1, с. 139–162], Устав Ярослава Владимировича «О церковных судах» [1, с. 167–208] и такие источники Древнерусского права, как Русская правда [1, с. 44–129]. Сюда же можно отнести Устав Великого князя Всеволода «О церковных судах, людех, и мерилах торговых» [2, с. 246–261], уставные и жаловные грамоты разных князей Древнерусского государства [1, с. 210–211; 212 – 223; 224– 232] и т.д.

В Уставе Владимира Святославовича (Мономахе) речь идет о пожаловании церкви «десятины» (одной десятой части всех княжеских доходов) и правила сбора этого налога от княжеского суда, торговых пошлин и хозяйственной деятельности: определялось церковное судоустройство, основанное на византийском праве. Церковному суду подлежали все преступления и жалобы по делам семейным, в том числе бытовые дела, преступления против церкви, все преступления и тяжбы лиц, находившихся в церковном ведомстве. Здесь же устанавливалось, чтобы во всех судах, даже светских вместе с княжескими судьями участвовали и представители церковной власти.

В Уставах закреплялось, что метрологическая система отходила в компетенцию церковных властей. Образцовые весы и меры должны были находиться в церкви. Эта часть устава взята полностью из византийского законодательства. Устав определял и круг лиц церковной компетенции. К церковному ведомству принадлежало все духовенство, лица служившие церкви с их семействами, паломники и вольно – отпущенные рабы, а также все, кто подлежал опеке и попечительству (престарелые, вдовы, сироты, инвалиды, изгои и т.п.), а также обслуживающий персонал приютов и лечебных учреждений. Таким образом, Устав Владимира Святославовича определяет место церкви в государстве, ее материальное положение в сфере юриспруденции.

Устав Ярослава Владимировича (Мудрого) «О церковных судах» ограничивал компетенцию церковного суда и устанавливал более четкие правовые нормы. Ярослав отделяет церковный суд от светского. Церковный суд распространялся только на дела касающиеся церкви, нравственности и семейных отношений. Церковному суду предоставлялось право налагать только духовные наказания, а исполнение приговора церковного суда Ярослав предоставлял гражданской власти, а не церковной. Все уголовные дела переходили в компетенцию княжеского суда. Устав Ярослава не только перечисляет преступные деяния, но и определяет за них наказания.

Крупным источником древнерусского права являлась Русская Правда – сборник писанных русских законов. В ней охвачены почти все отрасли тогдашнего права.

Русская Правда разрабатывалась для преодоления партикуляризма права, его унификации, приведения законов в соответствие со сложившейся социально – экономической и политической обстановкой, усовершенствованием судопроизводства.

Условно Русская Правда подразделяется на три редакции:

1. Краткая правда, состоящая из 18 статей и основана на законодательстве Ярослава Мудрого первой половины XI века и правды Ярославичей (сыновей Ярослава Мудрого – Изослава, Святослава и Всеволода), состоящей из 19-41 статей, принятых на съезде Ярославичей и бояр во второй половине XI века [1, с. 47–63];

2. Просторная правда, состоящую из суда Ярослав Владимирович, устава Владимира Мономаха, уставов и грамот других Киевских князей конца XI – XIII веков [1, с. 64–129];

3. Сокращенная правда, по мнению большинства исследователей, возникла в результате значительного сокращения Просторной правды, оставались только те нормы, которые могли еще действовать в то время. Это время определялось по-разному С.В. Юшков относит к XV в., до издания Судебника 1497 года [2, с. 90], по мнению М.Н. Тихомирова, после создания Судебника 1497 г. – в конце XV – первой половине или середине XVI веков [3, с. 125–127].

И.Ф. Эверс выделяет три этапа Русской правды: первый 18 статей Краткой правды, основанной на законодательстве Ярослава; второй этап расширение Краткой правды сыновьями Ярослава и третий этап Просторная правда, которую он связывает с Владимиром Мономахом. Уделяя особое внимание Краткой правде, И.Ф. Эверс видел в правде Ярослава «самый древний законодательный памятник, каким только могут хвалиться новейшие народы...», ее корни «восходят к глубочайшей древности, о происхождении коих в других государствах едва можно делать одни слабые гадания» [4, с. 337–338]. Правду Ярославичей Б.Д. Греков характеризует как «специальный закон, призванный оберегать интересы княжеского имения от враждебно настроенных соседних крестьянских миров» [5, с. 82] По мнению С.В. Юшкова Правда Ярославичей «вводит для охраны жизни администрации княжеского домена новые нормы – привилегии, которые и были объединены вместе с избранным законодательством Ярослава и отдельными установлениями – новеллами великих князей в Краткую Правду в конце XI в. в Киеве» [2, с. 85]

Таким образом, Правда Ярославичей это часть Русской правды (а конкретно Краткой правды) посвящена охране собственности и жизни феодалов, а также лиц, служащих князьям и зависящих от них.

Просторная правда представляет собой свод различного феодального права, в котором нашли отражения нормы уголовного и гражданского права, а

также процессуальные нормы. Она основана на текстах Краткой правды, Устава Владимира Мономаха и других киевских князей конца XI – XIII веков.

В период феодальной раздробленности на Руси основным источником права оставалась Русская Правда, которая изменялась и добавлялась в зависимости от интересов и потребностей местных князей и крупных бояр, осевших в своих княжествах и вотчинах.

Особую роль в этот период сыграли судные грамоты Новгорода [2, с. 300–320] и Пскова [2, с. 321–386], принятые на вечевых собраниях.

Основным источником права Великого Новгорода, наравне с Русской Правдой являлись Новгородская судная грамота, договоры на княжение с князьями, международные договоры, решения веча, писцовые книги, пошлыны обычаи.

Важным источником Новгородского права являлась Новгородская судная грамота, которая закрепила нормы о судеустройстве, процессуального права, установила компетенцию владычного суда, или суда Новгородского архиепископского суда посадника, суда тысяцкого, суда Новгородских докладчиков. В ней указаны положения об истце, ответчике и поверенных (адвокатов), о послухах (свидетелей), о вызове в суд, о судебных сроках, о порядке суда, о судебных пошлинах.

Выдающееся место среди источников Псковского права занимает наряду с Русской Правдой Псковская судная грамота. Ее источниками были Русская Правда, обычное местное право, решение веча.

В Псковской судной грамоте отражались главным образом те вопросы, которые не были затронуты в Русской Правде, а также к тем, трактовка которых устарела или не отвечала условиям псковской действительности XIV–XV вв.

В Псковской судной грамоте получило дальнейшее развитие уголовное право, появились новые составы преступлений – заговор, государственная измена, взятки. Система наказаний включила смертную казнь, тюремное заключение и денежные штрафы в пользу государства за убийство – продажу.

Правосудие, по Псковской судной грамоте, осуществлялось судом владыки, наместника (церковный), судом князя и посадника, судом псковских выборных судей, братичным судом (суд общины) и судом вече.

Из-за высокого уровня развития в Пскове товарно-денежных отношений Псковская судная грамота уделяет огромное значение гражданско-правовым отношениям (гражданскому и обязательственному праву). Псковская судная грамота закрепила и процессуальный порядок рассмотрения дел.

Таким образом, Новгородская и Псковская судные грамоты отражали значительно более высокую ступень в развитии права по сравнению с законодательством Древнерусского государства.

Список использованных источников:

1. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т./под. общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984 – Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – 430 с.
2. Юшков, С.В. Русская Правда, Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков. – М.: Изд. юрид. лит., 1950 – 263 с.
3. Тихомиров, М.Н. Исследование о Русской Правде (происхождение текстов) / М.Н. Тихомиров. – М.: Акад. Наук СССР, 1941 – 263 с.
4. Эверс, Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его развитии / соч. Ф.Г. Эверс. – СПб: тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. – [2], XVII, - 423 с.
5. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.: Госполитиздат, 1953. – 586 с.

**ДОГОВОР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПРИМЕНЕНИЯ**

Т.В. Преснякова, О.П. Михайлова

Ключевые слова: репродуктивные технологии, суррогатное материнство.

Проблемы ответственности сторон по договору суррогатного материнства остаются наиболее актуальными и не разработанными как в теории, так и на законодательном уровне.

Однако, необходимость соблюдения прав и законных интересов вынашиваемого суррогатной матерью ребенка, охрана его здоровья требует четкой правовой регламентации каждого аспекта этих правоотношений, в том числе и тщательной разработки мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами своих обязанностей по договору.

Согласно п. 1 ст. 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» договором суррогатного материнства признается договор, заключающийся между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Договор суррогатного материнства может быть удостоверен любым нотариусом [1].

Предметом договора суррогатного материнства являются имплантация эмбриона, вынашивание и рождение женщиной (суррогатной матерью) ребенка, зачатого из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины (генетической матери) либо из донорской яйцеклетки, но в таком случае могут быть использованы только сперматозоиды супруга женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой.

Следует обратить внимание, что для удостоверения договора суррогатного материнства необходимо истребовать согласие супругов генетической и суррогатной матерей. Это обусловлено требованиями п. 1 ст. 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях», согласно которых лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с письменного согласия своих супругов.

В договор в любое время по соглашению сторон можно внести изменения. Расторжение такого договора также возможно по соглашению сторон, но только до наступления беременности.

От того, насколько грамотно составлен договор, зависит разрешение конкретных вопросов в случае возникновения каких – либо конфликтных ситуаций между сторонами. Во избежание крайне важных для сторон проблем в отношениях по вынашиванию ребенка очень важно, чтобы в договор были включены все согласованные сторонами условия, которые позволяли бы в случае необходимости защитить права как генетической матери, так и суррогатной.

Особого внимания здесь заслуживает ответственность суррогатной матери в период после заключения в надлежащей форме договора, но до наступления беременности и в процессе беременности суррогатной матери. Рассматривая первый вариант, на практике может возникнуть ситуация, когда после надлежащего оформления договора суррогатного материнства суррогатная мать по каким – либо причинам уклоняется от исполнения принятых на себя обязательств.

В соответствии с общими положениями гражданского законодательства Республики Беларусь при нежелании одной из сторон исполнять обязательства другая сторона вправе, согласно действующему законодательству, обязать ее осуществить исполнение обязательств, что в виду ряда особенностей данного договора является не всегда оправданным. Ведь важным моментом является цель заключения договора суррогатного материнства – рождение здорового генетически родного ребенка для женщины, которая не способна самостоятельно выносить и (или) родить его по медицинским показаниям. Поэтому здесь очень важна мотивация и отношение суррогатной матери к предстоящим событиям до наступления ее беременности в результате экстракорпорального оплодотворения. Отсутствие возможности изменить свое решение относительно существа соглашения после заключения договора, но до наступления беременности, если таковая не оговорена в данном договоре, может привести к нарушению основополагающих прав и свобод человека, в частности суррогатной матери.

А именно, медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие. Это лицо может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие [2].

Поэтому целесообразно закрепить на законодательном уровне следующее положение: «Суррогатная мать вправе отказаться от исполнения обязательств по договору суррогатного материнства лишь до наступления ее беременности в результате экстракорпорального оплодотворения. В таком случае она обязана полностью возместить генетической матери убытки».

При неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательств в процессе беременности суррогатной матери, следует разграничить нарушения договорных обязательств суррогатной матерью на существенные и не-существенные. К существенным нарушениям относятся нарушения, угрожающие безопасному протеканию беременности и (или) здоровью вынашиваемого ребенка либо случаи, повлекшие дополнительные расходы.

В том случае, если данные расходы не возложены на генетическую мать видится следующее решение. Суррогатная мать, своевременно не предупредившая генетическую мать о возникновении необходимости в дополнительных затратах или о ставших известными ей обстоятельствах, которые угрожают планомерному и безопасному протеканию беременности или здоровью вынашиваемого ребенка, должна быть лишена права предъявлять требование к генетической матери о возмещении понесенных ею в связи с этим расходов [3, с. 48].

Если же данные расходы несет генетическая мать, то стороны могут предусмотреть в договоре суррогатного материнства по выбору следующее виды гражданско-правовой ответственности:

- неустойка в виде штрафа – данный вид ответственности достаточно подробно регламентирован гражданским законодательством Республики Беларусь. Поскольку из смысла п. 1 ч. 5 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь следует, что семейные отношения регулируются гражданским законодательством, если законодательством о браке и семье и другим специальным законодательством не предусмотрено иное, то нет необходимости дублировать правовые положения из Гражданского кодекса Республики Беларусь в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье;

- соразмерное уменьшение размера вознаграждения суррогатной матери, за исключением случаев, когда данная услуга оказывается бесплатно;

- возмещение убытков, если они возникли в результате несообщения информации о своем состоянии здоровья и (или) состоянии здоровья ребенка генетическим родителям либо если суррогатная мать сообщила заведомо ложные сведения о своем состоянии здоровья и (или) состоянии здоровья ребенка, что повлекло необходимые дополнительные расходы.

В целях повышения ответственности целесообразно дополнить законодательство о вспомогательных репродуктивных технологиях статьей следующего содержания: В случае нарушения суррогатной матерью условий договора суррогатного материнства, которое угрожает безопасному протеканию беременности и (или) здоровью вынашиваемого ребенка либо которое повлекло необходимые дополнительные расходы, генетическая мать

вправе, если иное не установлено законодательством или договором, по своему выбору потребовать от суррогатной матери:

- 1) соразмерного уменьшения размера вознаграждения суррогатной матери, за исключением случаев безвозмездного оказания данной услуги;
- 2) возмещения своих расходов, возникших в результате такого нарушения.

Как говорилось ранее, выделяются также несущественные нарушения договорных обязательств. К таким условиям относятся: постановка на медицинский учет, регулярное наблюдение у врача и соблюдение его предписаний и др.

Законодательство Республики Беларусь не дает ответа, как следует поступить при наличии таких нарушений со стороны суррогатной матери. Поэтому сторонам целесообразно самостоятельно установить в договоре определенный размер неустойки с целью повышения ответственности при заключении такого договора.

Таким образом, в силу специфики договора суррогатного материнства некоторые вопросы ответственности сторон должны быть напрямую урегулированы нормами законодательства в области вспомогательных репродуктивных технологий.

Причинами, по которым данным способ преодоления бесплодия не получает широкого применения являются не только психологические аспекты, но и коммерческие вопросы. Хотелось бы отметить, что программу суррогатного материнства может себе позволить не каждая отчаявшаяся бесплодная пара. Так как одни лишь выплаты суррогатной матери составляют в среднем 20. 000 условных единиц.

Кроме этих расходов несчастные столкнутся с выплатами по юридическому и медицинскому сопровождению процедуры суррогатного материнства.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что договором суррогатного материнства признается договор, заключающийся между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Дополнительные гарантии государства, выражающиеся в обязательном нотариальном удостоверении договора суррогатного материнства, в данной области весьма обоснованы, они способствуют повышению внимания к вопросам охраны материнства и отцовства, защиты прав и интересов детей, обеспечения благоприятных условий для развития каждого ребенка, рожденного при реализации суррогатного материнства. Во избежание крайне важных для сторон проблем в отношениях по вынашиванию ребенка очень важно, чтобы в договор были включены все согласованные сторонами условия, которые позволяли бы в случае необходимости защитить права как генетической матери, так и суррогатной. Исходя из существенных условий договора суррогатного материнства, выделяются права и

обязанности сторон договора суррогатного материнства. Проблемы ответственности сторон по договору суррогатного материнства остаются наиболее актуальными и не разработанными как в теории, так и на законодательном уровне.

Список использованных источников:

1. О вспомогательных репродуктивных технологиях Закон Республики Беларусь 7 января 2012 г. № 341-З, в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июня 2019 г. № 200-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье 09.07.1999 г., № 278-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

О.В. Реут

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, аналоги, наркомания, наркозависимый, незаконный оборот наркотических средств.

С давних времен у разных народов существовала традиция употребления различных наркотических средств во время проведения религиозных обрядов, ритуальных церемоний и вызываемые ими ведения были наполнены священным смыслом.

Широкое применение в медицине самых разнообразных наркотических препаратов, действительно облегчающих болезненное состояние человека, способствовало распространению наркомании – тяжелого заболевания, которое начинается со случайного или принудительного приема наркотика с последующим формированием наркотической зависимости организма человека, породило в общественном сознании установку на возможность и желательность широкого употребления таких лекарств.

В современном мире наркобизнес оказывает серьезное влияние на политическую и экономическую сферы жизни нашего общества. Высокая доходность операций, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, способствует постоянному расширению рынка их сбыта.

На международном уровне правовое регулирование оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров осуществляется в соответствии с Единой Конвенцией Организации Объединенных Наций (далее ООН) «О наркотических средствах» (заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961 г.) с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года, Конвенцией ООН «О психотропных веществах» (заключена в Вене 21.02.1971) и Конвенцией ООН от 20 декабря 1988 года «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». Все перечисленные конвенции ратифицированы Республикой Беларусь.

В современной Беларуси, как и в большинстве стран мира, отмечается устойчивая тенденция прогрессирующего распространения потребления наркотиков. За последние пять лет в Республике Беларусь больше всего фактов незаконного оборота наркотических веществ было зарегистрировано в 2015 году – 7 032, в 2016 году – 6 041, в 2017 году – 5 068, в 2018 году – 4 983, в 2019 – 4 613, в 2020 – более 3620 [1]. Однако говорить о тенденции к снижению пока рано, т.к. данный вид преступления носит латентный характер, и количество фактов также зависит от активизации усилий правоохранительных органов по их выявлению.

Необходимость анализа незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ заключается в том, что преступность, связанная с этим социальным злом, пагубно влияет на здоровье нации.

В 2012 году было в Республике Беларусь впервые было выявлено 1653 человека больных наркоманией. В 2020 году 458 человек (почти в 3 раза меньше).

По числу наркозависимых, выявленных впервые в 2020 году лидируют г. Минск (110 человек), затем идут Минская (91 человек), Гомельская (82 человека), Брестская (55 человек), Витебская (49 человек) и Гродненская (38 человек), Могилёвская (33 человека) области [2].

Наркотики приводят к гибели людей не только вследствие их непосредственного употребления (передозировка нарушает работу внутренних органов и вызывает остановку сердца или асфиксию), но и в результате распространения ВИЧ-инфекции и других инфекционных заболеваний, изменение сознания, провоцирует самоубийство или несчастные случаи. Если раньше на возможность употребления человеком наркотических веществ существенное влияние оказывало его социальное положение, то в настоящее время наркомания распространяется во всех без исключения социальных группах и слоях населения, особенно среди молодежи и в этом ее наибольшая опасность. Возраст большинства наркозависимых лиц – до 35 лет (84,5 %), из них: моложе 15 лет – 2,9%, в возрасте от 15 до 19 лет – 10,3%, от 20 до 24 лет – 22,4%, от 25 до 34 лет – 48,9% [1].

В Российской Федерации примерно такая же ситуация: 20% – школьники от 9 до 14 лет. Среди них все чаще появляются дети более раннего возраста; 60% – молодёжь от 16 до 24 лет; 20% – люди 25-30 лет и старше.

Количество взрослых наркоманов достаточно низкое, поскольку большая часть зависимых, начавших употреблять в 15 – 20 лет, рано умирают, не достигши своего тридцатилетия [3].

Следует отметить небольшую динамику на снижение по числу осужденных за незаконный оборот наркотических средств по ст.ст. 327–332 УК в Республике Беларусь в 2020 г. на 12,3 по отношению к 2019 г.

По официальным статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь в 2020 г. по ст.ст. 327-332 УК за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, осуждено 2 002 лица или 5,8% в общем объеме правосудия (в 2019 г. – 2 284 лица или 5,9%).

Из указанных 2 002 лиц значительная часть – 1 927 лиц или 96,3% осуждены по ст. 328 УК (в 2019 г. – 2 191 лицо или 95,9%). Снижение судимости по ст. 328 УК по отношению к 2019 году составило 12,0%.

Количество осужденных по ч. 1 ст. 328 УК в 2020 г. составило 1 344 лица или 69,7% от числа всех осужденных по ст. 328 УК (в 2019 г. – 1 551 лицо или 70,8%).

Из указанного числа большая часть лиц – 791 или 58,9% (в 2019 г. – 892 или 57,5%) осуждены к наказанию в виде ограничения свободы.

Лишение свободы по ч. 1 ст. 328 УК назначено 250 лицам или 18,6% (в 2019 г. – 354 лицам или 22,8%).

Количество несовершеннолетних, осужденных за незаконный оборот наркотиков без цели сбыта, снизилось с 23 до 19 лиц. Из них в отношении 10 (52,6%) назначено ограничение свободы, 8 (42,1%) осуждены с отсрочкой исполнения наказания и условным неприменением наказания (ст.ст. 77 и 78 УК) и к 1 (5,3%) применены принудительные меры воспитательного характера в соответствии со ст. 117 УК.

Количество осужденных по ч.ч. 2-5 ст. 328 УК в 2020 г. снизилось на 57 человек и составило 583 лица или 30,3% от числа всех осужденных по ст. 328 УК (в 2019 г. – 640 лиц или 29,2%).

Количество несовершеннолетних, осужденных за незаконный оборот наркотиков с целью сбыта, снизилось на 20,7% (23 в 2020 г. и 29 в 2019 г.) [4].

Наркотизации населения существенно сказывается на структуре преступности в целом. Увеличивается количество корыстно-насильственных посягательств, совершаемых наркоманами в целях получения средств для приобретения наркотиков.

Кроме того, проблемы наркотизации, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, ставшие актуальными в последние десятилетия и для Республики Беларусь, усугубляются ее транзитным положением.

В последнее время распространению наркомании способствует также пандемия, в результате которой пострадали все сферы экономики. Общая напряженность, неумение справляться со стрессом, неорганизованность подростков и молодежи из-за дистанционного обучения, сокращение рабочих мест – все эти факторы будут способствовать увеличению оборота наркотиков как в Беларуси, так и в других странах.

Список использованных источников:

1. Статистические данные ИУ МВД Республики Беларусь за 2015–2020 гг.
2. Заболеваемость населения наркоманией и токсикоманией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/godovye-dannye/. – Дата доступа. – 8.11.2021.
3. Официальная статистика за 2021 год употребления наркотиков в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii/>. – Дата доступа 8.11.2021.
4. Данные за 2020 год о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/statistika/bde7a3403f8041fc.html>. – Дата доступа 8.11.2021.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ЖИЛЬЕ И ГАРАНТИИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

К.А. Самотошенкова

Ключевые слова: конституция, государство, жильё, право на жильё, жилищная политика, гарантии реализации права, формы реализации права.

В современном мире жилищный вопрос является одним из самых актуальных и дискуссионных. Несомненно, можно сказать, что одной из главных потребностей человека является наличие собственного жилья, которое в свою очередь влечет за собой ощущение стабильности.

Право на достойное и доступное жилье является конституционным правом, которое можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, оно является естественным и принадлежит каждому человеку от рождения и является неотчуждаемым. С другой стороны, право на жилье можно рассматривать в социально-экономическом разрезе, где его реализация зависит от ряда факторов, а в большей степени от социально-экономической политики государства.

Проанализировав различные точки зрения можно выделить мнение Шашко А.А., который утверждает, что право граждан на достойное и доступное жилье является основой и гарантом, необходимым для обеспечения достойного уровня жизни граждан [1, с. 43].

Как уже отмечалось ранее, право граждан на жилье является конституционным и нашло своё отражение в статье 48 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [2]: «Граждане Республики Беларусь имеют право на жилище. Это право обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении

жилья» [2, ст. 48]. Из этого можно сделать вывод, что государство выступает гарантом реализации права граждан на достойное и доступное жилье, которое реализуется через комплекс социально-экономических мер.

Однако Конституция лишь в общем указывает на обязанность государства осуществлять регулирование в области обеспечения права граждан на жилье. Более детально полномочия президента и иных органов государственного управления и самоуправления закреплены в главе 2 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) [3]. ЖК четко разграничивает компетенцию государства в лице его государственных органов в области жилищных отношений.

Исходя из положений ЖК, можно выделить основные направления деятельности государства по реализации конституционного права граждан на жилье:

- разработка и реализация основных направлений жилищной политики Республики Беларусь;
- обеспечение жилищных прав граждан;
- осуществление управления и распоряжение государственным жилищным фондом;
- осуществление учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- внедрение новых форм приобретения жилья (ипотека, лизинг) и др. [3].

Рассматривая право граждан на жилище как естественное и неотчуждаемое право, на основании норм конституции можно выделить следующие гарантии его реализации.

Во-первых, это запрет произвольного лишения жилья, то есть неприкосновенность жилища.

Во-вторых, это осуществление жилищного строительства (создание государственного и частного жилищного фонда), а также поощрение частного жилищного строительства.

В-третьих, это поддержка нуждающихся путем предоставления жилья бесплатно или за доступную плату (арендное жилье).

Некоторые авторы, например Устюшенко Н.А., дает свое определение термину «право граждан на жилье» – это субъективное гражданское право на конкретное жилое помещение, которое может быть по своей юридической природе вещным, обязательственным, корпоративным [4, с. 30].

То есть можно сказать, что порядок реализации права граждан на достойное и доступное жилье осуществляется через взаимосвязанный комплекс различных государственных мер (правовых, социальных, экономических, политических).

Имея сложный правовой характер можно сказать, что содержание права на жилье включает в себя ряд правомочий граждан:

- приобретение жилья в собственность (за собственные средства, путем кредитования, залога недвижимого имущества (ипотека), использования финансовой аренды денежных средств – лизинга);

- аренда жилого помещения по гражданско-правовому договору;
- строительство жилья (долевое строительство, строительство частного жилого дома);
- право на получение социального жилья (арендное жилье, бесплатное жилье для нуждающихся, служебное жилье). То есть из этого следует, что реализация конституционного права на жилье может иметь обязательственную и вещную природу [1, с. 50].

Реализация права граждан на жилье является обязанностью государства в целом и осуществляется в первую очередь через жилищную политику государства, которая в свою очередь совершенствуется путем внедрения новых методов и форм реализации данного права. Жилищная политика Республики Беларусь нацелена в первую очередь на решение одной из главных социальных проблем – обеспечение каждого гражданина доступным и достойным жильем.

Однако вопрос реализации конституционного права граждан на доступное и достойное жилье остается актуальным. Для того, чтобы обязанность государства по решению жилищной проблемы была исполнена в максимально полном объеме, требуется принятие комплекса мер, которые в первую очередь будут направлены на совершенствование нормативно-правовой базы; регулирование финансовых рычагов при которых приобретение жилья будет доступным для всех граждан; более активное участие государства в строительстве нового и доступного жилья.

Таким образом, можно сделать вывод, что право граждан на жилье относится к числу основополагающих, неотчуждаемых прав каждого человека. Одновременно, можно сказать, что данное право является субъективным, так как его реализация осуществляется в различных формах, зависящих от социально-экономической политики государства. Из этого следует, что конституционное право граждан на жилье по своей природе имеет многогранный характер, так как является сложным социальным элементом, реализация которого возможна только при взаимодействии ряда факторов (правовых, социальных, экономических, политических).

Список использованных источников:

1. Шашко, А.А. Доступность жилья и проблемы управления региональным развитием / А.А. Шашко // Жилищное право. – 2016. – № 2 (25). – С. 41 – 55.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
3. Жилищный кодекс Республики Беларусь: Кодекс. Республики Беларусь, 28 августа 2012 г., №428–3: принят Палатой представителей 31 мая

2012 г.: одобрен Советом Республики 22 июня 2012 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 04.05.2019 г. №185–3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

4. Устюшенко, Н.А. Рынок недвижимости: этапы развития и настоящее / Н.А. Устюшенко // Экономика, финансы, управление. – 2012. – № 2. – С. 29–41.

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Е.В. Снитко

Ключевые слова: Уголовный кодекс, преступления в сфере экономической деятельности, налоги, совершенствование законодательства.

Основу функционирования государства и общества составляют, прежде всего, экономические отношения, защита которых является одним из наиболее приоритетных направлений. В связи с тем, что значительный уровень преступлений в сфере экономической деятельности несет существенный ущерб экономике, снижает имидж государства, существенное значение приобретает исследование проблемы повышения эффективности уголовного законодательства в данной сфере.

По данному поводу следует отметить слова Жуковской И.В. и Ларичева В.Д. «высокая степень общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности может представлять угрозу экономической безопасности государства. Данные преступления препятствуют развитию производственных процессов, сдерживают приток инвестиций, лишают бюджет определенных доходов, увеличивают инфляцию, мешают нормальному функционированию предпринимательских и управленческих структур» [2, с. 26-32].

Преступлениям в сфере экономической деятельности законодателем посвящена отдельная глава 25 в Уголовном кодексе Республики Беларусь – преступления против порядка осуществления экономической деятельности. В Уголовном кодексе Российской Федерации также имеется отдельная глава 22, посвященная данному роду преступлений. В указанных отдельных главах содержится комплекс составов преступлений, имеющий общий родовый объект.

Следует отметить мнение Власенко В.В., «гл. 22 УК РФ – одна из наиболее критикуемых в действующем уголовном законодательстве, с одной стороны, с другой – одна из наиболее сложных с точки зрения практического применения» [1, с.4-7].

Составы преступлений в сфере экономической деятельности являются достаточно сложными, а социальные и экономические процессы в государстве развиваются динамично, что требует постоянного дополнения и совершенствование законодательства, с учетом обоснованных с точки зрения науки и практики исследований.

Преступления в сфере экономической деятельности, являющиеся достаточно распространенным негативным явлением в социально-правовой реальности, призывают к объединению усилий государства и общества для оказания активного противодействия данному явлению.

За период действия уголовного законодательства преступлениям в сфере экономической деятельности посвящено много работ, где освещены различные составы преступлений данной категории. В настоящей работе хочется остановиться на статье 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь – уклонение от уплаты налогов, сборов. Диспозиция части 1 данной статьи, с учетом последних изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, звучит следующим образом «уклонение от уплаты налогов, сборов путем сокрытия, умышленного занижения налоговой базы, уклонения от представления налоговой декларации (расчета) или внесения в нее заведомо ложных сведений, повлекшее причинение ущерба в значительном размере». Кроме того, в данной статье имеются еще вторая и третья части, отличие которых заключается лишь в сумме ущерба «крупный» и «особо крупный» соответственно.

Белорусское уголовное законодательство не разделяет данный состав преступления по признаку налогоплательщика, в отличие от российского. Уклонению от уплаты налогов в Уголовном кодексе Российской Федерации отведены 2 статьи - 198 и 199. Статьей 198 предусмотрена ответственность физического лица за уклонение от уплаты налогов, сборов, статьей 199 – ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов.

Необходимость данного разделения достаточно спорна, так как понятие «налогоплательщик» закреплено Налоговым законодательством. Вместе с тем, в российском законодательстве ответственность за уклонение от уплаты страховых взносов предусмотрена теми же статьями уголовного кодекса, что и за уклонение от уплаты налогов. В отличие от белорусского законодательства, в котором ответственность за уклонение от уплаты страховых взносов введена только последней редакцией Уголовного кодекса, а именно новой статьей 243³ «Уклонение от уплаты страховых взносов». Таким образом, пробел в белорусском законодательстве устранен только в 2021 году, хотя действия субъекта по уклонению от уплаты налогов и страховых взносов, в целом, схожи и приводят к аналогичным последствиям.

Практическая деятельность по выявлению и противодействию экономической преступности указывает также на еще одну проблему, требующую незамедлительного уголовно-правового регулирования.

Для более наглядного демонстрирования данной проблемы, приведем пример: директор частного предприятия Н., неоднократно попадая в поле зрения правоохранительных органов, пришел к выводу, чтобы не быть привлеченным к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, необходимо всячески запутать свой бухгалтерский и налоговый учет. Самый простой способ — это сделать — вовсе не вести учет доходов и расходов, а первичные бухгалтерские документы не сохранять. Таким образом, в случае проверки налоговыми органами, ими будет применен так называемый «расчетный метод», который основан на сведениях, полученных контролирующим органом (сведения о движении денежных средств по счетам предприятия, из электронных счетах-фактурах, документы, предоставленные контрагентами, правоохранителями и т.п.).

В описанной ситуации вопрос о возбуждении уголовного дела и привлечении лица к уголовной ответственности на практике даже не поднимается, так как очевидно, что акт проверки будет содержать не полные сведения о деятельности налогоплательщика, а контролирующим органом будет выведена ориентировочная сумма, подлежащая доначислению. В таких случаях в возбуждении уголовного дела отказывают на основании п.2 ч.1 ст.29 УПК за отсутствием в деянии состава преступления.

Таким образом, становится очевидным, что при равных обязанностях, лицо, которое надлежащим образом ведет бухгалтерский учет, может быть привлечено к ответственности, в случае совершения умышленных действий по искажению налогового учета с целью уклонения от уплаты налогов. А лицо, которое не ведет бухгалтерский учет, может уйти от ответственности без особого труда.

Одним из способов разрешения вышеописанной проблемы представляется необходимость дополнения Уголовного кодекса нормой, предусматривающей уголовную ответственность за неосторожное уклонение от уплаты сумм налогов. Обязанности лиц, решивших заниматься предпринимательской деятельностью, по организации бухгалтерского и налогового учетов, закреплены нормами существующего законодательства: Налоговый кодекс, Закон «О бухгалтерском учете» и т.д., а также уставами и должностными обязанностями должностных лиц самих субъектов хозяйствования. Ненадлежащее же исполнение указанных обязанностей, в том числе по сохранению первичной учетной документации, повлекшее неполную уплату сумм налогов в значительном, крупном и особо крупном размере и будет рассматриваться, как уклонение от уплаты налогов по неосторожности, при отсутствии признаков более тяжкого преступления, т.е. умышленного уклонения от уплаты налогов.

Список использованных источников:

1. Власенко, В.В. Нерешенные вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / В.В.Власенко // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 4–7.
2. Жуковская, И.В., Ларичев, В.Д. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности / И.В. Жуковская [и др.] // Безопасность бизнеса, 2015. – № 4. – С. 26–32.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Минск, 2021.

ПСИХИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ КАК ФАКТОР ОПОСРЕДОВАННОЙ КРИМИНОГЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ

А.А. Сухарев

Ключевые слова: психические аномалии, психопатия, акцентуация характера, биологические детерминанты, криминогенная значимость.

Психические аномалии представляют собой пограничные психические состояния, непатологические психические расстройства, не достигшие степени психоза. Психические аномалии не лишают индивида вменяемости. Они отрицательно сказываются на получении образования, приобретении нормальных связей и отношений, затрудняют процессы адаптации и социализации.

Психические аномалии сами по себе не криминогенны, но при определенных условиях жизнедеятельности индивида могут выступать в качестве условия криминального поведения. Основной характерной чертой лиц, обладающих психическими аномалиями, является нарушение социальной самоидентификации, аутизм, пренебрежение к базовым социальным ценностям. Криминогенны не сами по себе психические аномалии, а их системное поведенческое последствие, обуславливающее уход индивида из сферы нормативного социального взаимодействия. Психические аномалии потенциально несут в себе функцию социальной дезадаптации.

Исследования показывают, что среди правонарушителей удельный вес лиц с психическими аномалиями составляет около 70%. Среди несовершеннолетних преступников каждый четвертый является психопатом.

Социально адаптированное или дезадаптированное поведение индивида связано с функцией психической саморегуляции. Процесс саморегуляции нарушается, если присутствуют психические аномалии. При этом

интеллект индивида в целом сохраняется, но нарушаются отдельные регуляторные механизмы, что может проявляться в следующих аспектах:

- частая и быстрая смена настроения, недостаточность психоэнергетических возможностей, повышенная нервно-психическая истощаемость в результате придания отдельным внешним воздействиям сверхзначимости;
- повышенная возбудимость, импульсивность, гневливость, обидчивость, жестокость, склонность к конфликтам, завышенная самооценка, эгоизм;
- ригидность, малоподвижность нервно-психических процессов, обуславливающих замкнутость индивида, уход от контактов с людьми, гипертрофию одиночества, отверженности;
- повышенная конформность, слабохарактерность, интеллектуальная ограниченность, некритичность, умственная отсталость.

Психопатия – от греческого слова «психострадание». Основными критериями психопатий (П.Б. Ганнушкин, О.В. Кербиков) являются:

- относительная стабильность психопатологических черт характера;
- социальная дезадаптация;
- тотальность проявления этих черт.

Считается, что психопатии, как аномалии характера, в течение жизни человека не подвергаются резким значительным изменениям. Немецкий психиатр К. Шнайдер определил психопатии как патологические состояния, характеризующиеся дисгармоническим складом личности. Лица, обладающие психопатиями, практически постоянно находятся в нервно-психическом напряжении и поэтому перманентно преодолевают жизненные трудности. Психопатические личности специфически воспринимают и обрабатывают внешнюю информацию.

Исследования показывают, что психопатии носят больше врожденный характер и реже – приобретенный. Причинами приобретенной психопатии называют психотравмы, жестокое воспитание. Для психопатов свойственно отсутствие эмпатии, преобладание самооправдательных мотивов. Они отличаются эгоизмом и завышенной самооценкой. Понятие «совесть» у них размыто. Им больше присущи гнев, озлобленность, ненависть. Они, как правило, не принимают другое мнение, другую точку зрения, упорствуя на своем. Психопатам не присущи необратимые дефекты личности. При благоприятных условиях окружающей среды их негативные качества сглаживаются. Однако при трудных для них психологических и социальных условиях – неизбежна реакция срыва.

Важнейшим отличительным признаком психопатии от акцентуаций характера называют социальную дезадаптацию. Действительно психопат не способен проявлять достаточную гибкость мышления и поведения. В этой связи он практически не может ужиться со своим социальным окружением, сохранить семью, долго удержаться на работе. В то же время, пытаясь компенсировать и замаскировать свои личностные и характерологические

проблемы, психопат в состоянии проявить себя необычайно трудолюбивым и высококвалифицированным работником.

Классификация по группам психопатий определяет:

- психопатии с преобладанием эмоциональных нарушений (фантасты, лгуны и обманщики, истерические, ищущие признания);
- психопатии с преобладанием изменения в сфере мышления (шизоиды, астенические, неадекватные, патологически замкнутые);
- психопатии с преобладанием волевых нарушений (безвольные, неустойчивые, безудержные);
- психопатии с расстройствами влечений (одержимые влечениями, половые извращения);
- психопатии с нарушениями поведения в обществе (антисоциальные, холодные, «враги общества»);
- смешанные психопатии (мозаичные).

Выборочный подход по приоритетности определяет следующие виды психопатий.

Астенические психопаты характеризуются высоким уровнем тревожности, боязливости, неуверенности в себе, очень высокой чувствительностью к психотравмирующим обстоятельствам. Их жизненные планы оторваны от реальных условий жизни; они склонны к болезненному мудрствованию, самокопанию.

Возбудимые (взрывные) психопаты отличаются повышенной раздражительностью, постоянной психической напряженностью, взрывной эмоциональной реактивностью, доходящей до приступов ярости. Для них характерны повышенная требовательность к окружающим, крайний эгоизм и себялюбие, недоверчивость и подозрительность. Они часто впадают в состояние дисфории – злобной тоски. Они упрямые, неуживчивые, конфликтные, мелочно придирчивы и властны. В общении грубы, а в гневе – крайне агрессивны, способны наносить жестокие побои, не останавливаются даже перед убийством. В отдельных случаях их злобность и эксплозивность (взрывчатость) смещаются в сторону застойных влечений (пьянство, сексуальные излишества, азартные игры, бродяжничество).

Истерические психопаты характеризуются жадой признания. Они стремятся к внешнему проявлению своей значимости, демонстрации своего превосходства, склонны к театральности и рисовке. Их тяга к преувеличениям часто граничит с лживостью, а их восторги и огорчения проявляются бурно и экспрессивно (театральные жесты, заламывание рук, рыдания и громкий продолжительный смех, восторжественные объятия и обиды «на всю жизнь»).

Паранойяльные психопаты (параноики) отличаются склонностью к «сверхценным идеям». Это обусловлено крайней узостью их мышления, повышенным самомнением, повышенной подозрительностью. Параноидные личности к другим людям относятся высокомерно с пренебрежением.

Паранойяльные идеи личности формируются у индивидов от 20 до 25 лет. Низкая пластичность психики делает их конфликтными, они постоянно в борьбе с мнимыми врагами. Непризнание их заслуг приводит к постоянным столкновениям с окружающими, анонимным доносам и т.д.

Акцентуации характера означают значительную выраженность отдельных черт характера и их сочетание, представляют крайние варианты нормы поведения, граничащих с психопатиями. В настоящее время не существует единой классификации акцентуаций характера, а также единого подхода к их определению. Изучение проблемы акцентуаций характера подтверждает; что, несмотря на свою близость к психопатиям различной степени выраженности, это все же варианты психической нормы. Сегодня считается наиболее приемлемым представление об акцентуированных свойствах характера как крайних их нормах, при которых отдельные черты характера приобретают чрезмерную выраженность, в результате чего проявляется избирательная уязвимость в отношении определенных психогенных воздействий.

Каждый тип акцентуации характера имеет свою уязвимость. То есть, в случае неблагоприятной ситуации, психической травмы, эмоционального стресса у конкретного акцентуата возникают срывы – от невротических реакций до тяжелой дезадаптации с асоциальным поведением.

Своевременная диагностика определенного типа акцентуации индивида позволяет прогнозировать его поведение в социально неблагоприятных ситуациях, а также дает ему возможность осуществления самоконтроля, самоторможения, саморегуляции. Следует отметить, что квалифицированная диагностика акцентуаций может играть довольно важную роль в уголовном судопроизводстве, свидетельствуя о невозможности совершения субъектом определенных форм противоправного поведения, например, из хулиганских, корыстных побуждений, с особой жестокостью и др.

Рассмотрим основные виды акцентуаций характера. Наиболее реактивный, возбудимый характер имеют субъекты – гипертимного типа. Для людей этого типа характерна большая подвижность, избыточная активность, постоянно приподнятое настроение, тенденция разбрасываться, не доводить дело до конца. Как правило, к законам они относятся легкомысленно. Неразборчивы в знакомствах. Высокая степень вероятности совершения серьезных правонарушений.

С возрастом гипертимный тип акцентуации может трансформироваться в циклоидный тип. В этом случае периоды подъема могут сменяться субдепрессивной фазой с упадком сил. Данная фаза может служить фоном для развития некоторых форм психозов. Циклы смены настроения могут быть от нескольких дней, недель до нескольких месяцев и даже лет.

Особо следует выделить истероидный тип акцентуации характера. Некоторые ученые даже относят истероидный тип реагирования к разновидности психопатии. Сам термин «истерия» массово вошел в обиход в конце

XIX века после лечения этого заболевания лучшими врачами психиатрами Европы: Ж. Шарко, З. Фрейд. Однако еще древние египтяне дали точное описание эмоциональных расстройств, названных истерическими.

Лица истероидного типа отличаются броским, ярким поведением, гарантирующим им привлечение внимания окружающих. «Игра» удастся им легко. Часто они не столько играют, сколько живут в воображаемом мире. Зачастую «вживание» столь сильно, что они искренне верят в реальность собственных вымыслов. Именно поэтому истероидные акцентуаты могут быть блестящими мошенниками, легко выдающих себя за лиц, заслуживающих доверие.

Истероиды обладают развитой способностью подражания, быстро подстраиваясь под ожидания собеседника. Умеренно выраженная истероидность достаточно полезна для общения в любом обществе. Если истероидность слишком сильна, она может мешать адаптации, обеднять поведенческий потенциал.

Контакт индивида данного типа со сложными ситуациями может приводить к усилению механизмов истероидного реагирования до предпатологического и патологического уровня. Тогда эти механизмы начинают включаться при малейшем поводе, а поведение индивида приобретает болезненный истерический характер.

Лабильный тип акцентуации характера отличается неустойчивостью, подвижностью, резкой сменой настроений. Этот тип – почва для развития острых аффективных реакций, а значит и возможная основа серьезных преступлений.

Шизоидный тип характеризует людей тяготеющих к одиночеству, отличающихся сдержанностью и холодностью, замкнутостью, слабым проявлением эмпатии. Лица этого типа выражают открытое негодование существующими правилами и порядками. Правонарушения обычно совершают в одиночку.

Среди различных акцентуаций характера также выделяется эпилептоидный тип. Он характерен периодами злобно-тоскливого настроения – дисфории с поиском объекта, на котором можно сорвать злобу. Также отмечаются садистские, мазохистские наклонности. Легко алкоголизируется. Опьянение протекает тяжело, с проявлениями ярости, драками. Это один из самых трудных и неблагоприятных для социальной адаптации и социальной коррекции типов людей.

Подростки с акцентуированными чертами характера эпилептоидного типа абсолютно легко переходят грань между обычными правонарушениями и совершением опасных преступлений с нанесением травм, ранений, сексуальной агрессией, совершением грабежей и т.п.

Сенситивный тип акцентуации очень близок к эмотивным личностям. Они наделены чрезмерной чувствительностью, повышенной впечатлительностью. Их уязвимым звеном является обостренное восприятие отношений

к ним со стороны окружающих. Они долго и глубоко переживают обиды и склонны к совершению суицида

Неустойчивый тип акцентуации легко поддается влиянию окружающих, легко устанавливает контакты с другими людьми, любит проводить время в пустой болтовне, живет сегодняшним днем.

Конформный тип характеризуется повышенным приспособленчеством к своему непосредственному окружению и по принципу дифференциальной ассоциации становится данная личность тем, чем делает ее микросреда.

Аддиктивный тип реагирования личности направлен на изменение неудовлетворяющего индивида психического состояния путем использования таких способов, которые позволяет ему хотя бы не некоторое время достичь желаемого состояния, но которое в своей основе является искусственным, обедняющим и разрушающим личность. В абсолютном большинстве случаев аддикты предпочитают иметь дело не с людьми, а с неодушевленными символами и суррогатами. Однако на практике социально безвредных аддикций не существует. Ущерб другим наносится то ли в процессе «добывания» веществ и символов, то ли из-за втягивания в аддиктивное поведение других.

Практика показывает, что в реальной жизни чистые типы акцентуаций характера встречается крайне редко. Преобладают смешанные типы акцентуаций двух видов:

- промежуточные, образующиеся путем одновременного развития нескольких типичных черт;
- амальгамные, как результат наслоения новых черт характера на сложившиеся.

Итак, нет природной предрасположенности к криминальному поведению, но есть генетическая предрасположенность к тем влияниям среды, которые могут обусловить совершение преступления. Биологически унаследованные качества индивида должны быть поняты как подсистема развития определенных психических качеств. Неразрывная связь психического и биологического контрастно выражается в психических аномалиях, что имеет существенное юридическое значение.

Список использованных источников:

1. Бехтерев, В.М. Психопатия (психонервная раздражительная слабость) и ее отношение к вопросу о вменении / В.М. Бехтерев. – Казань, 1886. – 31 с.
2. Ганнушкин, П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика / П.Б. Ганнушкин. – Нижний Новгород: НГМА, 1998. – 123 с.
3. Кербиков, О.В. К учению о динамике психопатий. Проблемы судебной психиатрии / О.В. Кербиков // Сб. Х. Пограничные состояния. – М., 1961. – С.5–32.

4. Сухарев, А.А., Сухарев И.А. Акцентуации характера как психолого-эмоциональный фактор делинквентного и криминального поведения / А.А. Сухарев, И.А. Сухарев // Актуальные проблемы государства и права Беларуси: материалы Республиканской научно-практической конференции с участием органов прокуратуры, судов, юстиции, 15–16 апреля 2005 года. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2005. – С. 304–306.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Е.А. Усачёва, Е.А. Шантырева

Ключевые слова: санкционный режим, ограничительные меры, черный список, Совет Евросоюза, глобальный закон.

Впервые санкции в отношении Беларуси были введены Евросоюзом 15 сентября 1997 года. Тогда ЕС официально ограничил формат своих отношений Минском до уровня ниже министерского в связи с «нарушениями прав человека и нарушениями на выборах». Это являлось реакцией на проведенный 24 ноября 1996 года в Беларуси референдум, по результатам которого полномочия президента страны Александра Лукашенко были продлены до 2001 года. Евросоюз приостановил процесс ратификации соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Беларусью, также временного торгового соглашения от 1995 года. Тогда же был введен запрет на контакты на высшем и высоком уровнях. Фактически санкции заморозили основные направления сотрудничества между Брюсселем и Минском, исключение составили проекты по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

9 июля 1998 года после выселения аккредитованных послов стран ЕС и других государств из их резиденций в Минске, Евросоюз ввел визовые ограничения для президента Беларуси Александра Лукашенко и 130 высокопоставленных белорусских чиновников.

В начале 1999 года конфликт был урегулирован: главы дипмиссий стран ЕС вернулись в Минск, визовые ограничения были сняты.

В период с 2004 г. по 2020 г. Совет Европейского союза периодически то вводил ограничительные меры, то приостанавливал их с завидным постоянством расширяя санкционный черный список не только относительно высокопоставленных чиновников, но и ряда белорусских компаний и организаций. Некоторые санкции включали запрет на ведение экономической деятельности для европейских предпринимателей с белорусскими юридическими лицами из списка, а также эмбарго на поставки в страну военной техники и техники двойного назначения, которая может быть использована «для внутренних репрессий».

Первый пакет санкций после президентских выборов в августе прошлого года и последовавших за ним событий был введен 2 октября 2020 года в отношении 40 официальных лиц Беларуси, ответственных, по мнению сообщества, «за фальсификацию выборов [в республике] и нарушение прав человека». Фамилии 40 граждан Беларуси были внесены в уже существующий черный список ЕС. При этом президент страны Александр Лукашенко в него не вошел, так как ЕС заявил, что намерен «продолжать диалог» с Минском [1]. Вторым и третьим пакетом санкций (ноябрь, декабрь 2020г.) был расширен список попадающих под их действие лиц плюс включены юридические организации.

19 апреля 2021 г. Минфин США выпустил лицензию, разрешающую свернуть операции с девятью белорусскими госпредприятиями и организациями с госучастием до 3 июня. Формально эти компании находятся под американскими санкциями с 2007–2011 годов, однако с 2015 года действия этих ограничений были приостановлены. Стоит напомнить, что санкции против белорусских предприятий с госучастием вводились начиная с 2006 года.

Госдепартамент отдельно сообщил, что восстановление санкций против девяти белорусских госпредприятий – это следствие «вопиющего пренебрежения правами человека» со стороны белорусских властей. Кроме этого, новые ограничения в отношении официального Минска ввели Канада и Великобритания, а к действующим присоединились Украина, Северная Македония, Норвегия, Исландия, Албания.

Каков был наш ответ? Обещание новых контрсанкций (пока действует только одно решение – постановление Совмина от 23.04.21г. № 240 «О применении специальных мер», запрещающих ввоз и продажу автомобилей Skoda и ряда брендов европейской косметики) так и осталось обещанием, но на уровне правительства было сделано заявление, что мы выбираем «наиболее адекватные меры реагирования из того набора, который мы выработали и о котором доводим сигнал нашим партнерам». На риторическом уровне белорусские власти называют санкции элементом «гибридной войны», периодически озвучивая противоречащие друг другу тезисы то о людях, которые больше всего пострадают от ограничения, то об экономике, которая, несомненно, выстоит и укрепит свои позиции.

И вот, новые секторальные экономические санкции (введены 24 июня 2021г.), коснувшиеся и нескольких стратегических важных отраслей – самые серьезные за всю историю отношений с официальным Минском. Принципиальное отличие от предыдущих – ограничения касаются целых значимых отраслей экономики. Список товарной номенклатуры, попавшей под запрет, вызвал двойное толкование, поэтому эксперты затрудняются прокомментировать возможность негативного эффекта от санкций для белорусской экономики. Понятно одно – ограничения коснутся только действующих контрактов. Стоит учитывать, что на подобных рынках контракты заключаются, как правило, на год вперед, поэтому ближайшее время влияние санкций предполагает быть минимальным.

Рассматривая правомерность и юридический аспект применения санкций в отношении Беларуси со стороны ЕС и США, следует отметить следующее. В 2016 году, когда санкции начали становиться основным инструментом одностороннего принуждения в международном праве, Конгресс США принял второй закон имени Магнитского – Global Magnitsky Human Accountability Act (далее – Глобальный закон). Прилагательное всемирный (global) показывает распространение созданного США механизма санкций за нарушения прав человека безотносительно того, в какой стране и кем они нарушаются. Санкции США вводятся двумя способами [3]:

- на основании законов Конгресса;
- на основании исполнительных указов президента США.

Право ЕС знает несколько режимов санкций, которые направлены на борьбу с нарушениями прав человека: санкции за разгоны мирных протестов, пытки и чрезмерное использование смертной казни в Иране; за исчезновения оппозиционных активистов и журналистов в Беларуси; за репрессии в отношении гражданского общества и демократической оппозиции в Венесуэле и др.

Принятие Глобального закона имени Магнитского в США привело к дискуссии внутри Евросоюза о необходимости принятия схожего проекта, которым бы вводился режим санкций против нарушений прав человека. 19 октября 2020 года с данной инициативой выступили Европейская комиссия и Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности, направив совместное предложение о создании собственного инструментария ЕС об ограничительных мерах нарушителям прав человека.

Для чего Евросоюзу global санкционный режим? В рамках ЕС за введение санкций отвечает только Совет ЕС, т.е. Европейская комиссия лишь вносит предложения о введении санкций и является участником обсуждений санкционных режимов с государствами-членами, что не всегда приводит к желаемому результату по политическим и иным причинам. Как пример, Греция и Кипр, в виду того, что Евросоюз не реагировал на существующий конфликт с Турцией препятствовали введению санкций против отдельных граждан Республики Беларусь.

Принятие глобального санкционного режима может изменить данный подход, упростив процедуру принятия санкций в рамках ЕС. Это может быть обеспечено посредством делегирования Европейской комиссии полномочий на введение санкций, связанных с конкретными нарушениями прав человека, или же изменения порядка голосования по вопросу о введении ограничительных мер в Совете ЕС. Такой подход будет способствовать предотвращению появления барьеров для введения санкций, которые обусловлены политическими соображениями [2].

Но данный вариант событий достаточно сложный, потому что Евросоюз является международной организацией, включающей в себя 27 государств с разными целями во внешней политике. Введение санкций – это

в первую очередь столкновений политических интересов и конечно предмет серьёзных переговоров. Не все государства захотят делегировать передачу столь важных полномочий Европейской комиссии – органу, который состоит из лиц, хоть и являющихся гражданами государств- членов ЕС, но выступающих в самостоятельном качестве, и ставящих интересы Евросоюза выше интересов отдельных стран.

Получится ли при создании нового санкционного режима вводить ограничительные меры своевременно и с менее серьёзным ущербом для отношений с третьим государством покажет время, ведь достоинства или недостатки глобального санкционного режима мы сможем увидеть только если регламент и решение будут приняты Советом ЕС. Европейская комиссия внесла предложение, теперь последнее слово останется за министрами государств-членов ЕС.

Список использованных источников:

1. Annex III of the Commission Implementing Decision on the Annual Action Programme 2016 in favour of the Republic of Belarus. Action Document for Strengthening Private Initiative Growth in Belarus (SPRING) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // [https:// ec.europa.eu / neighbourhood- enlargement/sites/near/files/eni_2016_c20164861_spring.pdf](https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2016_c20164861_spring.pdf). – Дата доступа: 20.08.2021.

2. Belarus and the EU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:// [https:// eeas.europa.eu / headquarters/headquartershomepage / 15975/belarus-and-eu_en](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquartershomepage/15975/belarus-and-eu_en). – Дата доступа: 10.09.2021.

3. Belarus. EU–Belarus Relations [Электронныйресурс]. – Режим доступа: // [https://ec.europa.eu/neighbourhoodenlargement / neighbourhood/ countries/ belarus_en](https://ec.europa.eu/neighbourhoodenlargement/neighbourhood/countries/belarus_en). – Дата доступа: 10.09.2021.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАХ МИРА

В.И. Филимонова, П.Г. Шеленговский

Ключевые слова: трудоустройство, распределение, образование, молодёжь.

Одним из приоритетных направлений деятельности любого государства является образование. Большинство стран мира стремятся создать все необходимые условия для построения эффективной, качественной системы образования, которая должна быть направлена не только на традиционное получение теоретических знаний в учебных заведениях, но и на самообразование, самореализацию учащихся, получение ими практического опыта

работы уже в студенческие годы, а также способствование последующему трудоустройству выпускников. Успешное трудоустройство после получения образования по специальности – это одна из тех задач, которую по факту приходится решать не только самому выпускнику, но и его учебному заведению, и государству. Таким образом представляется интересным изучить институт трудоустройства выпускников в Республике Беларусь и, в частности, институт распределения, понять, действительно ли распределение является социальным благом, а также, проанализировав результаты анкетирования учащихся выпускных групп Филиала БГТУ «Витебский государственный технологический колледж» и мировую практику по трудоустройству молодёжи, определить, не нуждается ли данный институт в реформировании.

Статья 49 Конституции Республики Беларусь закрепляет право на образование, гарантируя доступность и бесплатность профессионально-технического образования и устанавливая право каждого получить среднее специальное и высшее образование на конкурсной основе бесплатно в государственных учебных заведениях [1]. Однако, получение высшего, среднего специального и профессионально-технического образования в дневной форме за счёт средств бюджета сопряжено в Беларуси с обязательной отработкой, а именно с распределением, которое закреплено статьёй 83 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» и Постановлением Совета Министров № 821 от 22.06.2011 года [2,3]. Таким образом, Республика Беларусь остаётся единственной страной в СНГ и, пожалуй, в мире, где в полной мере сохраняется обязательная отработка после получения образования.

Изучение вопросов обеспечения выпускников первым рабочим местом в нашей стране показало неоднозначное отношение учащихся к проводимой политике трудоустройства, так как среди опрошиваемых высокий процент обучающихся за счёт средств бюджета не только отрицательно относятся к действующему институту обязательного распределения (46% опрошенных), но и ищут причины, которые позволили бы им его избежать (44% опрошенных), а также опрошиваемые говорят о том, что в большинстве случаев находят места работы по распределению самостоятельно (приносят заявки от нанимателей 65% опрошенных), что указывает на снижение роли государства при поиске первого места работы для выпускника. Однако, как показало анкетирование, определённый процент так называемых «платников» (тех, кто обучается на платной основе), не подлежащих распределению, не только положительно относятся к данному институту, но и желали бы получить первое гарантированное место работы, особенно учащиеся с высоким баллом диплома (61% опрошенных, обучающихся на платной основе по специальности «Правоведение» пожелали подлежать распределению, получив при этом гарантированное первое место работы). В 2020 году министр образования Беларуси Игорь Карпенко выступил с предложением о добровольном распределении «платников» и

присвоении им статуса молодых специалистов, но пока изменений в законодательстве не последовало. Таким образом, на вопрос, считаете ли вы, что институт распределения подлежит реформированию, 80% респондентов, не зависимо от бюджетной либо платной основы получения образования, ответили положительно и только 20% пожелали оставить всё как есть.

При изучении и анализе международной практики организации образовательного процесса и трудоустройства выясняется, что в большинстве стран мира студенты получают образование на платной основе, при получении специальности выходят на свободный, открытый рынок труда и не подлежат обязательному распределению, имеют возможность посещать дополнительные образовательные курсы, заниматься самообразованием. Также в Российской Федерации, странах Западной Европы, США, Японии при университетах создаются консультационные бюро, центры карьеры, которые проводят «ярмарки вакансий», оказывают содействие по поиску работы во взаимодействии с будущими работодателями, развивая своеобразную систему трёхсторонних отношений между учебным заведением, студентом и работодателями. В Японии, например, «сюкацу» - процесс поиска работы, начинается уже с первого курса, когда каждого первокурсника японского университета в первую очередь знакомят с представителями вузовского «центра карьеры». Практически все студенты знают, где он находится, кто там работает и с какими вопросами туда нужно обращаться. Здесь обучают очень важным практическим навыкам – правильно одеваться, правильно говорить, правильно составлять резюме и письма в компании, правильно проходить собеседования. И уже на третьем курсе вооружённые знаниями студенты вплотную приступают к поискам работы [6, с.11-17].

Кроме того, в странах Западной Европы и в некоторых странах СНГ существуют определённые налоговые льготы и иные преференции работодателям, создающим рабочие места для выпускников или принимающим их на работу. Так, согласно французскому декрету "О развитии деятельности по трудоустройству молодежи" работодателю на протяжении 5 лет с момента создания соответствующего рабочего места оказывается помощь в размере 15 924,55 евро ежегодно [4, с.12]. В Польше государство в ряде случаев компенсирует издержки, понесенные работодателем в случае полной занятости направленного выпускника (заработная плата, премии, взносы социального страхования в заранее оговоренном размере, не превышающем минимального оклада труда) за период до 12 месяцев. В Кыргызстане за каждого устроенного молодого работника по программе «чек на рабочее место» работодатель получает единовременную выплату, согласно законодательства, и снижение отчислений на социальное страхование на каждого принятого с 34,5% до 9% в течение двух лет. В Молдове согласно закону «О занятости населения и социальной защите лиц, нуждающихся в поиске работы» работодатели, трудоустраивающие лиц из числа выпускников высших учебных заведений, имеют право на уменьшение взноса обязательного

государственного социального страхования сроком на 12 месяцев при условии продолжения трудовых отношений в течение не менее двух лет [5, с. 6].

В отдельных европейских странах налоговые льготы предоставляются не только работодателю, но и выпускнику. Например, в Польше ряд налогов в течение года с момента трудоустройства платит вместо выпускника государство. Также освобождаются от уплаты ряда налогов в течение года выпускники, открывшие свой бизнес. Аналогичные меры по поддержке молодых людей, решивших заняться предпринимательством, применяются и в Чехии [4, с. 22].

Безусловно, масштабное применение подобных мер в Республике Беларусь потребует внушительных финансовых вложений, однако представляется возможным и целесообразным, не отказываясь полностью от системы обязательного распределения, внедрять налоговые льготы и преференции, которые совершенно точно позволят повысить заинтересованность конкретного нанимателя в трудоустройстве молодого специалиста, а также заинтересованность самого выпускника работать по специальности после получения образования.

Исходя из вышеизложенного, в рамках перспектив развития института трудоустройства в нашей стране возможно предпринять следующие меры:

1. Развивать эффективные трёхсторонние отношения между учебным заведением, студентом и реальным работодателем путём создания при учреждениях образования «консультационных бюро», «центров карьеры», которые, проводя «ярмарки вакансий», создавая базы данных работодателей, базы данных резюме выпускников, занимались бы их реальным трудоустройством; можно рассмотреть возможность создания сайта, на котором будут определены списки предприятий, принимающих на работу молодых специалистов для трудоустройства, с определенным "положительным рейтингом", тем самым привлечь дополнительное внимание к таким предприятиям, оказываемым ими услугам, выполняемым работам; также при разработке учебных программ, учебных планов полезно проводить консультации с реальными работодателями, которые смогли бы скорректировать учебные планы под конкретные требования, предъявляемые на практике.

2. Повысить заинтересованность конкретного нанимателя в приёме молодого специалиста путём установления налоговых льгот для работодателей при создании новых рабочих мест для выпускников или приёме их на работу.

3. Предусмотреть налоговые льготы и иные преференции самим выпускникам, приступающим к работе по полученной специальности либо открывающим свой бизнес.

4. Предоставлять гарантированное первое место работы и статус «молодого специалиста» со всеми льготами и преференциями выпускникам с наиболее высоким баллом диплома независимо от платной или «бюджетной» формы обучения по их желанию. Таким образом повысится мотивация

к обучению и институт распределения будет восприниматься не как наказание, а как реальное социальное благо.

Мир в целом движется вперед, говорил Гёте, но молодежи приходится всякий раз начинать сначала. Задача учебного заведения и, в целом, государства в сфере трудоустройства молодёжи – не навязать, а оказать содействие при получении первого места работы для выпускника.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на Респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Об образовании: Кодекс Республики Беларусь, 13 января 2011 г. № 243-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

3. О некоторых вопросах распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, возмещения затраченных государством средств на их подготовку и целевой подготовки специалистов, рабочих, служащих [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 июня 2011 г., № 821 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (pravo.by). – Дата доступа: 28.10.2021.

4. Лаврухин, А.В. Обязательное распределение выпускников: в поисках альтернативы / А.В.Лаврухин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Laurukhin-Obiazatelnoe-Raspredelenie-ru.pdf (bolognaby.org). – Дата доступа: 25.10.2021. – 35 с.

5. Обзор мировых практик в области содействия трудоустройства выпускников и оценка применимости их в российских условиях. Отчет Комитета по молодежному предпринимательству Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, 2011.

6. Харитонова, Л. «Сюкацу»: трудоустройство выпускников японски / Л. Харитонова // Карьера – Регион. – № 9. – 2011.

ДУАЛІЗМ Ў СФЕРЫ АКАЗАННЯ ЮРЫДЫЧНЫХ ПАСЛУГ

В.У. Хількевіч

Ключавыя словы: заканадаўства, адвакат, юрыдычная дапамога, адвакатура.

У Расіі ў 2002 годзе ўжо была праведзена спроба аб'яднання адвакатаў і юрыстаў-гаспадарнікаў у сувязі з выхадам адпаведнага закона. У той час многія юрысты атрымалі статус адвакатаў. Але праз некаторы час Канстытуцыйны суд Расійскай Федэрацыі адмяніў гэты закон. У выніку юрысту-гаспадарніку дазволена працаваць у юрыдычнай кампаніі і адначасова мець статус адваката.

У цяперашні час у Расійскай Федэрацыі існуе дуалізм у сферы аказання юрыдычных паслуг. Па-першае, у гэтай сферы практыкуюць адвакаты, многія з якіх па сваіх ведах, дзелавым і этычным якасцях не маюць права аказваць кваліфікаваную дапамогу грамадзянам. Як раз з імі ў асноўным сутыкаецца насельніцтва. Па-другое, існуюць так званыя бізнес-кансультанты – людзі, якія працуюць у буйным бізнэсе і вырашаюць дарагія юрыдычныя пытанні. Гэтых людзей на рынку 10%, і ў асноўным з імі працуюць буйныя бізнес-структуры, банкі. Не выпадкова менавіта гэтыя 10% і забяспечваюць 90% рынку прававых паслуг у Расіі. Адпаведна, на адвакатаў, якія складаюць 90% асоб, якія аказваюць прававыя паслугі на рынку, прыпадае толькі 10% рынку.

Арганізацыйная структура адвакатуры-гэта форма адвакатуры. Форма прадмета не павінна супярэчыць яго сутнасці, але павінна дапамагаць яе праяве. Фармальная структура адвакатуры павінна адлюстроўваць яе мэты. Дадзеная мэта дэфармуецца супярэчлівымі інтарэсамі, якія пераследуюцца дзяржавай, грамадзянскай супольнасцю, самімі адвакатамі.

Сістэма адвакатуры можа будавацца зыходзячы з мэты адвакатуры, якая выказвае яе ўласныя карпаратыўныя інтарэсы. Гэта неабходная ўмова фарміравання адвакацкага саслоўя і надання адвакатуры статусу публічнага сацыяльнага інстытута, які не з'яўляецца прыдаткам дзяржаўнага апарату [1, с. 68].

Перад абедзвюма краінамі зараз стаіць адзіная задача: ліквідаваць дуалізм нацыянальнай кансультацыйнай карпарацыі. У цяперашні час у Расійскай Федэрацыі разглядаецца пытанне аб заснаванні такой арганізацыйнай формы як адвакацкая фірма. Пры цяперашнім рэгуляванні адвакацкія адукацыі ў Расійскай Федэрацыі, якія аказваюць юрыдычныя паслугі бізнесу, вымушаныя мець два крыла: адно-адвакацкай, для афіцыйнага прадстаўніцтва ў судовых інстанцыях, другое – гаспадарчае, у выглядзе ТАА, якое выступае ў якасці генератара прыбытку і выкарыстоўваецца ў бухгалтарскіх мэтах. Ужыванне такіх падвойных стандартаў значна менш этычна, чым прадастаўленне паслуг бізнэсу ад асобы самай адвакацкай фірмы. Калі гэтай фірме будуць прадастаўлены такія ж правы, якімі валодаюць цяпер дзеючыя кансалтынгавыя фірмы, рынак стане больш

празрыстым, а значыць – менш схільным карупцыі. Бо для Расеі праблема барацьбы з карупцыяй з'яўляецца адной з самых актуальных. Магчыма, Рэспубліцы Беларусь варта было б таксама ў законапраекце разгледзець і такую форму арганізацыі адвакатуры як адвакацкая фірма.

Да пытання аб магчымасці аб'яднання з прыватнапрактыкуючымі юрыстамі трэба падыходзіць перш за ўсё з пункту гледжання прынцыпаў прафесіі. Адвакацкая дзейнасць несумяшчальная з прадпрымальніцкай, што вынікае ў першую чаргу з карэннага адрознення ў мэтах: адвакацкая дзейнасць мае на мэце абарону правоў і свабодаў, а прадпрымальніцкая – сістэматычнае выманне прыбытку.

Вылучэнне ў адвакацкай дзейнасці камерцыйнай складнікам расцэнчваецца як пашыральны падыход, які вядзе да ўключэння ў яе прынцыпова іншых відаў дзейнасці, якія не адносяцца да праваабарончай сферы (напрыклад, кіраванне прадпрыемствам, каштоўнымі паперамі, выкананне даручэнняў, не звязаных з абаронай правоў). Што, у сваю чаргу, прымяняе ролю адвакатуры як публічна-прававога інстытута, а таксама Інстытута грамадзянскай супольнасці. Акрамя таго, аб'яднанне не дазволіць усталяваць адзіныя прафесійныя і этычныя стандарты, так як унутры карпарацыі захаваецца дзяленне на крымінальных адвакатаў і адвакатаў бізнесу.

Неабходна з дапамогай навукоўцаў-спецыялістаў у галіне адвакатуры выразна ўсталяваць межы адвакацкай дзейнасці, прапанаваўшы заканадаўцу паралельна прыняць закон аб камерцыйнай юрыдычнай дзейнасці. Пасля стварэння "формулы адвакацкай дзейнасці" можна будзе прэтэндаваць на манаполію ў судовым прадстаўніцтве і, магчыма, прыняць у адвакатуру частку практыкуючых юрыстаў [1].

Важна таксама адзначыць, што і Расія, і Беларусь з'яўляюцца ўдзельнікамі Міжнароднага Пакта ад 16.12.1966 г. "аб грамадзянскіх і палітычных правах". У сувязі з гэтым дарэчы будзе прывесці палажэнні артыкула 14 Пакта, у якой сказана, што «кожны абвінавачаны ў крымінальным злачынстве мае права... абараняць сябе асабіста ці праз пасрэдніцтва абранага ім самім абаронцы» [2]. Дадзенае становішча трактуецца шырока як права асобы на аказанне яму прававой абароны не толькі па крымінальных, але і па любых грамадзянскіх і / або арбітражным (гаспадарчым) справах. А тое, якую форму арганізацыі абярэ тое ці іншае дзяржава, павінна мець другараднае значэнне ў адносінах да галоўнай задачы адвакатуры: абароне правоў і законных інтарэсаў грамадзян.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Кібылінская, С.В. Прававыя асновы юрыдычнага кансультавання: падручнік / С.В. Кібылінская. – Краснадар: КубГАУ, 2019. – 165 с.
2. Міжнародны пакт аб грамадзянскіх і палітычных правах 1966 г. – Рэжым доступу: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml. – Дата доступу: 24.10.2021.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ИСТОРИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ, СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

И.М. Шашкова

Ключевые слова: государственное регулирование, профессиональный спорт, спортивные правоотношения.

Спорт в современном обществе представляет собой одну из важнейших ценностей, которая оказывает непосредственное влияние на здоровье и общее развитие личности, а также на качество жизни общества в целом. Каждому человеку предоставляется возможность реализации и расширения своих способностей в соответствии с его задатками в определенном виде спорта. По мере развития многообразных связей между субъектами общественных отношений возрастает и роль спорта в структуре современного общества. Занятие спортом и физической культурой приобретает воистину массовый характер и определяет, таким образом, возникновение широко-массового спортивного движения. При этом современный спорт принято делить на массовый, в который вовлечена большая часть субъектов спортивных отношений, и спорт высших достижений, или большой спорт, основными субъектами которого являются лица, занимающиеся спортом профессионально. По отношению к массовому спорту физическая культура является более общим понятием и структурно включает его в себя.

Тесное взаимодействие и сотрудничество государств в различных областях неминуемо влечет за собой также и выход спорта на международный уровень. В данном случае представляется возможным говорить уже о международном спортивном движении. Его становление сопровождается созданием международных спортивных организаций. Возрастание числа субъектов спортивных отношений порождает усложнение отношений между ними. Как известно, в современном обществе практически все отношения регулируются нормами права, что придает им упорядоченность и согласованность. Что касается спортивных отношений, то они так же, как и общественные отношения в других сферах, только будучи урегулированными правом становятся спортивными правоотношениями. Таким образом, постепенно создаются предпосылки для формирования новой отрасли права, а впоследствии и ее интеграции в международное право.

Главной фигурой среди субъектов спортивных правоотношений является государство. В силу своего особого статуса государство создает правовые нормы и обеспечивает их реализацию, в том числе в части государственного регулирования в области физической культуры и спорта. Здесь же следует отметить, что среди общеправовых принципов спортивного права особое место занимает принцип государственного регулирования

общественных отношений. Его специфическое значение в перечне исходных нормативно-правовых начал объясняется тем, что спортивные правоотношения, как элемент надстроечной категории, могут существовать лишь в условиях определенного государственного регулирования, поскольку определяющий их экономический базис также испытывает определенное воздействие государства.

Поскольку спорт является неотъемлемой частью жизни современного общества, активно влияющего на него, участие в нем в той или иной степени государства необходимо. Спорт как общественное и социальное явление не может сегодня оставаться вне сферы интересов и деятельности государства. Каждое государство обладает спортивной функцией, то есть осуществляет деятельность по обеспечению функционирования и развития сферы физической культуры и спорта соответствующим набором инструментов и методов, с учетом государственных интересов.

Вплоть до 1960-х годов роль государства в развитии спорта во многих странах была скорее номинальной. Спорт на Западе развивался в, основном, при отсутствии любых форм вмешательства государства в его сферу, правительства почти не проявляли интереса к спортивной жизни общества. Однако после того, как благодаря помощи государства советский спорт и советские спортсмены заняли ведущие позиции во многих видах спорта на Олимпийских играх, в ряде европейских стран, таких как Германия, Финляндия, Франция, Швеция, в 1970-е гг. роль государства начала постепенно преобразовываться. Как справедливо здесь отмечает российский правовед, специалист в области спортивного права С.В. Алексеев, изменение отношения ряда государств к спорту произошло под влиянием спортивной политики, которую проводило советское государство. Причем прежде всего это касалось финансирования спорта высших достижений из государственного бюджета [1, с. 354]. В частности, в США вовлечение американского правительства в спорт начиная с 1950-х гг. диктовалось, во-первых, низкой физической подготовленностью молодежи и, во-вторых, необходимостью укрепления национального престижа путем улучшения выступления спортсменов на международной арене.

Степень и мотивы вовлечения государства в спортивные правоотношения предопределяют национальную модель спортивного движения. По мнению С.В. Алексеева, в зависимости от концепции роли государства в спортивной жизни можно выделить три модели спортивного движения: неинтервенционистская, интервенционистская и смешанная [1, с. 359].

В странах, где реализуется неинтервенционистская модель спортивного движения (США, Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Швеция), государство все же вовлекается в спортивные правоотношения путем выдвижения своей инициативы в целях поддержки спортивных клубов, федераций и руководства спортивного движения, что на практике выражается в виде создания определенных служб и инфраструктуры. Возможность вмешательства

государства, базирующегося на данной модели, в спортивную сферу ограничена. Так, спортивным правом установлены пределы рассмотрения споров спортивными судами, при нарушении которых возможно вмешательство судов общей юрисдикции. Отличительной чертой данной модели является также и то обстоятельство, что значительное внимание уделяется разграничению полномочий органов государственной власти и спортивных организаций.

В странах, реализующих интервенционистскую модель спортивного движения, существует действенный механизм взаимодействия спортивного движения и государства, причем на последнее возложены обязательства и ответственность по развитию спортивной сферы. В таких государствах существуют различные варианты управления спортивной сферой на высшем и местном уровнях. Так, во Франции функционирует Министерство молодежи и спорта, в Испании – Высший совет по спорту, в странах Восточной Европы и бывшего СССР существует специальный орган по управлению спортом, представленный, как правило, в виде соответствующего министерства. В ряде европейских стран функция регулирования спортивной сферы находится в компетенции различных министерств, а именно: в Дании, Исландии и Норвегии – Министерства культуры, в ФРГ и Швейцарии – Министерства внутренних дел, в Швеции – Министерства финансов. На местном уровне вид и статус государственно-управленческих структур, ведающих вопросами спорта, варьируется в соответствии с типом принятой в государстве экономической и административной децентрализации. В странах, реализующих рассматриваемую модель спортивного движения, направления деятельности и программы по спорту согласовываются с органами государственной власти при сохранении автономии спортивных организаций. Так, несмотря на то что во Франции спорт находится под государственным управлением, государство делегирует часть административной власти национальным спортивным федерациям. Такое партнерство приводит к формированию общего курса национальной спортивной политики, зачастую разрабатываемого с помощью органов, в которых имеются и представители властей, и руководители спортивных организаций.

В странах, реализующих смешанную систему спортивного движения, признается структурная автономия спортивного движения, основу для развития спорта составляют общественные органы управления, спортивные ассоциации, федерации и клубы, но в то же время сохраняется необходимость вмешательства государства в спортивную сферу. Так, в Италии Олимпийский комитет играет главенствующую роль в национальном спортивном движении и наделен государственными полномочиями по руководству и развитию спорта [1, с. 362].

Отметим, что рассматриваемая классификация моделей участия государства в спортивных правоотношениях идентична одному из подходов к классификации моделей социально-экономического развития различных стран.

В конечном итоге, та или иная модель воздействия государственных органов на сферу спорта оказывает влияние на законодательную базу

страны. Главной формой вовлечения государства в спорт на современном этапе является разработка и принятие актов спортивного законодательства. Для каждой страны характерны свои механизмы управления спортивным движением, но правовое регулирование в данной области в той или иной степени присуще всем странам.

Таким образом, необходимость административно-правового регулирования в области физической культуры и спорта имеет ряд предпосылок. К таковым относятся:

- 1) реализация социальной функции государства в виде поддержания здоровья нации. Эта функция является ведущей по отношению ко всем нижеперечисленным предпосылкам государственного регулирования спортивного движения;
- 2) успешная реализация экономической и трудовой функций государства;
- 3) обеспечение реализации военной функции государства;
- 4) реализация правоохранительной функции государства;
- 5) осуществление законодательной функции;
- 6) необходимость успешной социализации индивидов, как членов общества;
- 7) реализация функции развития международных отношений.

Что касается Республики Беларусь, то в нашей стране уже имеется отлаженная система органов государственного регулирования в области физической культуры и спорта. Проблемы государственного регулирования в нашей стране определяются не столько организационными, сколько финансовыми факторами. Создание объектов спортивной инфраструктуры, модернизация действующих спортивных объектов требуют значительных капиталовложений. Следует заметить, что развитие физической культуры и спорта представляет собой процесс инвестирования в человеческий капитал. Понимание того, что инвестиции в человеческий капитал способствуют экономическому росту, фактически возникло еще во времена Адама Смита, и классические экономисты уделяли определенное внимание необходимости затрат на развитие умений и навыков человека. Физическая культура наравне с образованием является составной частью образованности человека и, следовательно, вносит непосредственный вклад в развитие общества [2, с. 371].

Таким образом, объективно складывающиеся обстоятельства привели к необходимости участия каждого государства в регулировании спортивных правоотношений в той мере, в которой эта обязанность возложена на него обществом и реализуемой моделью социально-экономического развития.

Список использованных источников:

1. Международное спортивное право: учебник / С.В. Алексеев; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: ЮНИТИ, 2013. – 895 с.
2. Спортивное право России: учебник / С.В. Алексеев; под ред. П.В. Крашенинникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2013. – 695 с.

ТОРГОВО-ТАМОЖЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

И.И. Шматков, Д.В. Адамчук

Ключевые слова: взаимная торговля, ЕАЭС, пандемия, цифровизация, таможенная служба, цифровые технологии.

Во всем мире происходит усложнение торговых отношений из-за появления COVID19. Его распространение внесло корректировки во многие процессы: привело к закрытию государственных границ, стало причиной изменений в торговле не только внутри стран, но и за их пределами, что так же стало большим экономическим ударом для такого союза как ЕАЭС.

Евразийский экономический союз – международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого был на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства в составе России, Казахстана и Беларуси подписанный 29 мая 2014 г. ЕАЭС был создан для укрепления экономик стран-участниц и сближения друг с другом, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке. Страны-участницы ЕАЭС взяли на себя обязанность обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. А, так же, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – энергетике, промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. В последующем присоединились Армения и Киргизия.

Глобальный экономический кризис, разразившийся из-за пандемии коронавируса, пожалуй, самый серьезный за последние десятилетия. Окончательные его масштабы еще только предстоит оценить. Наиболее сложно восстанавливаться будут те отрасли промышленности, которые связаны со сложными производственными цепочками, где в изготовление продукта вовлечены компании из разных стран. Следовательно, государства ЕАЭС попали под удар экономического кризиса, вызванного вирусом.

В период распространения вируса, руководителями государств-членов ЕАЭС были приняты различные меры, направленные на преодоление негативных последствий распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), что с одной стороны способствовало снижению числа заболевших граждан, а с другой стороны стало барьером для осуществления взаимной торговли.

За период 2018-2020 произошло значительное снижение объемов взаимной торговли, особенно снижение в процентном соотношении наблюдается в Кыргызстане (практически 60%), в России (более 45%), в Беларуси – 26%. [1, с. 6]. Государства приняли решения искать новые, более безопасные и эффективные пути взаимной торговли между странами.

Одним из результатов стало решение о формировании цифрового пространства Союза, цифровых инфраструктур и экосистем. Проект Стратегии-2025 нацелен на повышение самодостаточности Союза и экономический рост государств-членов. Также в документе заложены механизмы завершения формирования общих рынков, которые будут функционировать без барьеров, изъятий и ограничений. С использованием цифровизации в торгово-таможенных отношениях.

Внедрение цифровизации в деятельность таможенных администраций, упрощает для участников ВЭД взаимоотношения с представителями таможни, позволяет минимизировать субъективизм при принятии решений, а для таможенных органов – повышает прозрачность и эффективность контроля за перемещением товаров [3, с. 29]

Особенно можно выделить создание сети электронных таможен и центров электронной декларации (ЦЭД).

Центры электронного декларирования (ЦЭД) предназначены для удаленного пропуска товаров через границу. По плану, товар размещается на складах пограничных зон и весь обмен информацией, т.е. сведения о товаре, идет уже в электронном виде. Все функции, а именно таможенное оформление и фактический контроль, разделены, что позволяет ограничить физический контакт между людьми. Реформа ведет к ускорению внешнеторгового оборота в период пандемии и позволяет производить декларирование товаров без привязи к постам и к месту нахождения товара. Переход от бумажных документов к электронным.

Положительный опыт может быть использован в практической деятельности таможенных администраций стран-участниц ЕАЭС, что позволит им также ускорять все реализуемые процессы и упрощать взаимодействие с таможенными службами, отличная возможность увеличения товарного оборота и усиления контроля над коррупцией и нелегальными перевозками через границу в период пандемии.

К сожалению, пока не все страны в составе ЕАЭС одинаково социально-экономически подготовлены к переходу на применение цифровых информационных систем. Это во многом затрудняет процесс их внедрения в практическую деятельность и увеличивает время на согласование межправительственных соглашений на уровне ЕАЭС.

Внедрение ЦЭД во всех странах-участниц ЕАЭС позволит сохранить гибкость, но при этом повысит эффективность взаимодействия между таможенными органами государств-членов, или же вовсе сведет его к необходимому минимуму путем автоматизации процессов. В целом, это поспособствует увеличению товарооборота как внутри ЕАЭС так и в мировом пространстве.

Список использованных источников:

1. Ворона, А.А., Борисова, Е.М. Взаимная торговля государств-членов Евразийского экономического союза: влияние пандемии и перспективы развития / А.А.Ворона, Е.М. Борисова // Вестник Евразийской науки. – 2020. – №4.
2. Решение Евразийского межправительственного совета от 09.08.2019 №7 «О Концепции трансграничного информационного взаимодействия» Eastern Partnership leaders' video conference, 18 June 2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.consilium.europa.eu/>. – Дата доступа: 11.11.2021.
3. Чистякова, Е.А. Цифровизация в рамках ЕАЭС / Е.А.Чистякова // Современные аспекты международного бизнеса. – Саратов, 2018.
4. Сальникова, А.В. Центры электронного декларирования как основа электронной таможни / А.В.Сальникова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – № 3(27). – 2018.
5. Повышение качества предоставления таможенных услуг в центрах электронного декларирования // Петербургский экономический журнал. – № 2. – 2019.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПЛАТОЙ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ АДВОКАТУ, УЧАСТВУЮЩЕМУ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Д.С. Ястреб, Н.В. Анюховская

Ключевые слова: уголовный процесс, адвокат, защитник по назначению, вознаграждение адвокатов.

В соответствии со статьей 34 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30 ноября 2011 г. № 334-З, на адвокатов нормы законодательства о труде не распространяются [1, ст. 34].

Адвокаты, как и все граждане Республики Беларусь, имеют право на труд и справедливое вознаграждение, не ниже уровня, обеспечивающего гражданину и его семье свободное и достойное существование. В Республике Беларусь Постановлением Совета Министров от 21 декабря 2020 г. № 740 установлена минимальная заработная плата в размере 400 белорусских рублей [2]. За сентябрь текущего года минимальная заработная плата составила 417,86 с учетом индексации 6,3%.

У адвоката в начале его профессионального пути основным доходом является работа по назначению в порядке статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь). Исходя из расчётов получаем следующее: если адвокат 22 рабочих дня в месяц

будет осуществлять свою деятельность только по назначению в порядке статьи 46 УПК Республики Беларусь, то после ряда отчислений из гонорара, фактически у него останется сумма, размер которой намного ниже, чем установленная минимальная заработная плата.

Рассмотрим подробнее: на данный момент времени Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь от 30 августа 2007 г. №57/129 «Об утверждении Инструкции о порядке возмещения расходов по оплате труда адвокатов за счет средств местного бюджета», установлена оплата труда адвокатов в размере 150 процентов базовой величины за один рабочий день при выполнении работы по назначению в Верховном Суде Республики Беларусь, областном, Минском городском судах; оплата труда адвокатов в размере 110 процентов базовой величины за один рабочий день при выполнении работы по назначению в районных (городских) судах, органах уголовного преследования [3, п. 4]. Рассмотрим оба варианта.

Если каждый рабочий день в течении месяца адвокат будет выполнять работу по назначению в Верховном Суде, областном, Минском городском судах, то мы получим $22 \cdot 43,50 = 957,00$ белорусских рублей. Из этой суммы вычитается средства, отчисляемые на содержание территориальной коллегии адвокатов, по данным Белорусской республиканской коллегии адвокатов, указанный взнос составляет 400 белорусских рублей ($957,00 - 400 = 557,00$). Также, адвокаты не освобождаются от уплаты подоходного налога в размере 13% и взноса в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь в размере 35%, из них 29% на пенсионное страхование и 6% на социальное страхование ($557,00 \cdot 13\% - 140$ (35% от 400)). По итогу, после всех вычетов, адвокат фактически получает 344,59 белорусских рубля. И этот расклад, можно назвать идеальным, но не реальным, за то, что адвокат будет работать по назначению только в судах, указанных выше и каждый рабочий день. И даже при, так называемом, идеальном раскладе, адвокат по итогу получает вознаграждение, размер которого ниже минимальной заработной платы.

Рассмотрим второй случай, который встречается на практике чаще всего. Адвокат выполняет работу по назначению в течении 22 рабочих дней в районных (городских) судах, органах уголовного преследования. Оплата за один такой день составляет 110% от базовой величины, то есть 31,90 белорусских рублей. За месяц получаем 701,80 белорусских рублей, и после всех вычетов, описанных выше ($701,80 - 400 = 301,80 \cdot 13\% - 140$), адвокат фактически получает 122,57 белорусских рубля.

Мы можем увидеть, что в обоих случаях, адвокат фактически получает вознаграждения, размер которых ниже минимальной заработной платы, во втором случае, размер вознаграждения ниже даже прожиточного минимума. В таком случае, адвокаты, основным доходом которого является

участие в уголовных делах по назначению, не могут себе обеспечить достойный уровень жизни, что прямо влияет на эффективность оказываемой юридической помощи.

Вдобавок ко всему, в обществе сложилось мнение о неэффективности защитников по назначению. Так как, защитники по назначению хоть и присутствуют на следственных действиях, однако фактически могут не выполнять, возложенные на них, обязанности: не осуществлять действий по разработке линии защиты, элементарно не обсуждать позицию по делу с подзащитным, другими словами играть роль статистов, без лишних вопросов подписывать заранее заготовленные протоколы следственных действий. Хотя с точки зрения принципов, на которых строится деятельность адвокатов, а также правил профессиональной этики, подобные случаи недопустимы, но они вполне могут быть. А повышение уровня вознаграждения за участие в уголовных делах по назначению, к тому же, могло послужить и дополнительным стимулом для адвокатов не быть описанными выше статистами.

Кроме того, на практике адвокат может вызываться органом уголовного преследования для проведения необходимых следственных и иных процессуальных действий в выходные и праздничные дни, а также в ночное время.

В отличие от белорусского, российский законодатель предусмотрел повышенный размер оплаты труда адвокатов в выходные и праздничные дни. В соответствии с положением «О возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований конституционного суда Российской Федерации», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240, оплата за один день участия в уголовном деле по назначению равняется 1500 российских рублей, что эквивалентно 51 белорусскому рублю; за один день участия в ночное время 1775 российских рублей, что эквивалентно 60,35 белорусских рублей; за один день участия, являющийся нерабочим праздничным днем или выходным днем, включая ночное время, - 2050 российских рублей, что эквивалентно 69,70 белорусских рублей [4, п. 22(1)].

Также, российский законодатель предусматривает повышенный размер вознаграждения с учетом сложности дела, например, по делам в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых либо с участием несовершеннолетних потерпевших, не достигших возраста 16 лет; по делам, в отношении подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; по делам, в отношении подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту, размер вознаграждения повышен на 14%; по делам, в отношении 3 или более подозреваемых, обвиняемых (подсудимых); в случае предъявления

обвинения по 3 или более инкриминируемым деяниям; по делам, объем материалов по которым составляет более 3 томов – на 28% [4, п. 22(1)].

Считаем целесообразным рассмотреть вопрос о применении подобных повышенных размеров вознаграждения и в Республике Беларусь.

Таким образом, существует острая необходимость повышения размера вознаграждения адвоката за день участия в уголовном деле по назначению, так, чтобы фактически у адвоката оставалось сумма равная или превышающая размер минимальной заработной платы. Предлагаем увеличить размер вознаграждения до 170 процентов базовой величины за один рабочий день при выполнении работы по назначению в районных (городских) судах, органах уголовного преследования и 210 процентов базовой величины за один рабочий день при выполнении работы по назначению в Верховном Суде Республики Беларусь, областном, Минском городском судах. А также, установить повышенный размер вознаграждения за участие в уголовных делах по назначению, в ночное время, в праздничные и выходные дни.

Также, хотелось бы обратить внимание на то, что адвокаты хоть и не имеют право на гарантии и компенсации, предусмотренные трудовым законодательством, но назначение и выплата адвокату пособий по государственному социальному страхованию и государственное пенсионное обеспечение адвокатов производится в соответствии с действующим законодательством. А что касается охраны труда адвокатов, нормы также действуют очень точно, ведь адвокатура – это специфическое образование, требующее специальных норм в сфере охраны труда. Адвокаты, как и правоохранительные органы, работают не по трудовым договорам и не являются субъектами трудового права. Но у правоохранительных органов Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» [5, гл. 7], так и специальными нормативными правовыми актами, касающимися отдельных ведомств предусмотрена развитая система гарантий и компенсаций.

На наш взгляд, труд адвоката также подлежит охране. Охрана труда адвокатов – это огромный пласт норм, требующих применения, соблюдения и контроля. Существующие нормы, направленные на охрану жизни и здоровья трудящегося, на наш взгляд, подлежат применению в том числе к адвокатам в случаях, требующих регулирования. Однако адвокатуре, как и любой профессии, присуща своя специфика, в связи с чем в целях защиты прав адвокатов на охрану труда представляется целесообразным введение специальных норм, учитывающих особенности профессии, и их применение совместно с общими нормами.

Список использованных источников:

1. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З: принят Палатой Представителей 18 декабря 2011 г.: одобрен Советом Республики 20 декабря 2011 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от

15.07.2021 № 118-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об установлении размера месячной минимальной заработной платы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2020 г. № 740 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.

3. Об утверждении Инструкции о порядке возмещения расходов по оплате труда адвокатов за счет средств местного бюджета [Электронный ресурс]: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь от 30 августа 2007 г. №57/129 (в ред. от 4 октября 2021 г. №185/59) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.

4. О возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований конституционного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: Положение, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 (в ред. от 27.09.2021 № 1624) // Справочно-правовая система Консультант Плюс Российской Федерации, 2021 г.

5. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г., № 204-З: в ред. 3-на от 23.07.2019 № 231-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац.центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

РАЗДЕЛ 3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ КИБЕРПЕРСТУПЛЕНИЙ

Т.Ф. Дмитриева

Ключевые слова: киберпреступность, криминалистические технологии, следы, компьютерные средства, расследование преступлений.

Характерной чертой современного информационного общества является проникновение информационных технологий практически во все сферы жизни. Криминальные проявления с использованием компьютерных, банковских и других электронных средств оказывают дестабилизирующее воздействие на общество, обуславливают потребность в создании эффективного механизма противодействия киберпреступности, укрепления правопорядка, обеспечения защиты личности, прав и свобод граждан, повышения их доверия к структурам власти и управления. Проблема повышения эффективности криминалистического обеспечения борьбы с киберпреступностью является одной из актуальных проблем криминалистики, поскольку расследование таких преступлений представляет нелегкую задачу установления механизма совершения противоправного деяния по ограниченному числу признаков, требующую значительных усилий, профессионализма, проницательности, наблюдательности, логики мышления. Общеизвестно, что существенный рост киберпреступности фиксируется практически во всех странах. При расследовании киберпреступлений особую важность приобретает эффективное применение специальных знаний и криминалистических технологий, отвечающих современному уровню развития науки и техники, обеспечивающих полноту обнаружения, фиксации и изъятия специфических следов преступления и иных материальных объектов. Сказанное свидетельствует об актуальности выбранной автором темы исследования.

Проблемам использования средств криминалистической техники посвящены работы М.Б. Вандера, Е.И. Гончаренко, Г.И. Грамовича, В.И. Громова, Е.П. Ищенко, А.А. Леви, П.В. Макалинского, С.М. Потапова, Р.А. Рейсса, С.Н. Трегубова, А.А. Эйсмана и др. Криминалистические и процессуальные вопросы применения новых (компьютерных и цифровых) технологий при расследовании преступлений нашли свое отражение в работах Е.Н. Дмитриева, О.Б. Дроновой, С.Б. Коваленко, Д.В. Муленкова и др. Возможности применения компьютерных технологий при осмотре места

происшествия исследовали В.Е. Козлов, Э.А. Ли и др.; криминалистических технологий – Ф.Г. Аминев, цифровых – В.А. Газизов, Л.М. Исаева и др. Изучение литературы свидетельствует о том, что проведенные ранее исследования имеют большое теоретическое и практическое значение. Однако многие работы отражают лишь отдельные аспекты применения достижений науки и техники в расследовании преступлений. За пределами научного осмысления остались теоретические и прикладные проблемы применения современных криминалистических технологий при расследовании преступлений вообще и киберпреступлений – в частности. Данные обстоятельства указывают на необходимость комплексного подхода к решению указанных проблем.

Понятие «киберпреступность», хотя и утвердилось в последние десятилетия в качестве как доктринального, так и правового термина, тем не менее, в русскоязычной литературе это понятие чаще всего используется в качестве синонима термина «компьютерная преступность» или «преступления в сфере компьютерной информации». В Республике Беларусь, термин «киберпреступность» хотя и используется – примером может служить его применение в Гл.19 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г., тем не менее правового определения не имеет. В белорусском уголовном законодательстве применяется понятие «преступления против информационной безопасности» [1, Гл. 31]. Объединяющими признаками всех преступлений, входящих в состав киберпреступности, являются средства их совершения – киберпространство, информационно-телекоммуникационные сети и средства компьютерной техники. Соответственно, киберпреступность можно определить как «совокупность противоправных деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и либо нацеленных на сети, системы, данные, веб-сайты и/или технологии, либо способствующих совершению преступления» [2, р. 440].

Современный уровень развития цифровых криминалистических технологий расследования преступлений делает возможным, с одной стороны, существенное снижение латентности преступности, с другой – значительное повышение коэффициента раскрываемости преступлений, причем это относится как к традиционной уголовной преступности, так и к рассматриваемой в данной работе киберпреступности. Между тем, в проблемном поле криминалистики находится ряд актуальных дискуссионных аспектов, существенно влияющих на процесс раскрытия, расследования и предупреждения киберпреступлений, среди которых разработка адекватных современной криминальной ситуации технико-криминалистических подходов к расследованию киберпреступлений, обновление учеными-криминалистами методик расследования компьютерных преступлений в современных условиях, совершенствование структуры методики расследований киберпреступлений, позволяющей поднять борьбу с киберпреступностью на соответствующий уровень.

В числе характерных признаков криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации ученые выделяют следы совершения преступления (виртуальные либо материальные) [3]. Следы – важное средство установления объективной истины по делу, поэтому работа с материальными следами на месте происшествия – исходный и наиболее важный момент расследования преступлений. Собираание доказательств – это понятие комплексное, включающее действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению следов преступления. Эффективность деятельности по выявлению (обнаружению) следов киберпреступлений зависит от компетенции и профессионализма лица, реализующего технологии их применения в каждом конкретном случае осмотра места происшествия. На практике имеются недостатки применения криминалистических технологий при расследовании преступлений [4, с.134]. Тем не менее, криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения следов киберпреступлений могут открыть самый короткий путь к установлению лица, совершившего преступление. От результативности их применения при осмотре места происшествия зависит не только эффективность данного следственного действия, но и увеличение объема доказательственной информации, необходимой для расследования киберпреступления.

Под криминалистическими технологиями осмотра места происшествия нами понимается «непрерывный процесс использования субъектами его криминалистического обеспечения комплекса современных технико-криминалистических средств; целесообразных, эффективных способов и методов, тактико-криминалистических приемов их применения в должной последовательности, в условиях дефицита времени, необходимости решения значительного числа сложных мыслительных задач при крайней недостаточности информации о событии преступления в целях получения максимально полной и необходимой информации по расследуемому преступному событию, от применения которого зависит эффективность следственного действия и расследования в целом» [4, с.118].

Базируясь на ранее предложенной нами систематизации криминалистических технологий осмотра места происшествия [4, с.118], считаем целесообразным выделить систему криминалистических технологий работы со следами киберпреступлений. Так, на первом уровне криминалистические технологии работы со следами киберпреступлений в зависимости от выполняемых с помощью технико-криминалистических средств функций могут быть подразделены на следующие группы: 1) криминалистическая технология выявления (обнаружения) следов киберпреступления; 2) криминалистическая технология фиксации следов; 3) криминалистическая технология изъятия следов. На втором уровне для систематизации криминалистических технологий киберпреступления основанием могут служить объекты, для выявления (обнаружения) которых используются технико-криминалистические средства. По этому основанию целесообразно выделить 6 групп

криминалистических технологий выявления (обнаружения), поиска: 1) аудио-, видеозаписей или фотоизображений; 2) неметаллических следов и объектов (компьютерных, электронных и др.); 3) следов папиллярных узоров; 4) микрообъектов; 5) металлических предметов; 6) комплекса следов. При такой систематизации, на наш взгляд, можно обеспечить результативность, полноту и качество выявления (обнаружения) всего комплекса разнообразных следов, позволяющих обеспечить эффективность расследования киберпреступления.

Так, например, обнаружение аудио-, видео- или фотоизображений является важным действием формирования доказательственной совокупности. В криминалистической структуре киберпреступления элементом материальной обстановки места его совершения могут служить электронные приборы с функцией памяти (телефонные аппараты, смартфоны, планшеты и иные), обладающие свойством сохранять в электронной памяти вводимую владельцем информацию личного характера, а также сведения об обстоятельствах их эксплуатации. По своим сущностным характеристикам данная информация аналогична сведениям, которые обрабатывается компьютерами, она недоступна для непосредственного восприятия без специального аппаратного и программного обеспечения, легко изменяется, передается по сетям связи. При осмотре места происшествия можно обнаружить объекты, содержащие уголовно релевантные записи, созданные различными электронными цифровыми средствами, к которым относятся цифровые регистраторы речи и камеры видеонаблюдения (том числе различные web-камеры), а также мобильные телефоны, системы IP- и Интернет-телефонии и иные средства пакетной передачи оцифрованной речи. Изображения, зафиксированные камерой видеонаблюдения, дают объективную информацию о внешности преступника и требуют применение необходимого компьютерного оборудования для ее просмотра и фиксации. Комплекс технических средств управления информационными ресурсами представляет собой электрические, электронные, электромеханические технические средства, используемые для хранения, обработки, передачи информации, в состав которых входят компьютеры и их периферия, а также средства и каналы связи [4, с.157].

Представляется, что предложенные криминалистические технологии работы со следами киберпреступлений будут способствовать получению качественно более полной и содержательной информации о преступнике, механизме совершения противоправного деяния и достижению целей и задач данной деятельности в каждом конкретном случае.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.

2. Maras, Marie-Helen. Cybercriminology. Oxford University Press, USA, 2016. – 448 p.

3. Степаненко, Д.А. Цифровая реальность и криминалистика / Д.А. Степаненко, В.В. Коломинов // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 3 (17). – С. 38–43.

4. Дмитриева, Т.Ф. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: монография / Т.Ф. Дмитриева; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова», 2016. – 307 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Д.А. Кавецкий

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, сервисное государство, цифровое право, цифровая экономика, электронное государство, электронное лицо.

В век цифровых технологий существует угроза распространения недостоверной информации. «Потоки недостоверной, а порой и откровенно лживой информации уже давно захлестнули практически все источники массового распространения новостного контента. Дошло до того, что Министерство Иностранных дел России открыло на своем официальном сайте специальный раздел, где представлены публикации, распространяющие недостоверные новости о Российской Федерации» [1, с.12].

Между гражданином и государством должна быть обратная связь. Это одна из задач «электронного государства». «Применительно к электронным технологиям это означает необходимость создания электронной почты, сайтов, страниц в социальных сетях для государственных и муниципальных органов власти и управления с соответствующими возможностями для обратной связи» [2, с.60].

Фейковые новости стали угрозой для интернет-демократии.

Нужно различать такие понятия как «информатизация судов» и «электронное правосудие». В «информатизации судов» компьютерные технологии используются как средства. «В качестве примеров электронного правосудия можно привести такие, как подача исков, регистрация заявлений, представление отзывов на иски в электронном виде, электронное судебное дело, движение этого дела из суда в суд в электронной форме, заседания с помощью видео-конференций и.д.» [3, с.145-146].

Кто должен нести юридическую ответственность при передаче медицинской диагностики искусственному интеллекту – если произошла ошибка в постановке диагноза? Если диагноз будет ставить робот? В данном случае

робота лучше рассматривать как помощника врача. Робот ставит диагноз, а врач принимает к сведению диагноз робота.

Возникновение «электронного голосования» на выборах («интернет-голосования») несут риски неправильного подсчета голосов из-за технической ошибки системы. Также мошенники, которые обладают определенными знаниями в области информационных технологий могут существенно повлиять на результат выборов – чтобы на выборах одержал победу нужный им кандидат. Для становления электронной демократии должны быть созданы определенные условия. «Поэтому развитие электронной демократии немыслимо без соответствующих реформ в общественной и государственной сферах, направленных как на повышение как правовой, демократической и информационной культуры граждан, должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления и иных участников демократических процессов, так и на создание необходимой правовой, управленческой, технической, технологической и информационной инфраструктуры для полноценной реализации системы электронной демократии и электронного голосования» [4, с.46].

Также возникает соотношение понятий «электронное государство» и «сервисное государство». Сервисное государство – процесс предоставления социальных услуг. Эти понятия сближаются, но все-таки не являются идентичными. «Сервисная идея развития государственной системы основывается на классической экономической схеме: «производитель услуг-потребитель» [5, с.13].

Тип электронного государства сложился, например, в США, Канаде, Японии. «Вместе с тем, как показывает опыт существования электронного государства, оно хорошо выполняет «представительские», имиджевые, инвестиционные и иные функции, но зачастую оказывается не в состоянии обеспечивать безопасность граждан на должном уровне, в частности противостоять международным угрозам терроризма, радикализма, экстремизма» [6, с. 19–20].

Три базовых направления цифровизации: стратегия, технологии и процессы, кадры и образование. «В результате, опираясь на российские и европейские подходы к рассмотрению процессов трансформации государственного управления можно выделить три базовых направления правового обеспечения цифровизации, определяющих эффективность достижения намеченных целей: стратегия, технологии и процессы, кадры и образование [7, с.96].

«Искусственный интеллект – это новое явление, которое по ряду позиций недостаточно изучено. Искусственный интеллект отличается от обычных компьютерных алгоритмов тем, что он способен обучать себя на основе накопленного опыта. Эта уникальная функция позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. Поэтому в большинстве случаев эффективность и потенциал искусственного интеллекта довольно неясны [8, с.94].

«В настоящее время менеджеральный подход трансформировался в концепцию сервисного государства, которое конкретизирует электронное управление применительно к целевым задачам и функциям государственных институтов, связывая его с созданием интегрированных многоуровневых информационных систем, обеспечивающих межведомственное взаимодействие и информационную коммуникацию граждан (организаций) и государства» [9, с.15].

В 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся большой Международный юридический форум, на котором был представлен робот, запрограммированный для отправления правосудия. Робот-судья будет лишь выполнять правовой алгоритм действий согласно его программе, написанной программистом. Здесь возникает риск – роботы будут зависимы от заказчиков и разработчиков программ. «Неспособен робот делать оценку юридической ситуации, за него это сделает обслуживающий машину программист, ангажированный в свою очередь кем-то из-за кулис» [10, с. 28]. Казалось появление банковских платежных карт – это благо для общества и государства. С помощью интернет-банкинга можно оплачивать всевозможные услуги (интернет, мобильную связь, коммунальные услуги, телевидение, оплата за обучение), а в интернет-магазинах покупать необходимые товары. Никто не задумывался о возможных рисках этого процесса для держателей банковских карт- клиентов банков. «Банки замучились уведомлять своих клиентов о всё новых и новых способах взлома банковских карт и электронных счетов» [10, с.30].

Предлагается для повышения безопасности расчетов— внедрять под кожу человека микрочипы с определенной банковской информацией. Доступ к которой будет невозможно получить посторонним лицам. Таким образом, можно будет рассчитывать не банковской картой, а чипом, вживленным под кожу человека. Возможная угроза для общества – чрезмерный контроль со стороны государственных органов. Сейчас на данном этапе развития общества лучше делать идентификацию личности по индивидуальным для каждого члена общества параметрам. Например, по радужной оболочке глаза. Прибор сканирует радужную оболочку глаза человека, а потом подключается к компьютерной программе. Это компьютерная программа ищет соответствие параметров данного человека с параметрами других людей, которые содержатся в этой системе. «Лучшей идентификационной карточки, чем та, которую можно поместить под кожу не существует», – заявляет один из «прогнозистов» развития человеческого общества Ян Пирсон [10, с.43].

«Правительству Российской Федерации зарубежные партнеры рекомендовали завершить поголовное присвоение «личных кодов» — отменить старые паспорта и совершить по возможности к электронным удостоверениям личности и электронным деньгам [10, с.35]. В Российской Федерации возникло новое понятие – «цифровое право». Предлагается, чтобы у каждого гражданина были цифровые права. «Так, М.А. Егорова и В.С. Белых

определяет цифровое право как систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий» [10, с.108]. Для перехода к цифровому обществу необходимо пройти ряд исторических этапов: цифровая экономика, затем цифровое управление. Цифровое управление перейдет к цифровому государству, а то в свою очередь – к цифровому обществу.

В научной среде предлагают такие понятия: «искусственный интеллект», «робот», «электронное лицо». Могут возникнуть негативные правовые последствия при использовании искусственного интеллекта в различных отраслях жизнедеятельности человека. Кто будет нести юридическую ответственность за действия робота? Разработчик программы робота, предприятие, которое изготовило этого робота, собственник робота, сам робот? Тут надо разграничить роботов на простых и сложных. На роботов простых, не способных к самообучению. И на роботов с искусственным интеллектом способных к обучению и самообучению. Простой робот функционирует по алгоритму, написанному программистом на протяжении всего периода эксплуатации. Это определенный фиксированный набор операций, который выполняется роботом. Эти алгоритмы действий с течением времени могут пополняться только с обновлением программного обеспечения робота, а не с развитием самого робота. Следовательно, юридическую ответственность должен нести собственник робота. Сложный робот (робот с искусственным интеллектом) с течением времени способен к обучению и самообучению, мышлению, автономности и самоорганизации. В этом случае юридическую ответственность должен нести сам робот. Электронное лицо, обладающее интеллектом, в зависимости от ситуации, может выбирать вариант решения поставленной задачи согласно внутреннему убеждению. Первоначально у робота заложен алгоритм действий, написанный программистом, но затем в процессе самообучения его алгоритм дополнялся самим искусственным интеллектом. В данной ситуации может возникнуть проблема – робот ошибочно оценил ситуацию. И выбрал неправильный алгоритм действий при решении проблемы, что может привести к гибели людей. «В качестве примера можно привести дорожно-транспортное происшествие в США в результате неправильной оценки ситуации автопилотом Tesla, когда произошло столкновение автомобиля с фурой и погиб водитель, не успевший взять управление на себя» [10, с.131].

Тут возникает проблема – в чем будет заключаться юридическая ответственность робота: в лишении свободы, в уничтожении робота. У робота отсутствуют эмоции, воля. Следовательно, робот будет не знать таких понятий как милосердие, сострадание, любовь, сознание, подсознание, сопереживание, чувство страха. Робот – это лишь подобие человека по одному

критерию: принципу работы нейронных сетей и человеческого мозга. Также возможно применение искусственного интеллекта в работе судебной системы. Робот может выполнять определенные функции судьи – быть своеобразным помощником судьи. Решение остается за судьей, а не за роботом. Робот может разрабатывать проекты решений на основе юридических претендентов по схожим делам. Судья может принять этот проект решения к сведению.

Также существуют риски цифровизации государственного управления. Есть риск, что шаблонная стандартизированная работа будет заменена роботом, выполняющим однотипный набор функций. Если работа не носит креативный, уникальный характер – то, скорее всего, будет заменена роботом. С помощью интернет-технологий расширяется количество услуг, которые можно выполнить, не выходя из дома. С каждым годом наблюдается рост интернет-мошенничества. Таким образом, необходимо увеличивать финансирование кибербезопасности.

Список использованных источников:

1. Акопов, Г.Л. Развитие электронной демократии в современном социуме / Г.Л. Акопов // Вестник РМАТ. – 2018. – №3. – С. 11–15.
2. Алдошенко, Е.В. Электронное правительство как этап становления электронной демократии / Е.В. Алдошенко // Социум и власть. – 2014. – №2. – С. 57–61.
3. Аносов, А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации / А.В.Аносов // Право и государство: теория и практика. – 2016. – №5. – С. 142–147.
4. Антонов, Я.В. Конституционность электронного голосования в системе электронной демократии / Я.В.Антонов // Управленческое консультирование. – 2014. – №9. – С. 39–47.
5. Васильева, Е.Г. Современные интерпретации концепции электронного государства (электронного правительства) / Е.Г.Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 5, Юриспруденция. – 2016. – №1. – С. 9–16.
6. Карнаушенко, Л.В. Электронное государство в России: проблемы и перспективы / Л.В. Карнаушенко // Юрист-Правовед. – 2018. – №1. – С. 17–21.
7. Козлов, С.Д. Внедрение цифровых технологий в деятельности органов власти РФ в 2017-2020 годах: проблемы и подходы к решению / С.Д.Козлов // Вестник института мировых цивилизаций. – 2020. – Том 11. – №1. – С. 95–101.
8. Понкин, И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В.Понкин // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – №1. – С. 91–109.

9. Технология электронного государства (правительства): социально-правовое обеспечение эффективной реализации: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2017. – 127 с.

10. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под. ред. А.А. Васильева. – Барнаул: Издательство Алт. ун-та, 2020. – 432 с.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МЕДИАЦИИ ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ О НАРУШЕНИИ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В.В. Козловская

Ключевые слова: промышленная собственность, сеть Интернет, медиация, внесудебное урегулирование споров.

Развитие общественных отношений и правоприменительной практики в области урегулирования споров о нарушении прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть), вызывает необходимость искать новые формы взаимодействия сторон подобных юридических конфликтов. По нашему мнению, в ближайшем будущем в сфере разрешения таких споров обязательно должен найти применение институт медиации.

В Республике Беларусь все споры о незаконном использовании объектов промышленной собственности в Сети подсудны исключительно судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Коллегия, Коллегия по делам интеллектуальной собственности). Соблюдение претензионного порядка урегулирования таких споров или проведение медиации не являются обязательными условиями для реализации права на обращение в Коллегию.

С одной стороны, отсутствие такого требования должно сказываться положительно на интересах правообладателя объекта промышленной собственности, поскольку в таком случае ему не нужно откладывать обращение в суд и тратить время на досудебное урегулирование спора. Однако, с другой стороны, среди практикующих юристов общепринятым считается мнение, согласно которому именно на стадии досудебного урегулирования можно достичь наиболее выгодного для обоих участников конфликта соглашения, исключая судебные и прочие расходы.

Как известно, Коллегия по делам интеллектуальной собственности располагается в г. Минске. Помимо транспортных издержек обращение за судебной защитой связано с необходимостью оплаты государственной

пошлины за подачу иска и, возможно, помощи представителя. Размер государственной пошлины, взимаемой за рассмотрение Коллегией исковых заявлений значителен. Указанные обстоятельства делают судебный порядок защиты дорогостоящим и попросту недоступным для части лиц, чьи права на объекты промышленной собственности нарушаются в Сети.

Полагаем, решением проблемы может стать более активное использование сторонами спора возможностей, предусмотренных законодательством: например, путем предъявления претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо проведения медиации по выбору сторон до обращения в Коллегию с иском.

Так, ч. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) гласит: «Законодательством или договором (если это не противоречит законодательству) может быть предусмотрено урегулирование спора между сторонами до обращения в суд. До обращения в суд с иском по спорам между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями обязательными являются предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо применение медиации, если иное не установлено настоящим Кодексом, иными законодательными актами или договором. Порядок предъявления претензии, а также порядок применения и проведения медиации устанавливаются законодательством и (или) договором» [1].

Иными словами, соблюдать обязательный досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений на данный момент необходимо только в том случае, если спор возник между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями. Для всех иных субъектов существует не обязанность, а возможность заключить договор (соглашение) об урегулировании спора до обращения в суд. В ГК нет запрета в том числе и на применение в таких случаях медиации.

По спорам, возникающим в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, имущественные требования зачастую бывают настолько велики, насколько и неосуществимы ожидания истцов. Полагаем, что наличие упомянутой юридической возможности создает условия для расширения использования института медиации для урегулирования данной категории споров.

Кроме того, такая возможность предусмотрена и ст. 39¹ Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь: «Спор, возникший из гражданских, семейных, трудовых, других правоотношений и подведомственный суду, по письменному соглашению сторон до удаления суда в совещательную комнату для вынесения судебного постановления по существу спора может быть передан для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов)» [2].

Основная роль досудебного урегулирования спора заключается в предоставлении сторонам возможности самостоятельно разрешить

спорную ситуацию, не доводя ее до судебного разбирательства, что позволяет оперативно урегулировать разногласия и свести к минимуму судебные расходы. Расширение применения института медиации при урегулировании споров, возникающих в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, позволит более быстро и взаимовыгодно разрешать конфликты подобного рода, причем по более широкому кругу вопросов, чем это может быть предусмотрено исковыми требованиями. Преимущество медиации в данном случае видится также и в том, что стороны в последующем не обязаны возвращаться в суд для проведения процессуальных действий по прекращению производства по делу.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2021 г. № 95-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Беларусь, 11 января 1999 г. № 238-З: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Республики 18 дек. 1998 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 104-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ АНТИПЛАГИАТ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Н.В. Мороз, З.В. Смолякова

Ключевые слова: система антиплагиат, заимствование, цитирование, авторское право, текст, оригинальность.

С появлением и повсеместным распространением Всемирной Сети Интернет тема плагиата стоит особенно остро в современной научной сфере. Для разрешения вопросов об авторском праве было разработано специализированное программное обеспечение, суть которого заключается в полноценном исследовании текстовых работ на наличие различных форм заимствования и плагиата из иных источников информации, имеющих в свободном доступе. На данный момент такое программное обеспечение используется повсеместно и к сегодняшнему дню оно собрало достаточное количество как сторонников, так и скептиков.

Что же такое «антиплагиат»? По мнению Стрелковой И.Б., изложенном в ее работе «Проблема некорректных заимствований в образовании и науке» система «антиплагиат» рассматривается как инструмент оценки и оригинальности научных работ [1, с. 15]. В широком смысле антиплагиат – это специализированная поисковая система для обнаружения текстовых заимствований и оценки их корректности.

Несмотря на то, что программное обеспечение данного типа популярно уже давно, оно все так же имеет свои существенные недоработки, зачастую мешающие корректной оценке текста.

Стоит отметить, что еще задолго до появления подобного рода программ, направленных на распознавание заимствований и плагиата, известный советский психолог Лурия А.Р. утверждал, что «науки без повторов не бывает» [1, с. 16], и в этом с ним нельзя не согласиться. Крайне сложно создать нечто абсолютно новое в научной сфере, не опираясь на труды более опытных и известных деятелей науки.

Интересно и то, что зачастую подобное программное обеспечение называется плагиатом или заимствованием цитаты из работ, что числятся за автором проверяемого в системе текста. Важен тот факт, что автор не может доказать программе свое авторство при самоцитировании, из-за чего процент оригинальности безосновательно понижается, уменьшая шансы работы на публикацию.

Однако, для того, чтоб говорить о заимствованиях и плагиате стоит определиться со значением этих слов.

Заимствование – использование научного или любого другого текста в работе с указанием источника. Плагиат же – использование текста, однако, без указания авторства и, как таковое, присвоение его себе, что является нарушением авторского права.

Так, Шахрай С.М. и другие авторы разработали концепцию, дающую нам понимание разновидностей заимствования в науке. В своей работе к таковым они относят:

- правомерные корректные заимствования;
- правомерные некорректные заимствования;
- неправомерные некорректные заимствования [2, с. 77].

На наш взгляд, данная классификация имеет весьма серьезное значение для исследуемой темы. Несмотря на то, что «правомерные корректные заимствования» являются допустимой формой заимствования, они все равно понижают процент оригинальности работы, что по уменьшает рейтинг работы и, зачастую, может являться причиной отказа в публикации.

Например, рассматривая написание диссертации в научной области юриспруденции в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, в диссертации соискатель ученой степени обязан давать ссылки с указанием авторов и источников, включая диссертации, материалы которых он использует.

Ссылки приводятся также на собственные публикации, в которых содержатся материалы, излагаемые в диссертации [3].

Однако, учитывая это, при использовании ссылки на источник, вставленная цитата хоть и становится правомерным корректным заимствованием, но отнимает некоторое количество процентов оригинальности. Интересно отметить, что цитирования из речей различных политических деятелей, используемые в статьях и иных публикациях, также определяется системой как ничто иное, как плагиат [4, с. 18].

Более того, само наименование источника, указанное в списках использованных источников, способно уменьшить уровень оригинальности.

Для науки в юриспруденции это - крайне серьезная проблема, так как возможными не представляются написание и публикация работ, в которых не будет ссылок на те или иные нормативные правовые акты, нормы законодательства, кодексы и иные, представляющие ценность элементы, необходимые к размещению в тексте не с целью присвоения авторства, а с целью осведомления читателя, на основе чего выдвинуто то или иное предположение, гипотеза, утверждение. Зачастую именно эта информация является основополагающей.

В завершении хотелось бы отметить, что на данном этапе, несмотря на свою неоспоримую полезность и необходимость для предотвращения и предупреждения правонарушений, связанных с присвоением интеллектуальной собственности в научной сфере, система «антиплагиат» все еще имеет ряд значительных недоработок, что ощутимо усложняет процедуру публикаций действительно качественных и проработанных работ, имеющих под собой сильную самостоятельную базу, на основе которой проводился анализ для последующего выявления пунктов, необходимых для исследования выбранной темы.

Подобные недоработки оказывают существенное влияние на научную сферу в области юриспруденции, заставляя авторов искать способы «обхода» системы для сохранения необходимых цитирований в тексте без понижения процента оригинальности. Здесь, на наш взгляд, говоря о попытках поднятия оригинальности работы всеми доступными способами, как нигде иначе, подходит высказывание «когда показатель становится целью, он перестаёт быть хорошим показателем».

Список использованных источников:

1. Стрелкова, И.Б. Проблема некорректных заимствований в образовании и науке / И.Б. Стрелкова // материалы к вебинару «Система «Антиплагиат» как инструмент оценки и оригинальности научных работ»; М-во образования Респ. Беларусь, БГПУ им. М. Танка, 22 марта 2018. – Минск, 2018. – С. 15–17.

2. Шахрай, С.М., Аристер, Н.И., Тедеев, А.А. О плагиате в произведениях науки (диссертациях на соискание ученой степени) / под ред. С.М. Шахрая. – М.: МИИ, 2014. – 176 с.

3. Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004 г., № 560: в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013, № 560 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2021.

4. Никодимов, И.Ю. Актуальные проблемы информационного права / И.Ю. Никодимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Образование и педагогические науки. – 2016. – № 1 (763) – С. 18–20.

СОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Д.Н. Николичев, Д.И. Коршок

Ключевые слова: авторское право, музыкальное произведение, цифровые технологии, защита авторских прав, охрана авторских прав.

Авторское право является непосредственным объектом защиты. Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» определяет автора как «физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение» [1].

К авторам музыкальных произведений следует отнести:

- автора основного внешнего выражения результата творческой деятельности;
- автора аранжировок;
- автора текста [1].

Первоначально автор приравнивается к правообладателю, однако ввиду гражданско-правовых отношений, связанных с заключением договора исключительные права могут принадлежать другим, в результате чего автор утрачивает право на распоряжение произведением, однако по-прежнему остается автором.

В настоящее время особую значимость приобретает проблема защиты Авторского права в сети Интернет. Ввиду того, что объекты интеллектуальной собственности находятся в широком доступе, нарушения в сфере их использования стали учащаться. Это проявляется в использовании данных объектов права без соответствующих выплат правообладателю.

Защита гражданских прав данной категории осуществляются путем:

- признания права;
- пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- возмещения убытков;
- обязательной публикации о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право [2].

Однако, учитывая специфику объекта правоотношений, защита может иметь свои особенности. Авторское право нарушается в сети Интернет чаще, чем какие-либо иные. Это обусловлено всеобщим интересом к музыкальным произведениям, а также тем, что сеть Интернет представляет собой огромное поле деятельности для нарушителей, которых, ввиду удаленного доступа, проблематично отследить и, как следствие, призвать к ответственности [3].

При осуществлении защиты авторских прав в сети Интернет неизбежно столкновение с несколькими проблемами:

- неурегулированность правоотношений в данной сфере;
- отсутствие регулирования оборота.

Неурегулированность в данной сфере может разрешить внесение изменений либо создание отдельного проекта закона, для стабилизации отношений.

Для решения второй проблемы уже приняты некоторые действия. Музыкальные интернет-площадки регулируют вопрос авторства посредством заключения пользовательских соглашений, в которых содержится информация о юридической защите сервиса.

Пользовательские соглашения включают в себя:

- условия пользования сервисом;
- права и обязанности сторон;
- ответственность сторон.

Однако платформы, которые не регулируют внутреннее распространение музыкальных произведений до сих пор существуют [4].

Самым распространенным методом защиты прав авторов на музыкальные произведения является ограничение пользования музыкальными произведениями. Автор или правообладатель имеет право также ограничить доступ к своему музыкальному произведению, в т.ч. к предварительному прослушиванию. Также крупные интернет-площадки содержат раздел «Авторское право», перейдя по которому существует возможность заявить о незаконном распространении своего музыкального произведения.

Учитывая специфику гражданских правоотношений, можно утверждать, что защита своих прав в большей степени зависит от правообладателя. Для того, чтобы избежать проблемных ситуаций необходимо предусматривать возможные риски, что простимулирует защиту своих прав.

Под охраной авторских прав В. Л. Михайликов понимает «установление всей системы правовых норм, направленных на соблюдение прав авторов и их правопреемников» [5, с. 136].

Анализируя работу Е.В. Алисовой, можно выделить ключевые подходы к решению вопросов, связанных с охраной авторских прав:

- охрана прав в интернете не имеет смысла;
- охрана прав в интернете невозможна путем разрешения споров устаревшим законодательством.

при создании отдельной структуры по разрешению проблем в данной области возможно следующие противоречия:

- дополнительное непредвиденное финансирование новой структуры, которая потребует значительных затрат средств из бюджета;
- необходимо дополнительное обучение или переподготовка кадров для работы в данной сфере.

Е.В. Алисова утверждает «Охрану авторских прав в сети Интернет можно осуществить традиционными способами посредством изменения текущего законодательства» [6, с. 16].

В результате развития общества и технологий стали появляться новые способы охраны музыкальных произведений от несанкционированного использования и плагиата:

- цифровой отпечаток, который при создании баз данных может быть помещен в них и является неопровержимым доказательством авторства.
- водяные знаки, встраиваемые непосредственно в произведения в целях его защиты от копирования
- идентификационные метки, которые при обнаружении специальными средствами позволяют определить автора.

В связи с глобальной информатизацией общества и развитием технологий, в частности сети Интернет, появилась необходимость в обновлении существующего законодательства. Интернет-площадки, которые осуществляют распространение музыкальных произведений обязуются предоставить правообладателем всевозможные способы защиты их авторских прав.

Список использованных источников:

1. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 мая. 2011 г. № 262-З: с изм. и доп. от 15 июня 2019 г. № 216-З.// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г. № 218-З: принят Палатой представителей 18 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 29.08.2020 №277-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Алисова, Е.В. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet / Е.В. Алисова // Наука, образование и культура. – 2016. №7 – С. 12–6.

4. Казанцев, С.Я. Авторские права и их защита в сети Интернет / С.Я. Казанцев, О. Э. Згадзай // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 57–62.

5. Михайликов, В. Л. Формы защиты авторских прав / В.Л. Михайликов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. – №2. – С. 136–137.

6. Алисова, Е.В. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet / Е.В. Алисова // Наука, образование и культура. – 2016. – №7 – С. 12 – 6.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К.В. Санковский, С.М. Алексеенко

Ключевые слова: Интернет, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, преступления в сфере информационной безопасности.

В эпоху цифровизации система социального взаимодействия основана на использовании интернета. Интернет делает более доступными общение и коммуникацию, способствует развитию самых разных сфер деятельности человека. Однако данное информационное пространство стало также полем для преступных деяний. В XXI в. человечество впервые столкнулось с новым, ранее неизвестным видом преступности - киберпреступностью. Киберпреступность основывается на взломе интернет-страниц, распространении вредоносных программ и противоправной информации людьми, осуществляющими преступную деятельность в виртуальном пространстве с помощью информационных технологий. Немаловажную роль для осуществления подобного рода противозаконной деятельности играет компьютер. Он является техническим средством, инструментом, позволяющим злоумышленникам не только похищать информацию, уничтожать или повреждать её, но и размещать вредоносные сайты, на которых содержатся компьютерные вирусы [1; 96].

Данный вид преступления, как, впрочем, и все другие, таит в себе угрозу информационной безопасности общества. Помимо кражи денежных средств с банковских карт киберпреступники научились похищать персональные данные человека, что может нанести непоправимый урон его репутации в случае опубликования этой информации в сети. Киберпреступность является проблемой не только каждого отдельного взятого интернет-пользователя, - её следует рассматривать в более широком, социальном и даже международном ключе. От роста киберпреступности страдают не только

физические, но и юридические лица; жертвами хакерских атак в нашей современности становятся целые страны, государства.

Целью данной работы является всестороннее исследование борьбы с киберпреступлениями в Республике Беларусь и зарубежных странах.

Основу методологии познания составили как общенаучные, так и частно-научные методы.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее УК) содержит в себе раздел «Преступления против информационной безопасности» [2]. Однако, преступления, совершаемые посредством компьютера, находят своё отражение в статьях других разделов. Например, хищение путём использования компьютерной техники (ст. 212 УК) или причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК).

В уголовном кодексе Российской Федерации глава 28 (преступления в сфере компьютерной информации) содержит следующие статьи:

- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272);
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273);
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274);
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1) [3].

В законодательстве Германии, к преступлениям в сфере компьютерной информации относятся:

- действия лиц, неправомерно приобретающих для себя или иного лица непосредственно не воспринимаемые сведения, которые могут быть воспроизведены или переданы электронным, магнитным или иным способом (§ 202a);
- нарушение тайны телекоммуникационной связи (§ 206);
- действия лиц, учиняющих подделку или использующих поддельные технические записи, под которыми, в числе иного, понимаются данные, полностью или частично регистрируемые автоматическими устройствами (§ 268);
- аналогичная подделка данных, имеющих доказательственное значение (§ 269);
- действия лиц, уничтожающих, изменяющих или утаивающих технические записи (§ 274);
- действия лиц, противоправно аннулирующих, уничтожающих, приводящих в негодность или изменяющих данные (§ 303a);
- действия лиц, нарушающих обработку данных путём разрушения, повреждения, приведения в негодность установки для обработки данных или носителей информации (§ 303b);
- незаконное вмешательство в деятельность телекоммуникационных установок (§ 317) [4].

Законодательство Германии устанавливает уголовную ответственность за мошенничество в сфере интернет, под которым понимается умышленное деяние с намерением получить для себя или третьих лиц имущественную выгоду, заключающееся в причинении вреда чужому имуществу путём воздействия на результат обработки данных путём неправильного создания программ, использования неправильных или данных, неправомерного использования данных или иного воздействия на результат обработки данных (§ 263a) [4].

Правовая система Люксембурга предусматривает ответственность за неправомерный доступ к системе или части системы обработки данных и незаконное пребывание в такой системе. Законодательство запрещает преднамеренное затруднение или изменение функционирования системы автоматической обработки данных [5]. Таким образом, основной целью законодательства Люксембурга в вопросе киберпреступности является охрана целостности и качества данных.

В законодательстве данного государства также предусмотрено, что лицо, умышленно и без надлежащих полномочий вводящее данные в электронную систему их обработки, удаляющее или изменяющее данные, находящиеся в этой системе, изменяющее действие системы или способ передачи данных, подлежит уголовной ответственности. Любое вмешательство в телекоммуникации является преступлением, за которое лицо может быть подвергнуто штрафу или заключению от 1 месяца до 3 лет [5].

В современном мире киберпреступность представляет собой серьёзную угрозу обществу и его информационной безопасности. Киберпреступность порождает комплекс социальных проблем, которые требуют незамедлительного реагирования и эффективного разрешения. С совершенствованием информационных технологий совершенствуется и киберпреступность, находящая проявление во многих сферах жизни и деятельности человека и общества в целом. Защита от данного вида преступлений предполагает корреляцию усилий на уровне международного сотрудничества и взаимодействия: совершенствование технологий, содействующих выявлению киберпреступлений; развитие ресурсов искусственного интеллекта и их последовательное внедрение в сферу расследования киберпреступлений; ужесточение ответственности за совершение киберпреступлений.

Список использованных источников:

1. Тимофеев, А.В., Комолов, А.А. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования. А.В.Тимофеев [и др.] // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – №1. – 2021. – С. 95–101.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., №275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь

от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 января 2021 г., №91-3: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одоб. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – 2021.

4. Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 [Elektronische ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.legislation-line.org/download/id/8253/file/Germany_CC%20am2019_de.pdf. Access-datum: 02.11.2021.

5. Code pénal du 1er novembre 2018 [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://www.legislationline.org/download/id/8273/file/Luxembourg_Criminal_Code_am2018_fr.pdf. Date d'accès: 02.11.2021.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОРУЖИЯ

Т.В. Сафонова, А.В. Будько

Ключевые слова: информационное оружие, информационная война, информационное противоборство, международное информационное право.

Информационное оружие представляет собой технические, программные и психологические приемы и способы информационного воздействия на противника, применяемые в условиях информационного противоборства (информационной войны).

Информационная война – война нового типа, объектом которой являются объекты информатизации, включая интернет-ресурсы, информационные системы, сети и сознание людей [1, с.134].

В соответствии с Соглашением, заключенным между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 25 декабря 2013 года, информационная война представляет собой противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве в целях нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим объектам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а

также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны [2]

В этом же международном соглашении содержится понятие информационного оружия, под которым понимаются информационные технологии, средства и методы, применяемые в целях ведения информационной войны.

Полагаем, целесообразно выделять информационно-техническое, информационно-программное и информационно-психологическое оружие.

К информационно-техническому оружию относятся средства радиоэлектронной борьбы, источники мощного электро-магнитного излучения, средства силового радиоэлектронного подавления, сверхмощные генераторы СВЧ-излучения и др.

К информационно-программному оружию можно отнести программные средства вывода из строя оборудования, преодоления систем защиты; сбора данных, циркулирующих в информационных системах противника; несанкционированного доступа; модификации компьютерной информации и программного обеспечения; уничтожения, блокирования, приведения в непригодное состояние компьютерной информации или программы, либо средства вывода из строя компьютерного оборудования, разрушения компьютерной системы, сети или машинного носителя и иные программные средства, эффективно решающие задачи информационной войны.

К информационно-психологическому оружию относят средства воздействия на сознание и подсознание людей: дезинформация посредством СМИ, социальных сетей, интернет-ресурсов, использование наркотических веществ, галлюциногенов, антидепрессантов и иных специально структурированных препаратов, средств виртуальной реальности, психотехник, нейролингвистического программирования, использование скрытых вставок, воздействующих на сознание и подсознание людей и многое другое [1].

В процессе применения информационного оружия становится не важным, как человек при этом относится к тому, что он видит и слышит; важно, чтобы он был постоянным пользователем, включенным потребителем информации, поскольку в этом случае на него можно целенаправленно и устойчиво воздействовать ежедневно и ежечасно.

Отличия информационного оружия от традиционных видов оружия заключаются в следующем:

- универсальность (применяется независимо от места, времени);
- латентность (позволяет вести наступательные действия скрытно, анонимно, без объявления войны);
- многочисленность форм реализации (легко маскируется под различные виды законной деятельности: обучающие и развивающие программы, семинары и тренинги и др.; аудиовизуальную продукцию: компьютерные игры, видеофильмы, мультфильмы, музыкальные композиции, печатные издания, реклама и др.);

- радикальность воздействия (коренным образом воздействует на информационные и компьютерные системы и сети, сознание и подсознание личности; ведет к коренным преобразованиям в обществе и государстве);
- экономичность (небольшие ресурсные вложения – чрезвычайно опасные последствия).

Следует отметить, что темпы совершенствования информационного оружия превышают темпы развития технологий и средств защиты. В связи с этим, задача нейтрализации угроз применения информационного оружия минимизации последствий его применения, должна рассматриваться как одна из приоритетных задач в сфере обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь и приоритетное направление в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь в целом.

Информационное оружие сопоставимо с оружием массового поражения, которое направленно не столько на объекты информатизации, сколько на сознание людей, поражает его, разрушает способы и формы идентификации личности, создает личность с заранее заданными параметрами.

Республика Беларусь принимает необходимые меры для защиты своих граждан от деструктивного информационного воздействия, своей культуры, истории, традиций и духовных ценностей от уничтожения.

В настоящее время не существует международно-правовых и конституционно-правовых основ, запрещающих разработку и использование информационного оружия, однако Республика Беларусь и Российская Федерация, должны выступить инициаторами заключения разумных соглашений, опирающихся на принципы международного права.

Понятие информационной войны и информационного оружия должны найти законодательное закрепление на уровне национального законодательства.

Список использованных источников:

1. Информационное право: интерактивный курс лекций / Т.В. Сафонова. – 2-е изд. – Витебск: Издательство ВГУ им. П.М.Машерова, 2021. – 152 с.
2. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.Г. Стаценко

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационная безопасность, преступления против компьютерной безопасности.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показывает, что многие страны в том или ином виде криминализировали, в последние годы, деяния, нарушающие информационную безопасность, при совершении которых средства компьютерной техники выступают как орудия совершения преступления либо как предмет преступного посягательства. И, хотя признаки составов этих преступлений в УК разных государств описаны по-разному, смысл заключается в запрете несанкционированного доступа к компьютерной информации или компьютерному оборудованию. Указанный запрет, независимо от степени описания объективных и субъективных признаков, призван охранять безопасность использования компьютерной информации.

Необходимость указанной криминализации деяний в сфере защиты информационно-коммуникационных технологий, также как постоянного совершенствования законодательства, связаны, прежде всего, с о значительным ухудшением криминогенной ситуации во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь, определяемой увеличением числа преступлений, объединяемых общим понятием «киберпреступность».

Официальная криминальная статистика последних лет свидетельствует о том, что преступления против компьютерной безопасности увеличиваются темпами, значительно опережающими динамику других видов преступного поведения. Так, если в 2018 году в Республике Беларусь было зарегистрировано 4741 преступление с использованием компьютерной техники, то в 2020 году - 25.561, т.е. увеличение составило более чем 5 раз. Удельный вес киберпреступлений в общем числе регистрируемых преступлений составляет более четверти всех преступлений 2020 года. 92% от всех рассматриваемых преступлений - хищения с использованием компьютерной техники [1].

В 2021 году динамика преступлений против компьютерной безопасности сохраняется. Как полагают специалисты, если не принять меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере ИКТ, число киберпреступлений к 2025 году может увеличиться до 100 тысяч в год [2].

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь показывает, что понятие «преступления против информационной безопасности» включает в себя следующие группы преступлений:

- преступления против информационной безопасности, так или иначе связанные с использованием компьютерной техники: изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст.343УК), в том числе с изображением несовершеннолетнего (3431УК); разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст.130 УК); вымогательство (ст. 208 УК); доведение до самоубийства через распространение каких-либо сведений (ст.145 УК); разглашение врачебной тайны (ст. 178 УК); клевета (ст.188 УК); оскорбление представителя власти (ст.369 УК); незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст.203.1 и 203.2); нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности (ст. 201 УК); распространение ложной информации о товарах и услугах (ст.250 УК); заведомо ложное сообщение об опасности (ст.340 УК); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений (ст. 203 УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК); мошенничество (ст.209 УК); шпионаж (ст. 358 УК); умышленное либо по неосторожности разглашение государственной тайны (ст.373-374 УК); умышленное разглашение служебной тайны (ст.375 УК) и др.

– преступления против компьютерной безопасности (несанкционированный доступ к компьютерной информации, неправомерное завладение компьютерной информацией, разработка, использование либо распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети и др.);

– хищения путем использования средств компьютерной техники (ст. 212УК).

Законом Республики Беларусь, принятым 26 мая 2021 г. № 112-З [3] в статьи УК в сфере уголовно-правовой охраны как информационной безопасности в целом, так и компьютерной безопасности, были внесены значительные изменения.

Отметим наиболее существенные новации, внесенные в УК [4].

Диспозиция ч.1 статьи 208 «Вымогательство» расширена путем внесения дополнения, относящегося к охране компьютерной информации:»1.Требование передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, уничтожения, завладения, блокирования, модификации компьютерной информации, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне (вымогательство)...».

Статья 208 УК снабжена примечанием, определяющим понятие модификации компьютерной информации: «Под модификацией компьютерной информации в настоящей статье, статьях 212, 216, 350 и 354 настоящего Кодекса понимаются противоправное изменение компьютерной информации либо внесение в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации».

Ч. 1 статьи 212 «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации» (прежнее наименование статьи: «Хищение путем использования компьютерной техники») приводится в новой редакции: «1. Хищение имущества путем модификации компьютерной информации» (было: «Хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации»).

Примером такого преступления может быть хищение денежных средств с найденной либо похищенной банковской платежной карточки с использованием банкомата, платежного терминала. Ответственность за деяния, предусмотренные ст.212, наступает с 14-летнего возраста

До недавнего времени уголовный закон не содержал специальных составов об ответственности за действия с персональными данными. Статья 179 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривала лишь ответственность за незаконные соби́рание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Кроме того, ряд статей УК предусматривал ответственность за умышленное разглашение отдельных видов охраняемой законом тайны (ст. 177, 178, 203, 205). Законом от 26 мая 2021 г. № 112-З УК дополнен двумя новыми статьями: 203-1 «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» и 203-2 «Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных». Статьи 203-1 и 203-2 размещены в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статья 179 ранее размещалась в главе о преступлениях против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних).

Глава 31 Раздела 12 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, именовавшая (как и раздел в целом) «Преступления против информационной безопасности» и включавшая в себя 7 статей, была переименована в «Преступления против компьютерной безопасности». Под этим наименованием она включает сегодня 5 видов преступлений, содержащихся в соответствующих статьях, также потерпевших значительные изменения:

ст. 349 УК «Несанкционированный доступ к компьютерной информации как преступление против компьютерной безопасности»;

ст. 350 «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации»;

ст. 352 «Неправомерное завладение компьютерной информацией»;

ст. 354 «Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств»;

ст. 355 «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети».

Статья 351 УК прежней редакции была исключена из УК, понятие «компьютерный саботаж» – исключено.

Статья 353 «Изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети» – исключена из УК. Деяния, предусмотренные ст. 353 – включены в ст. 354 действующего УК.

Принятие Закона от 26 мая 2021 г. № 112-З, дополнившего УК нормами уголовной ответственности за незаконные действия против информационной и компьютерной безопасности, стало важным этапом развития белорусского уголовного законодательства.

В то же время, необходимо отметить, что до сих пор отсутствуют межгосударственные соглашения, которые бы содержали признаваемые участниками этих соглашений единообразные правовые нормы и терминологию. Разнобой правового закрепления составов преступлений с использованием компьютерных технологий в законодательстве различных государств, очевидно требует осуществления унификации правового регулирования в сфере безопасности информационно-коммуникационных технологий на международном уровне.

Список использованных источников:

1. Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за январь–декабрь 2018–2020 г. / Информационный центр МВД Республики Беларусь. – Минск, 2019–2021.

2. СК: число киберпреступлений может вырасти до 100 тыс. в 2025 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/news/22947-kolichestvo-kiberprestupleniy-vyroslo-v-belarusi-v-proshlom-godu-v-2-5-raza/part2/>. – Дата доступа: 30.10.2021

3. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон Республики Беларусь 26 мая 2021 г. № 112-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

П.А. Чупракова

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право и смежные права, объекты интеллектуальной собственности, нарушение авторских прав, плагиат, сеть Интернет, защита прав.

В информационную цифровую эпоху движущей силой экономического роста и развития является, в первую очередь, технологический прогресс. С развитием технологий, как следствие, увеличивается значение интеллектуальной собственности. И этот процесс продолжается: появляются системы дополненной реальности, прикладные продукты, использующие искусственный интеллект и многие другие. Сегодня никого уже не удивить тем, что авторское право является одной из самых конфликтных областей права.

Важной особенностью становления информационного общества является глобальная сеть Интернет (далее – Интернет). В частности, при помощи Интернета и различных социальных сетей почти каждый имеет доступ к любой информации, которая может быть использована для целей создания новых результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, в сети появились возможности использования инструментов программного характера, что позволяет ускорить процесс создания объекта интеллектуальной собственности. Наконец, при помощи Интернет субъекты могут без каких-либо затрат довести свои работы до всеобщего сведения. Кроме того, Интернет меняется каждую минуту и урегулировать его практически невозможно, как следствие возникают сложности в области защиты своей интеллектуальной собственности в сети. Таким образом с правовой точки зрения ситуация, связанная с использованием произведений и объектов смежных прав в Интернет, состоит в урегулировании следующих аспектов: правомерность просмотра файлов, размещенных в интернете другими участниками; правомерность скачивания файлов из интернета на свои персональные устройства; правомерность размещения файлов, содержащих произведения (фонограммы, исполнения) в своем аккаунте; правомерность обмена файлами с другими участниками сети Интернет.

Одной из правовых проблем урегулирования сферы Интернета является вопрос защиты авторских прав, поскольку поведение пользователей в сети нередко затрагивает права авторов и их правопреемников. Мы ежедневно просматриваем веб-страницы, копируем тексты, изображения, скачиваем музыкальные произведения и распространяем их неограниченному кругу лиц, и все это происходит в рамках охраны авторского права. Ввиду чего некоторые авторы полагают, что защита авторских прав в Интернете

с помощью современных компьютерных технологий зависит прежде всего от того, насколько грамотно используются их возможности [1].

Одной из самых распространенных проблем в сети Интернет является плагиат, под которым мы понимаем присвоение лицом, не являющимся автором конкретного произведения, права авторства на это произведение или его часть.

На сегодняшний день в Интернет находят, используют и распространяют информацию, размещают научные исследования, литературы, музыку и иные произведения искусства, что подталкивает правообладателей заранее оповестить пользователей о своих правах, используя символ копирайта [2]. В свою очередь подобного механизма оказывается недостаточно и обладатели уникальных авторских произведений настаивают на законодательной регламентации механизма защиты своих прав.

Рассмотрим основные причины нарушения законодательства об интеллектуальной собственности в Интернет. Так, можно выделить размещение чужих материалов в Интернет и предоставление к ним неограниченного доступа без разрешения самого правообладателя [3]. Специфика данного нарушения заключается в возможности удаления правонарушителем всех доказательств того, что имело место несанкционированное использование произведения.

В качестве следующей причины выступает непосредственно сам плагиат. Существует множество видов нарушений авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Проблема Интернет-пиратства является глобальной и каждая страна в поисках правовых способов борьбы с нарушением авторских прав в сети Интернет. Недобросовестные владельцы сайтов, интернет-магазинов или же страниц в социальных сетях используют фотографии, видео и иные материалы своих конкурентов. Самое массовое распространение пиратство получило именно в последние годы с переходом в цифровую информационную среду электронные документы, книги, статьи копируются, часто изменяются без согласия автора, а иногда их выдают за собственное творчество. В связи с этим следует отметить, что отсутствие на сайте информации об авторе (авторах) произведения не освобождает от ответственности за несанкционированное использование этих произведений, а также за плагиат [3].

Кроме того, создалась определенная потребность в определении правовой характеристики различных интернет-сайтов и иных сложных информационных ресурсов (веб-серверы, веб-страницы, электронный журнал, электронную почту, сетевые новости, веб-чаты, социальные сети, поисковые системы и т.д.). Полагаем допустимым разработку механизма выдачи самим правообладателем разрешений на точные результаты своей интеллектуальной деятельности в конкретных пределах, которые указывает сам правообладатель. Посредством разрешения вышеупомянутых задач будут

защищены и пользователи, и сам правообладатель, имеющий желание довести свои результаты интеллектуальной деятельности до всеобщего сведения.

Учитывая данное положение дел, проведение реформы авторского права обусловливается прежде всего необходимостью приведения законодательных норм в соответствие с современными потребностями общества в области охраны авторских прав. Авторское право в цифровой среде представляет собой самостоятельное направление правового регулирования, которое охватывает общественные отношения в сети Интернет, и при этом оно представляет собой совокупность правовых норм гражданского права, информационного права, конституционного права и международного права. Отметим, что на сегодня ни одно государство не имеет законов, которые в достаточной степени урегулировали правоотношения в сети Интернет.

Таким образом, мы полагаем, что интернет не всегда вписывается в рамки объективной реальности и не всегда подпадает под границы, определенные законодательством об охране прав интеллектуальной собственности. Тем не менее, следует отметить, что многие действия пользователей интернета, которые рассматриваются ими как обычное явление, на самом деле являются нарушениями прав интеллектуальной собственности с формально-юридической точки зрения [4]. Именно поэтому защита авторских прав в сети интернет является одним из актуальных направлений развития правовой системы Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Гайсин, Ф.Ф. Проблема нарушения авторских прав в сети Интернет / Ф.Ф. Гайсин // Вестник Марийского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 50–53.
2. Близнец, И. А. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И. А. Близнеца. – М.: Проспект, 2011. – 416 с.
3. Калятин, В. О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник для вузов / В.О.Калятин. – М.: Норма-инфора-М. – 2011. – С. 153.
4. Лосев, С. С. Использование объектов авторского права и смежных прав в социальных сетях: правовые аспекты [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

П.Г. Шеленговский

Ключевые слова: Интернет, онлайн-образование, онлайн-обучение, дистанционное обучение, программные сервисы.

Данная статья посвящена вопросам преимуществ и перспектив развития онлайн-образования в современной России.

Тема представляется достаточно актуальной, поскольку в последние годы, учитывая глобальное проникновение сети интернет (далее Сеть) в каждую сферу жизнедеятельности общества и каждого человека, сформировалось осознание того, что возможности сети безграничны, а особенно в образовании и саморазвитии.

Особую актуальность в последнее время приобрели вопросы, связанные с эффективностью онлайн-образования, когда в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой возможности оффлайн-образования значительно снизились. Фактически все образовательные учреждения перешли в онлайн-формат.

Целью настоящей статьи является анализ преимуществ и перспектив развития онлайн-образования на территории современной России. Для достижения данной цели в статье решены следующие задачи:

- 1) раскрыта сущность и форматы онлайн-образования;
- 2) рассмотрены преимущества и недостатки онлайн-образования;
- 3) определены перспективы развития онлайн-образования.

Таким образом, объектом данного исследования является образовательный процесс, предметом – развитие образовательного процесса в онлайн-формате.

Еще лет десять назад трудно было себе представить, что в Сети можно будет полноценно освоить профессию. Но мир меняется – меняются и базовые навыки для профессий, меняются технологии, меняется общество.

Онлайн-обучение – это процесс передачи знаний через интернет. Наполнение в таком формате обучения бывает разным: полноценные видеолекции с домашним заданием, курс из вебинаров (прямых эфиров) с лектором и моментальной обратной связью, вебинары в игровой форме и т.д. Формат зависит от содержания темы и инструментов, которые понадобятся в изучении или освоении навыка, а также от подхода спикера/преподавателя.

Онлайн-обучение часто называют дистанционным, и это отчасти верно. Но разница всё же есть, и её необходимо проследить.

Термин «дистанционное обучение» появился в университетах, которые ввели возможность получать образование на расстоянии, а не только в аудитории. Дистанционное обучение – это форма получения образования наряду с очной, очно-заочной и заочной формой.

Онлайн-обучение как термин появилось позже. В данном термине акцент смещен на то, что обучение проходит онлайн, то есть в Сети. В частности, такое обучение может быть не сертифицировано\лицензировано, не соответствовать общепринятым нормам образовательного процесса [7].

Но рассматриваемые термины объединяют такие характерные признаки, как:

- гибкий график – доступ к материалам в любое время;
- универсальность и гибкость процесса – возможность обучения в любом удобном месте и из любой точки мира;
- постоянная поддержка – существует обратная связь от преподавателей на протяжении обучения [2].

Таким образом, эти термины отличаются друг от друга временем появления и организационной основой, но описывают одну и ту же суть, и понятие только с разных точек зрения – универсально новую категорию развития человечества, новый формат процесса обучения, который по всем признакам в ближайшее время займет лидирующее место в современной системе образования не только Российской Федерации, но и мира.

Итак, основные преимущества онлайн-образования заключаются в следующем:

1. Доступность и универсальность. Для того, чтобы обучаться в Сети, необходимо только иметь электронное устройство (компьютер, ноутбук, планшет, смартфон) и стабильный доступ в интернет, который сейчас есть повсеместно. Учиться можно где угодно, а не только в аудитории Университета.

2. Гибкость и адаптивность. Все можно быстро редактировать и вносить изменения в него изменения, что актуально для таких гибких сфер, как юридическая сфера и сфера информационных технологий [1].

3. Оптимизация временных процессов. Не нужно тратить время на дорогу до места проведения мероприятия и обратно. Для того, чтобы начать обучение, нужно подключиться к определенной платформе и начать заниматься.

6. Возможность повторения материала. Многие университеты оставляют доступ к материалу после окончания обучения на несколько месяцев или вовсе не ограничивают срок доступа к материалам [8].

Достаточно важным на рынке онлайн-образования являются вопрос видов формата обучения.

1. Вебинарный формат. Это как правило единый продукт в виде урока и обычно в прямом эфире длительностью 1,5 часа с обратной связью.

2. Онлайн-курс. Это несколько уроков, связанных одной темой. Курсы могут быть разной продолжительности и глубины погружения в материал. Это зависит от их темы и методик автора. Онлайн-курс может быть создан в рамках онлайн-школы\онлайн академии или отдельно.

3. Онлайн-школа\онлайн-академия\онлайн-сообщество. Это несколько курсов, объединенные общей темой. Например, «Школа нейрочтения» или «Онлайн-академия стиля Руслана Татьянина». В одном продукте

могут быть курсы разной глубины и направленности. Сам онлайн-продукт может обучать одному навыку с разной интенсивностью или охватывать определенное количество направлений. Все данные как правило хранятся на специальных сервисах в виде платформ.

На российском рынке наибольшей популярностью пользуются такие специальные платформы, как GetCourse или JustClick. Указанные сервисы обладают достаточным функционалом, чтобы удовлетворить базовые потребности своих заказчиков и их клиентов, включают в себя максимально автоматизированную воронку, которая требует минимального участия владельца того или иного пакета, CRM-систему, конструкторы сайтов, различного рода приложения для обратной связи, систему брендинга и конечно же техническую поддержку. Все модули в таких сервисах тесно связаны между собой и владельцу не нужно импортировать данные в десятки сервисов и платить за каждый из них в отдельности [11].

4. Интернет-сообщества\ комьюнити\ группы\ каналы. Как правило, определенные группы людей со схожими интересами, которые общаются друг с другом по выбранной тематике и в определенных направлениях. Это доступ к чату или диалогу с ценным контентом в течение какого-то времени. В сообществах постоянно проводятся тематические эфиры или вебинары, публикуются уникальные материалы и участники делятся своим опытом с коллегами под руководством создателей указанного продукта [1].

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что имеет место мнение относительно легкости и простоты онлайн-обучения в контексте низкого уровня конечного результата, что является ошибочным. В процессе онлайн-обучения, как и в классическом образовательном процессе, результат учащегося зависит не только от спикера и содержания курса, но и от подхода самого обучающегося. Следовательно, процесс обучения в Сети удобен, обладает массой несомненных преимуществ, однако зависит от следующей мотивационной основы обучающегося:

- желание освоить навыки;
- расширить кругозор, саморазвиваться и узнавать себя;
- получить новую профессию;
- необходимость повысить квалификацию;
- развить soft-skills. SS – это надпрофессиональные навыки, которые не связаны напрямую с профессией, но нужны для построения успешной карьеры. Например, тайм-менеджмент, управление временем, эмоциональный интеллект, дисциплина;
- получить высшее образование – это онлайн-курсы в университетах, которые можно проходить дистанционно [8].

Знания, полученные в процессе онлайн-обучения, актуальны в любой сфере. Приобретённая информация поможет лучше узнать себя, развить личностные и профессиональные навыки или освоить новую специальность. Таким образом все зависит от двух аспектов:

1. Мотивационной базы.

2. Выбранного продукта.

Российский рынок онлайн-образования растет, как и рынок онлайн-услуг, создаются сетевые университеты, академии и онлайн-школы разных направленностей и масштабов. Несомненно, обучение в интернете быстро адаптируется к новым информационным технологиям и открывает массу возможностей для качественного обучения. В скором будущем возможно внедрение новейших технологий виртуальной реальности, которые смогут модернизировать процессы еще больше, особенно в тех прикладных областях как физика и биология, где необходимо моделирование для лучшего понимания материала [6].

Однако, принимая во внимание все положительные стороны рассматриваемого в данной статье процесса, необходимо обозначить и отрицательные аспекты:

1. Плохое качество связи или отсутствие Интернета. Учебный процесс может быть нарушен или вовсе отменен из-за отсутствия интернета или его плохого качества, которое в России встречается на сегодня редко, но все же имеет место быть.

2. Перенасыщенность информацией. Избыток информации и неумение пользоваться ей не помогает, а вводит в замешательство и размывает фокус. Создается ошибочная иллюзия выбора.

3. Недостаток общения. Люди удаленных профессий и фрилансеры сталкиваются с данной психологической проблемой. Недостаток общения приводит к психологическим вопросам со здоровьем, что прямым образом сказывается на качестве личной и семейной жизни.

4. Отсутствие навыков пользования программными сервисами. Несомненным является наличие умения пользоваться программами в Сети, для чего может потребоваться специальное обучение. Данная проблема замедляет процесс обучения и сказывается на его качестве.

5. Отсутствие навыков самостоятельно организовать учебный процесс. Не каждый способен сам себя организовать и заниматься самостоятельно, по этой причине учебный процесс становится неэффективным [5].

Таким образом, процесс онлайн-образования предоставляет нам ряд неоспоримых преимуществ, но одновременно приводит к определенным трудностям, решение которых лежит в плоскости умения работать с информацией и навыков самоорганизации [12].

Необходимо отметить – в мировых тенденциях также наблюдается рост рынка онлайн-образования. Глобализация открывает перед нами огромный международный рынок труда, важной квинтэссенцией которого является непрерывное образование. Несомненно, новые технологии уже требуют и в дальнейшем будут требовать еще больше новых видов квалификации, при этом обесценивая старые [14].

Возможность онлайн-обучения открывает перспективы в свободное от основной деятельности время. Мировым трендом стало то, что получение

образования становится непрерывным, пожизненным процессом, в который преуспевающий человек вкладывает значительную долю своих доходов. Речь идет не столько о получении второго или третьего высшего образования, а скорее о разнообразных семинарах, курсах, лекциях.

Уникальные уроки и вебинары, а также индивидуальные консультации с преподавателями с элементами презентаций и графики, способствуют лучшему усвоению материала. Виртуальное образование более гибкое, чем традиционное. Набирает обороты тенденция появления новых профессий на стыках старых дисциплин. Появляются компании, которые учат сотрудников в «Нетологии», предоставляя лучшее онлайн-образование, заказывают специалистов у Digital October и в «Лаборатории новых профессий» [4].

Кроме этого, необходимо также отметить, что на основании цифровизации общества, у нового поколения меняется восприятие текстов. На сегодня все лучше и интенсивнее воспринимается не традиционная и устная подача материала, а цифровая, с графиками, видео и картинками. Большое значение для практики новых профессиональных навыков имеют различные тренажеры и виртуальные симуляторы. К примеру, можно потренироваться в управлении компанией или дизайне игры прямо на занятиях. [10]

Все больше традиционных университетов в мире открывает площадки для онлайн-обучения. Уже сейчас можно прослушивать лекции от ведущих учебных заведений и знаменитых спикеров Европы и США. В России примером интересной площадки является платформа «Универсариум», которая сотрудничает с 35 вузами, в их числе – МГУ, МФТИ, МИФИ, МАИ и др.

Перспективными сферами онлайн-образования в России являются языковое обучение, продажи и маркетинг, бухгалтерские услуги, рабочие специальности, экономика, право, IT специализация, бизнес-образование, менеджмент и управление [9].

Постоянно растущий рынок онлайн-образования также требует новых специалистов. Прибыльный и крупный онлайн-проект сложно создать в одиночку, поэтому при организации подобного бизнеса привлекаются различного рода специалисты: продюсеры, администраторы, координаторы образовательных платформ, дизайнеры, кураторы, менеджеры, копирайтеры или редакторы и многие другие в зависимости от конкретного продукта. Следовательно, онлайн-проекты, как и офлайн-компании, создают рабочие места, составляют долю налогооблагаемой базы, являются лицом современного российского бизнеса, и прогресса страны в целом [3].

Список использованных источников:

1. Абдолданова, Р.С. Информационно-коммуникационные технологии на пути в информационное общество / Р.С. Абдолданова // Педагогическое образование и наука: журнал. – 2015. – № 2. – С. 121–123.

2. Активная информационная система вуза в информационно-образовательной среде / Г.М. Цибульский, М.В. Носков, Р.А. Барышев и др. // Педагогика: журнал. – 2017. – №3. – С. 28–33.
3. Голованова, И.А. Некоторые проблемы составления упражнений, предназначенных для электронного обучения / И.А. Голованова, Е.А. Яновская // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – № 10. – С. 39–43.
4. Дугарцыренова, В.А. Сетевые ресурсы как средство оптимизации обучения академическому письму на иностранном языке в условиях самостоятельной работы / В.А. Дугарцыренова, Д.В. Бердникова, А.К. Купцова // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – №3. – С. 26–38.
5. Измайлова, Н.С. Опыт использования онлайн-курса как инструмента развития умений письменной речи / Н.С. Измайлова // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – № 10. – С. 49–53.
6. Колесникова, А.Н. Видеопроект как мультимедийный продукт для развития устнопроизносительных навыков и устно-речевых умений / А.Н. Колесникова // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – № 7. – С. 24–28.
7. Лялина, Ю.Л. Использование интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам / Ю.Л. Лялина // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – № 10. – С. 28–31.
8. Мерцалова, Т.А. Информационная открытость системы образования: вопросы эффективности государственной политики / Т.А. Мерцалова // Вопросы образования: журнал. – 2015. – № 2. – С. 40–75.
9. Можаров, М.С. Мультимедийное проектирование в профессиональном самоопределении будущего учителя / М.С. Можаров, А.Э. Можарова // Педагогическое образование и наука: журнал. – 2017. – №1. – С. 105–110.
10. Мудракова, О.А. Проблема использования технологий дистанционного обучения в школьном образовании / О.А. Мудракова, Т.А. Биндюкова // Интеграция образования: журнал. – 2015. – № 3. – С. 29–35.
11. Мукажанов, Е.Б. Перспективы развития технологий электронного обучения / Е.Б. Мукажанов, Б.Т. Тыналиев, Е.К. Акжолов // Педагогическое образование и наука: журнал. – 2015. – № 2. – С. 115–117.
12. Петров, П.К. Информатизация физкультурного образования: опыт и проблемы / П.К. Петров // Теория и практика физической культуры : журнал. – 2017. – №1. – С. 6–8.
13. Попова, Н.В. Телекоммуникационный проект как реализация полилога культур в обучении иностранному языку в вузе / Н.В. Попова, Г.В. Третьякова // Иностранные языки в школе: журнал. – 2017. – №2. – С. 29–38.
14. Садырин, В.В. Сетевое взаимодействие педагогических вузов: механизмы формирования и развития / В.В. Садырин, М.В. Потапова, Д.В. Татьянченко // Педагогическое образование и наука: журнал. – 2017. – №1. – С. 19–25.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Е.М. Янкевич, Н.А. Кумин

Ключевые слова: инновационный менеджмент, инновационная деятельность, принципы эффективного управления.

Изучение научных подходов в управлении хозяйствующим субъектом является необходимым для успешного осуществления производственных и социальных задач в современных условиях деятельности с учетом изменений внешней среды. Менеджмент является необходимой и лидирующей частью системы управления организацией, обеспечивающий ее конкурентоспособность и развитие. Поскольку высокими темпами изменяются технологии, социально-экономическое поведение потребителей, конкурентов, партнеров, поведение работающего персонала, имеет место выделить направления инновационной деятельности организации, что и подчеркивает актуальность исследования. Цель – выявление подходов, уточнение принципов, функций инновационного менеджмента.

В данной статье использовались материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь, применялись методы: аналитический, описательный, сравнение.

В современных условиях хозяйствования неизбежно возрастает зависимость эффективности функционирования и жизнедеятельности организации от качества принимаемых решений, связанных как со сферой производства, так и с работой персонала организации и потребителями. Эффективность деятельности организации зависит от того насколько вовремя применяются инновационные методы.

Инновационный менеджмент – это процесс управления нововведениями в организации, направленный на достижение ее целей посредством рационального использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов [1].

Следует отметить, что инновационный менеджмент изучает принципы управления инновациями в организациях. Современные подходы к научному менеджменту формируют два типа теорий: во-первых, теории управления инновационными системами, которые обосновывают стратегии инновационного развития и объясняют механизм функционирования инновационных систем; во-вторых, прикладные теории организации и управления инновационной деятельностью, которые позволяют вырабатывать практические решения в области управления инновациями.

Исследование деятельности современных организаций позволяет выделить принципы эффективного управления инновациями:

1. Целевой подход к инновационному процессу, который требует обязательной постановки цели инновационной деятельности;
2. Стратегическое планирование инновационных процессов;

3. Соответствие между глобальными стратегиями компании и специфическими целями конкретных инновационных проектов;

4. Сочетание централизации и децентрализации полномочий при определении стратегических приоритетов и источников финансирования инновационной деятельности, организации научных исследований и разработок, в процессе осуществления инновационного маркетинга и оперативного управления инновационными проектами;

5. Коллегиальность в принятии важнейших инновационных решений и обеспечение участия низовых звеньев управления и служащих в процессе планирования нововведений;

6. Комплексный подход к организации инновационной деятельности, предполагающий создание целостной системы поддержки инноваций в организации, включая организационную структуру, кадровую политику, технологии производства и сбыта, корпоративную культуру и т.п.;

7. Непрерывность инновационной деятельности, что позволяет использовать ресурсы организации для постоянного внедрения новшеств [2].

Необходимо подчеркнуть, что к основным функциям инновационного менеджмента, как любого другого вида (кадровый, финансовый, инвестиционный, производственный и пр.), менеджмента, применяемого в управлении организацией, относятся:

- прогнозирование и планирование инновационной деятельности;
- сама организация инновационной деятельности;
- мотивация персонала;
- и обязательный своевременный управленческий контроль.

Согласно википедии, инновационная же деятельность — комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования. Вопросам управления инновационной деятельностью посвящено отдельное направление менеджмента — инновационный менеджмент.

Считаем, что организация в управлении должна использовать следующие виды инноваций в комплексе и взаимосвязи:

- технические, которые используются в производстве продукции с новыми или улучшенными свойствами;
- технологические возникают при применении более совершенных способов изготовления продуктов;
- организационно-управленческие связаны с процессами наилучшей организации производства, транспорта, сбыта и снабжения;
- информационные решают задачи рациональной организации информационных потоков в сфере научно-технической и инновационной деятельности, повышения достоверности и оперативности получения информации;

Во главу всех видов инноваций, на наш взгляд, в первую очередь необходимо все улучшения направлять на создание комфортных условий

труда, решение проблем здравоохранения, образования, культуры, что важно для мотивации персонала и это способствует увеличению производительности труда, так важного для экономического роста.

Целью создания всей инновационной системы в организации является: повышение конкурентоспособности продукции организации; создание инновационной базы для долгосрочного устойчивого роста субъекта хозяйствования; обеспечение ее экономической безопасности.

Нами исследованы индикаторы инновационной деятельности Республики Беларусь, данные показаны в таблице.

Таблица 1. Индикаторы, характеризующие инновационную деятельность в Республике Беларусь за 2019 – 2020 гг.

Показатели	2019 г.	2020 г.	Абсолютный прирост	Темп роста, %
Число инновационно-активных организаций, ед.	405	432	27	106,67
Удельный вес инновационно-активных организаций в общем числе организаций, %	24,5	26,2	1,7 п.п.	-
Затраты на технологические инновации, млн. руб.	1390,3	1450,9	60,6	104,36
Объем отгруженной продукции (работ, услуг) собственного производства в фактических отпускных ценах за вычетом налогов и сборов, исчисляемых из выручки, млн. руб.	91915,2	3184,8	1269,6	101,38
из нее инновационной продукции (работ, услуг)	15288,7	16696,3	1407,6	109,21
Удельный вес отгруженной инновационной продукции новой для мирового рынка в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, %	1,6	0,5	-1,1 п.п.	-

Источник: составлено авторами на основании [3].

Анализ таблицы позволяет заключить следующее, что за период 2019-2020 гг. практически все индикаторы возросли, за исключением удельного веса отгруженной инновационной продукции новой для мирового рынка в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности. Большими темпами увеличивается объем отгруженной продукции собственного производства, прирост составил 9,2%. Важным индикатором является увеличение удельного веса инновационно-активных организаций в общем объеме, который увеличился на 1,7 п.п. Однако, отгруженная инновационная продукция для мирового рынка остается невостребованной (- 1,1 п.п.). Это может быть обусловлено как внешними, так и внутренними условиями формирования или образовавшейся эпидемиологической ситуацией в мире.

Таким образом, необходимо использовать в управлении организацией инновационный подход, что поспособствует эффективности деятельности, выходу на внешний рынок и завоеванию большего его сегмента. Использование в инновационной деятельности информационных технологий, предоставит все больше возможностей, как в формировании новых организаций внутри страны, так и совместных проектов с зарубежными компаниями.

Список использованных источников:

1. Инновационный менеджмент [Электронный ресурс] // Учреждение образования Белорусский государственный аграрный технический университет. – Режим доступа: http://www.bsatu.by/publikatsiya_file. – Дата доступа: 11.11.2021.
2. Сущность и функции инновационного менеджмента [Электронный ресурс] // Минский государственный лингвистический университет. – Режим доступа: http://elearning.mslu.by/assignments/83/p1_theme5/. – Дата доступа: 11.11.2021.
3. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://www.belstat.by>. – Дата доступа: 11.11.2021.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ

Е.М. Янкевич, А.Ю. Огурцова

Ключевые слова: методы прогнозирования, классификация, информационные ресурсы.

Процесс прогнозирования является актуальным на сегодняшний день в деятельности каждого субъекта хозяйствования и занимает неотъемлемую часть нашей жизни, так как является ключевым моментом при принятии управленческих решений и в выборе рациональных подходов каждого человека.

Цель работы – рассмотреть сущность и классификацию методов прогнозирования, выявить особенности применения их в управлении.

Использованы электронные ресурсы по теме исследования. Применялись методы: описательно-аналитические, сравнение, обобщение.

Метод прогнозирования – это предсказание будущего на основании накопленного опыта и текущих предположений относительно его [1]. На сегодняшний день существует ряд методов прогнозирования, однако, в практике в основном применяются около 20 – 30 основных методов.

Существует три основных принципа классификации методов регулирования:

1. По степени формализации методов.
2. По общему принципу действия.
3. По способу получения прогнозной информации.

В данном исследовании рассмотрим методы, согласно классификации по степени формализации. Формальные методы применяются тогда, когда информация об объекте прогнозирования носит в основном количественный характер и влияние различных факторов можно просчитать через математические формулы. В то время как интуитивные методы применяются, когда информация носит качественный характер и влияние фактора невозможно просчитать через математические формулы.

В свою очередь формализованные методы делятся на методы экстраполяции и методы моделирования, что схематично изображено на рисунке.

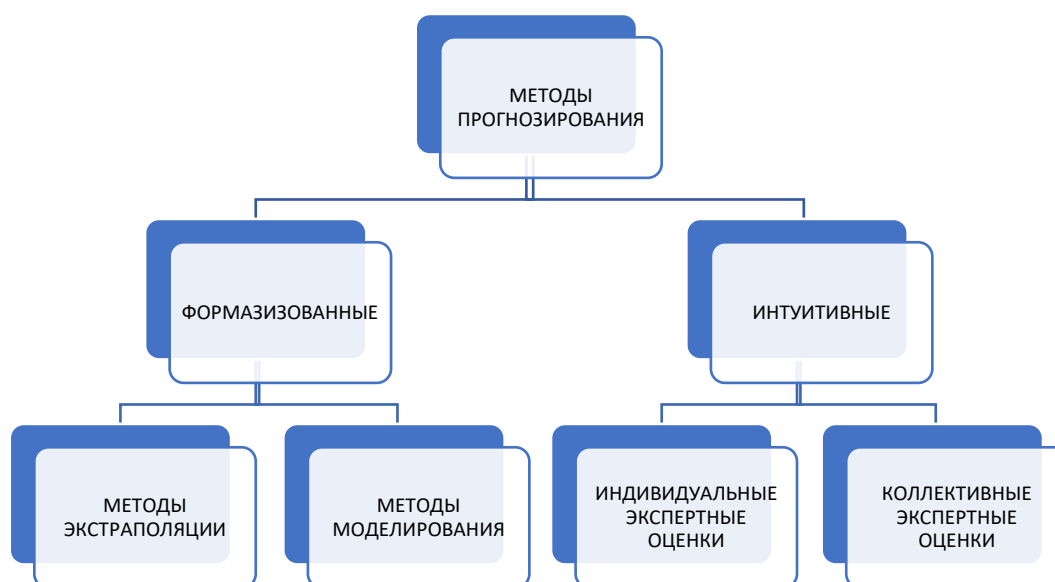

Рис. 1 – Классификация методов прогнозирования по степени формализации

Источник: авторская разработка.

Экстраполяция – перенос выводов, сделанных относительно какой-либо части объекта или явлений, на всю совокупность данных объектов или явлений, а также на их другую какую-либо часть [2]. Цель этого метода заключается в показе, к какому состоянию в будущем может прийти объект, если его развитие будет осуществляться с той же скоростью или ускорением, что и в прошлом. Этот способ достаточно распространен в практике деятельности организации, так как он является простым и дешевым. Если организация ведет хозяйственную деятельность несколько лет, то экстраполировать можно по данным как бухгалтерской, так и оперативной отчетности.

Если говорить о методе моделирования, то он в свою очередь подразделяется на методы информационного моделирования, статического моделирования, логического моделирования.

Исследованием показало, что сущность интуитивных методов прогнозирования заключается в применении в тех процессах, которые невозможно описать математическими формулами, т.е. он дает возможность получения оценки в будущем не зависимо от информационной обеспеченности. Специалист должен применить рациональную процедуру интуитивно-логического мышления. Решение проблемы в этом случае базируется на обобщенном мнении экспертов.

Нами выявлено, что индивидуальные экспертные оценки основаны на обобщении мнений отдельных экспертов. Примерами такого метода являются метод интервьюирования, аналитический метод, метод анкетного опроса. Коллективные экспертные оценки базируются в получении объединенной оценки от всей группы экспертов. «Экспертные оценки» усредняются, согласно мнению специалистов по различным вопросам, в результате чего снижаются риски, и принимается соответствующее решение.

Примерами такого опыта являются метод Дельфи, метод «мозговой атаки», метод оценки экспертной комиссии. Метод Дельфи позволяет учесть независимое мнение всех участников группы экспертов по обсуждаемому вопросу путем последовательного объединения идей, выводов и предложений и прийти к соглашению, т.е. сущность этого метода в том, чтобы проводить многократных анонимные групповые интервью. Сущность же метода «мозгового штурма», на наш взгляд, заключается в решении задач, в котором участники обсуждения генерируют максимальное количество идей решений задач, в том числе самые фантастические и в некотором смысле даже глупые. Однако, высказанные некоторые словосочетания, дают возможность появлению определенной идеи или гипотезы.

Таким образом, существует ряд методов прогнозирования, значимость их в наше время неопределима, особенно в управлении информационными ресурсами в организации. Какой бы управленческий шаг не осуществляли руководители, начиная проект либо стартап, необходимым является процесс прогнозирования всевозможных рисков, как внутренних, так и внешних, и в результате появляется своевременная возможность увидеть и исправить проблему, сохранить вложенные средства.

Список использованных источников:

1. Методы прогнозирования [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://up-pro.ru/encyclopedia/metody-prognozirovaniya/>. – Дата доступа: 07.11.2021.
2. Экстраполяция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 07.11.2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.М. Янкевич, К.А. Хохлова

Ключевые слова: трансформация права, цифровые технологии, «цифровые права».

В 21 веке происходит активное развитие цифровых технологий. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни не только человека, но и права. С каждым годом влияние цифровых технологий на правовое регулирование постоянно увеличивается. Влияние цифровых технологий на право отражается в отраслевом законодательстве, также проявляется в формировании нормативных правовых актов, которые создают базу цифровизации. Выбранная тема исследования актуальна ввиду значительных изменений в правовой системе, которые обусловлены постоянным внедрением новых цифровых технологий в правовую систему.

Цель работы – исследование и анализ влияния цифровых технологий на трансформацию права в Республике Беларусь.

В статье использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, применялись методы: описательно-аналитический, сравнение, анализ и синтез.

Повсеместный переход к цифровым технологиям во всём мире ознаменовал приход цифровой революции. Она формирует новые права в пространстве Интернет. Цифровая трансформация в Республике Беларусь привела к созданию цифровой экономики и формированию институтов цифрового права. После цифровизации общественных отношений стало необходимым урегулировать эти отношения. Существуют универсальные международные права человека, которые обеспечивают безопасность личности, общества и государства в целом. Существует Кодекс онлайн прав ЕС, который опубликовала Европейская комиссия в 2013 году [1]. В этом сборнике были представлены основные права гражданина в области электронных коммуникаций, защиты прав потребителя в сети Интернет, а также права об электронной торговле. Европейский союз первым усовершенствовал законодательство в области персональных данных в цифровую эпоху. Никого не удивило появление так называемого права на забвение. Суть права в том, что субъект, владеющий персональными данными, может их удалить, если они не являются корректными и полными. Существует также право на уважение частной жизни; право на осведомлённость, защиту и реализацию прав в интернете; право на управление интернетом и многие другие права, которые постоянно появляются в связи с внедрением новых цифровых технологий в жизнь человека. За несоблюдение прав предусмотрена уголовная ответственность. В большинстве случаев, нарушителями закона являются граждане, которые не были вовремя проинформированы или же осведомлены о существовании того или иного закона. Незнание закона не

освобождает от ответственности. Интенсивность развития цифровых технологий влечет за собой своевременность правового регулирования.

По данным таблицы покажем динамику развития цифровой экономики в Республике Беларусь за 4 года.

Таблица 1 – Динамика показателей цифровой экономики в Республике Беларусь 2017 – 2020 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	прир. (+/-)	Темп роста, 2020 к 2017г., %
Количество абонентов и пользователей стационарного широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения, ед.	33,5	34,0	34,2	34,8	1,3	103,9
Количество абонентов и пользователей беспроводного широкополосного доступа в сеть интернет на 100 человек населения, ед.	20,4	21,0	2,3	24,5	4,1	120,1
Удельный вес населения в возрасте 6-72 лет, использующего сеть Интернет ежедневно в общей численности населения в возрасте 6 – 72 лет, %	48,5	54,3	62,6	71,3	22,8 п.п.	-
Удельный вес населения в возрасте 6 – 72 лет, использующего сеть интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления, в том числе получения информации, в численности населения в возрасте 6 – 72 лет, %	11,1	13,1	19,0	23,6	12,5 п.п.	-

Источник: составлено автором на основании [2].

Данные таблицы позволяют проследить следующие тенденции развития цифровой экономики в Республике Беларусь. Так, количество абонентов и пользователей стационарного широкополосного доступа в сеть интернет на 100 человек населения с 2017 года по 2020 возросло на 1,3 единицы на 100 чел. населения, а абсолютный прирост составил 3,9%. Что обусловлено тем, что цифровая трансформация внедряется во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе имеет и правовую составляющую. Абсолютный прирост удельного веса населения в возрасте 6-72 лет, использующего сеть Интернет ежедневно в общей численности населения в возрасте 6 – 72 лет

увеличился на 22,8 п.п. Человек использует интернет ежедневно для общения, развития и работы. Так, следующий показатель таблицы подтверждает, что человек взаимодействует с органами государственного управления посредством сети Интернет. Изменение удельного веса населения в возрасте 6 – 72 лет, использующего сеть интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления, в том числе получение информации, в численности населения в возрасте 6 – 72 лет, обусловлено тем, что в программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 - 2020 гг., является внедрение технологий электронного правительства [3].

Таким образом, исследование показало, что цифровая трансформация оказывает непосредственное влияние на реализацию прав человека. Она также способствует появлению новых прав человека. В процессе изучения динамики нами выявлена неизбежность влияния цифровых технологий на повседневную жизнь, которая с каждым днём возрастает. Процесс цифровизации развиваться, тем самым появляется всё больше проблем правового характера в сети Интернет. Дабы избежать этих проблем, необходимо знать «цифровые права» человека.

Список использованных источников:

1. Цифровая трансформация и права человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-prava-cheloveka>. – Дата доступа: 07.11.2021.
2. Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 07.11.2021.
3. Использование социальных сетей в государственном управлении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-setey-v-gosudarstvennom-upravlenii>. – Дата доступа: 07.11.2021.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Е.М. Янкевич, Г.И. Чуков

Ключевые слова: методы экономического анализа, горизонтальный и вертикальный анализ, порядок применения, оценка деятельности.

Для эффективного управления организацией и своевременного выявления динамики показателей ее деятельности используется ряд методов, в результате чего принимаются соответствующие управленческие решения. Различные методы исследований применяется при разработке бизнес-

планов, в оценке имущественного состояния, с целью выявления неиспользованных резервов. Экономический анализ играет важную роль в оценке и повышении экономической эффективности деятельности организации, что обуславливает актуальность изучения.

Цель – продемонстрировать методику применения вертикального и горизонтального экономического анализа.

Исследование базируется на материалах Главного статистического управления Витебской области. При подготовке материалов использовались методы: сравнения, обобщения, анализа и синтеза.

Экономический анализ – включает в себя взаимосвязанные и взаимообусловленные методы изучения и научного исследования определенных экономических явлений, процессов, действий, результатов. Следует отметить, что экономический анализ очень обширен и включает в себя много видов и методов расчёта, покажем применение горизонтального и вертикального методов анализа.

Горизонтальный анализ – это сравнительный анализ данных за ряд периодов. Базируется на изучении динамики отдельных показателей во времени. Сравниваются два вертикальных столбца показателей (план с фактом, или отчетный период с предыдущим). Для этого абсолютные показатели отчетности дополняются показателями относительными. Применение горизонтального анализа показано в таблице 1.

Таблица 1 – Порядок применения горизонтального анализа в оценке выполнения плана организации

Показатели	Объём пр-ва., шт.		Абсолютное отклонение, шт.	Темп роста, %
	план	факт		
Товар А	400	450	$450-400=50$	$(450/400)*100= 112,5$
Товар Б	550	510	$510-550=-40$	$(510/550)*100= 92,72$
Итого:	950	960	$960-950=10$	$(960/950)*100= 101,05$

Исходя из данных таблицы 1, можем отметить, что план по производству Товара А перевыполнен на 12,5%, а по производству товара Б не довыполнен на 7,28%. Однако, в целом план по производству этих двух товаров перевыполнен на 1,05%, данное перевыполнение произошло из-за увеличения выпуска товара А. Другими словами, горизонтальный анализ демонстрирует резервы роста, например, товара Б, изучаются причины недовыполнения плана, решается вопрос о продолжении производства данного товара или его совершенствования и доработки или снятия с производства.

Вертикальный анализ информации производится в сравнении не по периодам, а в рамках одного периода сравниваются разные однородные показатели. Суть анализа заключается в нахождении удельного веса каждого товара путем принятия обще суммы за 100% и каждый элемент – процентная доля. Порядок применения вертикального анализа покажем в таблице 2

на фактических данных затрат на производство и реализацию продукции организаций Витебской области за 2020 год.

Таблица 2 – Структура затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) по Витебской области за 2020 год

Показатели	2020 г.	Удельный вес, %
Затраты на производство продукции (работ, услуг)	16495864	100
Материальные затраты	11963666	$(11963666/16495864)*100= 72,52$
Затраты на оплату труда	2291002	$(2291002/16495864)*100= 13,9$
Отчисл. на социальные нужды	763452	$(763452/16495864)*100= 4,63$
Амортизация основных средств и нематериальных активов	847131	$(847131/16495864)*100= 5,14$
Прочие затраты	630613	$(630613/16495864)*100= 3,81$

Источник: составлено авторами на основании данных [1].

Исходя из данных таблицы 2, можем сделать вывод о том, что наибольшую процентную долю в структуре затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) организаций по Витебской области за 2020 год занимают материальные затраты с удельным весом 72,52%, а наименьшую это прочие затраты, удельный вес которых 3,81%. Поскольку для увеличения прибыли организации, необходимо минимизировать уровень затрат, что возможно только за счет снижения расходов статьи материальные затраты, необходимо изучать эти возможности более детально по элементам. Таким образом, вертикальный анализ позволяет определить долю элемента в составе общих затрат.

Таким образом, следует отметить, что горизонтальный и вертикальный анализ – это два самых важных метода в оценке хозяйственной деятельности субъекта. Два этих способа очень полезны для анализа и диагностики, однако, у них есть и минус – они не могут оценить факторы, повлиявшие на результат оценки. Поэтому в управлении информационными ресурсами используется одновременно ряд методов: статистические, математического моделирования, нейронные сети и др. Именно, применение данных методов во взаимосвязи очерчивает круг вопросов направления деятельности организации и способствует эффективности принятия управленческих решений. Целями дальнейшего нашего исследования является практика применения факторного анализа в деятельности организации.

Список использованных источников:

1. Финансы организаций. [Электронный ресурс]. Главное статистическое управление Витебской области. – Режим доступа: <https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ekonomicheskaya-statistika/finansy-organizatsiy/>. – Дата доступа: 05.11.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамчук Дарья Васильевна, студентка 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Алексеев Светлана Михайловна, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Аниськина Эвелина Геннадьевна, исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (г. Смоленск, Россия)

Анюховская Наталья Владимировна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Барган Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета № 2 Криворожского учебно-научного института Донецкого государственного университета внутренних дел (г. Кривой Рог, Украина)

Барышев Владимир Алексеевич, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Блинков Олег Евгеньевич, профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Государственного социально-гуманитарного университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, доктор юридических наук (Россия)

Борботько Павел Валентинович, доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук (г. Витебск, Беларусь)

Бочков Александр Александрович, декан юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Беларусь)

Будько Алексей Васильевич, студент 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Бурак Яна Андреевна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Бурносова Юлия Львовна, помощник судьи Смоленского областного суда (г. Смоленск, Россия)

Вашетькова Светлана Петровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Воронов Денис Михайлович, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Горнак Инесса Викторовна, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Грачева Дарья Алексеевна, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Грачева Ольга Андреевна, студентка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (г. Орёл, Россия)

Гуминский Максим Николаевич, старший инспектор по особым поручениям управления охраны правопорядка и профилактики милиции общественной безопасности управления внутренних дел Витебского облисполкома, подполковник милиции, магистр юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Гурко Юлия Петровна, ведущий юрисконсульт государственного научного учреждения «Институт технической акустики Национальной академии наук Беларуси», магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Гурщенков Павел Валентинович, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Дмитриева Татьяна Федоровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Долгая Евгения Владимировна, студентка 2-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Егорова Александра Георгиевна, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Елисеев Вячеслав Сергеевич, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, доктор юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Завадский Евгений Игоревич, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

Ивашкевич Елена Францевна, заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь)

Кавецкий Дмитрий Александрович, библиотекарь 2-й категории ГУК «Витебская районная центральная библиотека» (г. Витебск, Беларусь)

Козак Маргарита Александровна, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Козлова Лариса Владимировна, ведущий юрисконсульт коммунального унитарного предприятия по оказанию услуг «Центр недвижимости г. Витебска» (г. Витебск, Беларусь)

Козловская Виолетта Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Коршок Дмитрий Игоревич, студент 4-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Ксендзов Владимир Витальевич, студент 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Кубарев Иван Владимирович, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин факультета № 2 Криворожского учебно-научного института Донецкого государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент (г. Кривой Рог, Украина)

Куликова Олеся Николаевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук (г. Смоленск, Россия)

Кумин Никита Александрович, студент 2-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Кусков Алексей Сергеевич, председатель Саратовской региональной общественной организации «Центр правовой защиты потребителей», магистр юриспруденции (г. Саратов, Россия)

Лаппо Дмитрий Александрович, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Лосев Сергей Сергеевич, ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Беларусь)

Маркина Наталья Александровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Маркова Наталья Сергеевна, студентка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (г. Орёл, Россия)

Михайлова Ольга Петровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Мороз Олег Леонидович, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Мороз Наталия Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Муллахметова Наталья Евгеньевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (г. Смоленск, Россия)

Муравьев Андрей Александрович, преподаватель Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (г. Орёл, Россия)

Николичев Денис Николаевич, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Огурцова Ариана Юрьевна, студентка 2-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Петров Анатолий Петрович, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Петров Владимир Анатольевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Преснякова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Прилепова Анастасия Михайловна, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Прыгун Виктория Дмитриевна, студентка 1-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Рахвалова Дарья Олеговна, старший преподаватель кафедры аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск, Россия)

Реут Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Ромашов Роман Анатольевич, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Самотошенкова Ксения Андреевна, преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Санковский Константин Васильевич, студент 2-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Сафонов Александр Ильич, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Сафонова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Смолякова Злата Владимировна, студентка 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Снитко Елена Владимировна, старший следователь второго следственного отделения Витебского городского отдела Следственного комитета Республики Беларусь, майор юстиции, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Стаценко Владимир Григорьевич, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук (г. Витебск, Беларусь)

Студенцова Юлия Николаевна, старший инспектор отдела идеологической работы и кадрового обеспечения управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Витебской области (г. Витебск, Беларусь)

Сухарев Андрей Александрович, доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук (г. Витебск, Беларусь)

Трацевская Людмила Федоровна, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, магистр права (г. Витебск, Беларусь)

Усачёва Елена Александровна, магистрант ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Усцов Данил Константинович, аспирант, младший научный сотрудник кафедры гражданского права и процесса Вятского государственного университета, магистр юриспруденции (г. Киров, Россия)

Филимонова Виктория Ивановна, преподаватель 1-й категории филиала УО «БГТУ» «Витебский государственный технологический колледж» (г. Витебск, Беларусь)

Шантырева Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Шашкова Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Шеленговский Павел Геннадьевич, доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук (г. Витебск, Беларусь)

Шматков Игорь Иванович, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент (г. Витебск, Беларусь)

Хилькевич Виталий Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Хоменко Елена Владимировна, доцент кафедры аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета, кандидат экономических наук (г. Новосибирск, Россия)

Хохлова Каролина Александровна, студентка 2-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Чуков Георгий Игоревич, студент 2-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Чупракова Полина Александровна, младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Янкевич Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Янч Валерий Вацлавович, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук (г. Витебск, Беларусь)

Янчук Валерий Александрович, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук (г. Витебск, Беларусь)

Ястреб Денис Станиславович, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ**

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

В.Л. Пугач

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 31,39. Уч.-изд. л. 17,26. Тираж 65 экз. Заказ 181.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.